

Рина ЛЕСНИКОВА

Теплые листья
ЛЕТА

Annotation

Санайя дин Тиаграсса живет с отцом и мачехой в торговой столице королевства Тиирра в портовом городе Сторхеде. Живет и мечтает, как все девушки ее возраста, выйти за любимого мужчину. Знатен, хорош собой, далеко не беден. Препятствий для брака возникнуть не должно. К сожалению, отец решил, что банкир в зятях гораздо выгоднее, чем аристократ. Странности начались, когда этот самый банкир решил освятить брак не в привычном всем храме, а в Священном Лесу. В Лесу, в котором в древности проводились загадочные ритуалы. Попробовать переиграть навязанного жениха? Почему бы и нет. Ведь в этом месте выбирают не люди, а древние боги. Только ни в коем случае ничего не рассказывайте богам о своих планах!

Книга относится к серии Сезоны любви, но является вполне самостоятельным произведением. ее можно читать отдельно от первой книги Дождь до конца осени

-
- [Лесникова Рина. Палые листья лета](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)

- [ГЛАВА 16](#)
 - [ГЛАВА 17](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
-

Лесникова Рина. Палые листья лета

Санайя дин Тиаграсса живет с отцом и мачехой в торговой столице королевства Тиирра в портовом городе Сторхеде. Живет и мечтает, как все девушки ее возраста, выйти за любимого мужчину. Знатен, хорош собой, далеко не беден. Препятствий для брака возникнуть не должно. К сожалению, отец решил, что банкир в зятях гораздо выгоднее, чем аристократ. Странности начались, когда этот самый банкир решил освятить брак не в привычном всем храме, а в Священном Лесу. В Лесу, в котором в древности проводились загадочные ритуалы. Попробовать переиграть навязанного жениха? Почему бы и нет. Ведь в этом месте выбирают не люди, а древние боги. Только ни в коем случае ничего не рассказывайте богам о своих планах!

Книга относится к серии Сезоны любви, но является вполне самостоятельным произведением. ее можно читать отдельно от первой книги Дождь до конца осени.

ПРОЛОГ

Пузатый торговый корабль, гордо именуемый «Трезубец Ирден»* важно замер почти в центре небольшой спокойной лагуны. Где-то там, за грядой опасных рифов, бессильно ярился и пенился разбушевавшийся океан, здесь же только легкая рябь и укоризненные покачивания верхушек далеких пальм намекали на присутствие ветра. Почему так? Да кто ж будет разбираться. После изнуряющего трехдневного шторма экипаж — от напыщенного мага до безусого корабельного юнги выложились до последнего, зверски устали и мечтали лишь об одном — хотя бы ненадолго занять горизонтальное положение. Или не горизонтальное. Лишь бы быть уверенным, что очередной шквал не окажется для их судна последним. Лишь бы повелитель воды Ирден не счел, что именно это жалкое суденышко с почти пустыми трюмами и горсткой уставших мужчин будет ему достойной добычей.

Отпустил. Мало того, провел меж опасных рифов и позволил взять передышку.

— Боцман! Открыть бочку самого лучшего вина и сбросить за борт!

Ни один матрос не возмутился этому безумному на взгляд сухопутного приказу. Но с Ирденем лучше не шутить.

Вода охотно приняла подношение. Следом за бочкой в воду полетели кортики, перстни, монеты и серьги. Платить дорогими для тебя вещами всяко лучше, нежели жизнями.

— Сутки на отдых, завтра в это же время принимаемся за ремонт. Со мной на вахте остаются Вертен и Ширрах. Через двенадцать склянок нас сменят Узер и Дроб с Калиньшем. Время пошло!

Просоленные лица расплылись в широких улыбках. Все же, понимающий у них капитан. Единственная уцелевшая шлюпка была моментально спущена на воду, и первая часть свободного от вахты и забот экипажа рванула к берегу, на который высыпала толпа местных жителей. Все до одного люди, они громко переговаривались меж собой гортанными голосами и бесцеремонно тыкали пальцами в

приближающихся пришельцев. Похоже, нечасто им приходилось видеть иные расы.

Помощник капитана орк Узер был сразу же окружен стайкой восторженно щебечущих девушек и, напутствуемый ядреными советами матросов, утащен куда-то вглубь острова. Похоже, не спать его ведут, совсем не спать. Какой уж тут сон, уж кто-кто, а орки никогда не упустят возможности приятно провести время с противоположным полом. Впрочем, остальным членам команды тоже не на что было обижаться, каждого выбрала одна, а то и сразу две женщины. Берег быстро опустел.

Аборигенов можно было понять. Живя обособленно и не имея возможности обновлять кровь, они были бы обречены на вымирание. Матросам придется постараться.

Вымотанный донельзя и столь же счастливый Узер вернулся в точно оговоренное время. Капитан и владелец судна Леандр дин Тиаграсса сошел с корабля глубокой ночью. Нет, он не собирался воспользоваться благосклонностью местных красавиц. Еще чего не хватало. Он не брезговал есть из одной чашки со своими матросами. Но пользоваться одной женщиной... Не так уж он и голоден в этом смысле. Потерпит до порта. Ждет там его одна податливая вдовушка. Ох, и гораздо она на выдумки. От воспоминаний тут же поднялось настроение. И не только оно. Вернуться, допить початую бутылку рома и завалиться спать? Но один вид тесной каюты и белой от океанской соли палубы вызывал нешуточную тошноту. Так хотелось ступить на твердую землю. Пусть это и был зыбкий прибрежный песок.

Шлюпка плавно толкнулась в берег. Хорошо, что сейчас ночь, и все порядочные девушки должны спать. Он углубится в их пальмовый лес, ляжет под деревом и спокойно проспит до утра.

Кого это еще несет? Как хорошо, что с ним Вертен и Ширрах. Можно спокойно отойти в сторону, предоставив возможность матросам поделить припозднившуюся красавицу. Только нужно предупредить, чтобы без драки, а то изголодавшихся мужиков двое, а дама одна.

— Ат-Уаки* дала мне тебя, — на ломанном тииррском произнесла девушка и, к удивлению онемевшего на несколько мгновений

капитана, надела на его шею роскошное ожерелье из одуряюще пахнущих местных цветов.

Сказать, что он спешит, и быстро уйти? Этот трюк прошел бы в порту. А здесь-то куда спешить. В абсолютно незнакомом месте. Ночью. Уже завтра у него появится масса дел, а сегодня, сам же распорядился, только отдых.

— Какая краля. Везунчик капитан! — сопровождающие его матросы расплылись в понимающих улыбках и исчезли в ночи.

Теперь можно бы и уйти. Его бегства никто из команды не увидит. Но запах островитянки так соблазнителен, а ее руки и губы так горячи. Да и вдовушка далеко. И Леандр дин Тиаграсса поспешил за девушкой, ее чарующим серебристым смехом и загадочной песней-причитанием на чужом языке. Смутно порадовался, что тащит она его не к скоплению тростниковых хижин, а куда-то в лес. Трусливо промелькнула и тут же исчезла мысль, что он и сам собирался туда пойти, чтобы отдохнуть. Может, удастся отстать и затеряться? Но юное тело такое притягательное, а накотившее желание практически невыносимо.

Кто с кого начал срывать одежду первым, капитан Тиаграсса не вспомнил бы и под страхом смертной казни. Он с жадностью набросился на податливое женское тело, с досадой отметил болезненный вскрик, но остановиться уже не мог. Даже если бы повелитель воды Ирден грозил накрыть его одной из своих самых страшных волн. Леандр сейчас сам был ураганом, неистово бушующим океаном и целым миром, диким и необузданным.

Безумие. Это какое-то безумие. Даже после своих самых долгих странствий он не испытывал такого голода. Да и девушка — а до встречи с ним его партнерша, несомненно, была девушкой — не давала ему возможности опомниться. Гори все синим пламенем. Эта ночь их и только их.

Наутро Уна — так звали ту, что подарила ему свою невинность и страсть — произнесла странные слова:

— Ильгра сказала, что Ат-Уаки благословила нашу любовь.

Что-то заговаривается девушка. Или путается в чужом языке? Когда бы неизвестная Ильгра могла это сказать? Уж точно не до того, как Уна увела его в лес. А после этого они уже ничего и никого не слушали. Некогда было. Придумает тоже, проведенная вместе ночь, и

уже благословили. Нет, в большом мире так дела не делаются. Малышка, конечно, хороша, но всерьез задумываться о браке с дикаркой? Если только перевезти ее на большую землю и поселить в каком-нибудь маленьком уютном домике? Портов много. Как известно, у настоящего моряка в каждом порту по жене.

Две недели, потраченные на ремонт корабля, пролетели, как один день. Приходилось безжалостно понукать команду. Уходить из гостеприимного места никому не хотелось.

— Останься со мной! — милая наивная Уна. Неужели, она считает, что этот забытый богами и сборщиками налогов остров и есть предел мечтаний капитана дин Тиаграсса? У него есть более высокие цели.

— Я не могу. У меня долг перед командой. Меня ждут дела на большой земле. Если хочешь, поедem со мной. Я тебя не обижу, — говоря так, Леандр был в тот момент вполне искренен.

— Ат-Уаки не отпустит свою дочь!

Опять эта странная Ат-Уаки. Божество? Наверное, ведь мать Уны звали Или.

— Мы должны отправляться, Уна. Понимаешь, должны.

Островитянам не было знакомо такое понятие, как эфемерный долг. Они жили одним днем, радостно принимали все, чем он их одаривал и искренне верили, что и назавтра боги не отринут от них свои милости, наделяя кровом и пищей. Но Уна покорно ответила:

— Я понимаю. И буду тебя ждать.

Прощание вышло не таким театральным и надрывным, каковыми были его прощания с ожидающей в Сторхеде вдовушкой. Уна, как и все девушки, надела на шею своему избраннику цветочное ожерелье. Больше всего ожерелий украсило могучую шею помощника капитана Узера, вот уж кто всполошил сердца местных молодых, да и не только их, вслед орку счастливо улыбались и несколько беззубых ртов. Впрочем, если никто не остался обиженным, какие могут быть упреки?

Важно поскрипывая снастями, корабль покинул гостеприимный остров. Надолго ли останутся в памяти моряков его любвеобильные дамы? Кто знает. Но Леандр дин Тиаграсса с какой-то затаенной нежностью думал о маленькой белозубой островитянке, когда почти через четыре года его корабль вновь бросил якорь в той же лагуне.

Судьба? Воля повелителя воды Ирдена? Кто же его знает. Ведь воля богов и есть судьба, и свершается она независимо от того, веришь ты в богов или нет. А какой же мореход не верит в Ирдена? Такой надолго в море не задержится. Или сбежит на сушу, или отправится в гости к божеству, так сказать, знакомиться.

Тот же остров, те же приветливые улыбки на лицах его жителей. Приветственные крики узнавания, та же звонкоголосая юркая детвора под ногами. Уна. Уже не та наивная девчонка, а уверенная в себе женщина. И маленькая сероглазая девочка со смешными каштановыми кудряшками, крепко прижимающаяся к ее ноге. Может быть такое, что девочка вовсе и не дочь капитана дин Тиаграсса? Может. Но отчего так беспокойно застучало сердце? Отчего соленые капли жгут глаза, встретившиеся с доверчивыми серыми глазами? Точно такими же, которые он наблюдал в зеркале при бритье.

Островитяне не лгут. Тем, кто счастлив, незачем лгать.

— Это твоя дочь, — просто сказала Уна и тепло улыбнулась.

— Папа? — как малышка старательно выговаривает новое для нее слово.

— Да, я твой папа.

Решение созрело мгновенно. Он не может бросить их здесь.

— Уна, поедem со мной! Там, на большой земле, ты ни в чем не будешь испытывать нужды! Я накуплю тебе шелковых платьев и украшений. Я буду носить на руках тебя и нашу девочку! Ты там будешь счастлива!

Островитянка беспечно рассмеялась.

— Платья у меня есть, целых два! — она гордо дернула подол дешевого ситцевого одеяния. — Украшения я сделаю сама, — Леандру было продемонстрировано ожерелье из обломков перламутровых раковин. — А счастлива я только здесь, — при последних глазах ее взгляд стал необычайно серьезен. — Ат-Уаки не любит, когда ее дочери покидают ее без надобности, — и Уна судорожно прижала к себе дочь.

Если бы не этот ее жест, капитан дин Тиаграсса и не додумался бы до того, что впоследствии совершил. Уна испугалась, что он украдет девочку? Какая странная идея...

Мог ли Леандр Тиаграсса оставить дочь здесь? Чтобы через десять с небольшим лет она, так же, как и ее подруги, доверчиво

спешила навстречу уже другим морякам, решившим бросить якорь в этом благословенном месте. Его дочь достойна большего.

Уже на следующий вечер «Трезубец Ирден» покидал уютную гавань. В каюте капитана на узкой кровати сидела маленькая девочка и широко раскрытыми глазами рассматривала незнакомую обстановку. На берегу, в старческих, но крепких объятиях местной уурду* Ильгры билась в слезах молодая женщина.

— Поплачь, Уна, поплачь. Пусть слезы унесут твою боль, — приговаривала старая Ильгра. — Богине Ат-Уаки было угодно, чтобы твоя девочка ушла в большой мир. Кто мы такие, чтобы противиться ее воле? Ты поплачь, а потом благослови. Нет ничего сильнее искреннего благословения матери. И отцу ее не шли проклятий. Нет ничего страшнее проклятия обманутой женщины. Эх, Уна, Уна, стара я уже стала, менять меня пора, а уурду можно стать только через боль. Жестоко? Но кто мы такие, чтобы спорить с Ат-Уаки? — печально повторила она.

ГЛАВА 1

— Не морщись, не морщись! И комплиментов не жди, не дождешься! — Санайя строго погрозила пальцем зеркалу, вернее, отражающейся в нем сероглазой пухлощекой шатенке. — Да, я знаю, все психически нормальные девушки склонны считать себя привлекательными. И ты будь добра считать так же! Так и считаешь? То-то, — пока никто не видит, отражению был показан язык. Да, неприлично, но самой себе — можно. — И вообще, это только с первого взгляда мужчины западают на внешность. А потом... нет, могут, конечно, и на кошелек, но у нас явно не тот случай. У Риченда и своих денег достаточно. А значит, нас с тобой любят за внешний вид и милый характер, дорогая иерина дин Тиаграсса. Да, именно так, за милый характер! И не спорь.

Отражение в зеркале и не думало спорить. Да и с кем спорить? С самой собой? Бессмысленно и неконструктивно.

Санайя поднялась с пуфика перед зеркалом, где она приводила себя в порядок после сна, и сладко потянулась. Сегодня замечательный день. Не то, чтобы ее прочие дни были плохи, но сегодняшней день был особенным. Сегодня ей исполнилось восемнадцать. Совершеннолетие. Это ведь что-то особенное, правда? Пусть зеркало и не отразило изменений, но они были. Новые возможности, новые права. Да все новое! Сегодня в ее честь папа и Эмильена устраивают прием. Будет не меньше полутора сотен гостей. Здесь Санни поморщилась. Гости — большей частью деловые партнеры ее отца, и этот прием мало чем будет отличаться от множества таких же приемов, где встречаются деловые люди мира сего: коммерсанты, банкиры и промышленники. Разве что придут они с разряженными в пух и прах женами и дочерьми, и обсуждать свои скучные дела примутся не сразу, а предварительно сказав несколько высокопарных слов виновнице торжества и вручив безумно дорогой подарок вроде акций жутко перспективной горнорудной компании. Дельцы — они и есть дельцы. Ну да и ладно, она уже давно не обижалась на папу. Бизнес прежде всего, это в их семье знали все.

И все же, кое-чем этот прием будет отличаться от других. Сегодня Рич попросит у папы ее руки и его отцовского благословения. Санни мечтательно повторила несколько па из паратена — танца, в котором они закружатся после того, как жених наденет на ее пальчик помолвочное кольцо.

— Ри-Рич, и-ич, па-да-дам, Ри-Рич, — будущая невеста раскинула руки, сделала глубокий реверанс и счастливо засмеялась. Как же прекрасна жизнь.

Но хватит предаваться мечтам, пора торопиться на завтрак. Сегодня еще столько нужно сделать.

— Эмили, Лео, доброе утро, — Санни, выслушав поздравления, приложила щекой к щеке мачехи, изображая поцелуй, и чмокнула в макушку младшего братца. — Папа уже ушел?

— Как всегда, дорогая, как всегда, — Эмильена дин Тиаграсса привычно вздохнула. — А то ты не знаешь нашего папу.

— Знаю, и нисколько не удивляюсь, — именинница заняла место за столом и принялась за завтрак. — Что у нас на сегодня осталось?

— Кухню я уже проверила, там все в порядке, от цветочного магазина придут к двум часам, зал осталось оформить только цветами, — поведала мачеха. — К двум же придет и иерина Прани, сделает прическу сначала мне, потом тебе. Оркестранты приглашены к семи. Все готово, милая, тебе не о чем волноваться, — успокаивающе улыбнулась она. — Хотя, ах, где мои восемнадцать, я бы на твоём месте тоже волновалась.

— Тебе ли сожалеть, — Санни вернула улыбку. — Может, я волнуюсь о том, что кто-нибудь из папиных гостей нас с тобой перепутает и вручит подарок тебе.

— А я знаю, что тебе подарит папа! — хитро заявил молчавший до этого младший братец.

— Лео, не порть папе сюрприз, — осуждающе проговорила иера дин Тиаграсса. — Всему свое время.

— Ладно, — протянул мальчуган, — пусть еще помучится.

Вот же заговорщики. Была у Санни мечта. Восемнадцать лет — как раз тот самый возраст, когда можно садиться за руль магомобилия. Но папа такой перестраховщик. Вряд ли откликнется на ее отчаянную просьбу. Хотя — невольная улыбка растянула губы — она же совсем

скоро выйдет замуж, и Рич обязательно купит ей магил. Или выделит один из своих, коих у него аж три сразу.

— Милая, ты так хороша, когда улыбаешься. Думаю, если ты продолжишь в этом же духе, сегодня тебе не будет равных, — отметила мачеха.

— Ах, Эмили, сегодня такой особенный день! Как же мне не улыбаться. У меня же жизнь начинается!

— И это прекрасно. А теперь беги, собирайся, — иера дин Тиаграсса отпустила падчерицу. — И помни, сегодня ты должна затмить всех!

— Обязательно, — рассмеялась Санайя и вышла из столовой. К тому моменту, когда подойдет иерина Прани, чтобы заняться волосами, она уже должна быть почти готова. Сейчас предстояло провести множество приятных каждой женщине процедур, после которых можно затмить и солнце.

Как же хорошо, что у Санни есть папа и Эмильена, иначе не выдержала бы и сбежала от этого потока любвеобилия и доброжелательности. Ну, или взвыла. Прием длился немногим более двух часов, а она уже устала. Скорее бы уже закончилась черед гостей и их поздравлений. Пока же остается развлекаться тем, что предугадывать, что подарит и скажет тот или иной гость. Как же они все предсказуемы со своими уже набившими оскомину словоизлияниями и бездушными подарками. Эти жесткие корсеты, наверное, для того и придуманы, чтобы дамы не могли слишком глубоко вздохнуть, выказывая тем самым свое недовольство.

Мысли произвольно перескакивали с темы на тему, они совсем не мешали держать милую улыбку, долженствующую изображать внимание, и никогда не заслоняли главную: скоро подойдет Риченд. Любимый не захотел смешиваться с общей толпой, и ждал, когда количество жаждущих пообщаться с именинницей иссякнет. И правильно, негоже смешивать столь важное действие, как помолвка, с кучей обычных поздравлений и пустых славословий.

Уф, кажется, закончилось. Вот и Риченд, он направляется к ним. Папа и Эмильена изобразили очередные приветливые улыбки. Совсем скоро эти улыбки превратятся в искренние. Все же перспектива породниться с потомственным аристократом, пусть и вторым сыном, весьма заманчива для обычного купеческого семейства, пусть и весьма

богатого. К тому же, Рич и его семья тоже не бедствуют. Препятствий для этого брака просто нет.

— Иерина Санайя, иера дин Тиаграсса, иер дин Тиаграсса, — обращаясь к каждому по отдельности, начал Риченд, — позвольте присоединиться ко всем прозвучавшим здесь ранее поздравлениям, — еще один тщательно выверенный наклон головы. — И, иер дин Тиаграсса, мы можем поговорить в более приватной обстановке?

Отец хмыкнул, Эмильена предупредительно положила руку на предплечье падчерицы. И как только поняла, что Санни собирается последовать за мужчинами.

— Дорогая, позволь мужчинам обсудить свои мужские дела, — в звучном контральто мачехи зазвучали воркующие нотки. Сколь многие люди ошибались, не заметив под их бархатистой мягкостью жесткости стальных клинков. — Пойдем к гостям. Негоже всем хозяевам сразу их покидать.

Но ведь дело, которое собирается обсуждать Риченд, касается непосредственно ее, Санайи. Впрочем, Эмильена, как всегда права. Совсем скоро папа и ее жених, уже почти жених, все обсудят, и тогда уже без нее точно не обойдется. Очередная улыбка озарила милое личико.

Эта сцена представлялась в мельчайших подробностях. Папа и Рич выйдут, иер Тиаграсса подзовет к себе дочь, громко попросит у гостей внимания и объявит о помолвке. На пальчике Санни появится заветное колечко. Папины партнеры понимающе закивают головами, их жены притворно громко разохаются, а дочери кинутся обнимать и поздравлять, даже особо не пытаясь скрыть завистливый зубовный скрежет. Еще бы, Риченд эд'Рочестер был весьма завидной в их кругу партией. Пусть последнее время и провозглашались идеи равенства всех слоев населения и всех рас, но аристократы неохотно смешивали свою кровь с простолюдинами, коими являлись почти все здесь присутствующие.

Мысленно уже кружась в первом танце невесты, Санайя широко улыбнулась плотному невысокому мужчине, к которому ее подвела Эмильена. Кажется, он был владельцем банка, с которым вел дела отец.

— Иер дин Пинешту, уж не скучаете ли вы здесь без своих ценных бумаг и векселей? — кокетливо начала разговор мачеха.

— Уже нет, дорогая иера дин Тиаграсса, — собеседник учтиво приложился к ее ручке, а затем повернулся к Санайе. — Милая иерина дин Тиаграсса, вы подарите мне этот танец?

Как же не вовремя зазвучала музыка. Санни хотела сегодня танцевать только с женихом. Но и отказать будет очень невежливо. И что папа так задерживается? Решил сразу составить брачный контракт? С него станется. Пришлось прятать подальше раздражение и идти с этим, как его там, иером дин Пинешту. Пф-фф, он еще и фигуры путает! Вот уж чего никогда не случалось с Ричем. Все же, обучение с пеленок никакие дорогие учителя танцев и изящной словесности не заменят, если начать занятия в зрелом возрасте. А иер дин Пинешту был безнадежно стар. Ему уже лет сорок было! Нужно держаться от партнера подальше, а то оттопчет своими лапищами все ноги в белых атласных туфельках.

— Признаю, в танце я не так ловок, как в банковских котировках, — начал разговор дин Пинешту.

— Каждому свое, — Санайе удалось изобразить милую улыбку. Пусть сам понимает, как хочет. Похвалили ли его за знание тех самых котировок или ткнули носом в неумение танцевать.

— Это верно вы заметили, — банкир снисходительно улыбнулся. — Научить танцевать можно и гоблина, а вот держать банк дано не каждому.

Про гоблинов это он зря. Санайя как-то видела на ярмарке выступление их бродячей труппы. Тогда показалось, что у гоблинов совсем нет костей, их акробаты такое выделывали. Ну да ладно, пусть говорит, что хочет, в конце концов, безграмотность иера дин Пинешту в отношении других рас совсем не должна ее беспокоить, как не беспокоит его самого. Что какие-то гоблины, когда в наличии имеется целая банковская сеть, некогда интересоваться посторонними вещами.

Музыка наконец-то стихла. Как удачно. Папа как раз появился в зале. Один. Но почему? Иер дин Пинешту подхватил девушку под локоток и повел к отцу. Мог бы и не утруждаться. Ну да ладно, может, ему тоже нужно в ту же сторону.

— Папа?

— Дочка, вы уже поговорили? Это хорошо.

— О чем ты, папа?

— О вашей помолвке.

— Но, папа, а где?.. — Санайя растерянно огляделась.

— Иер дин Пинешту попросил у меня твоей руки, — перебил ее отец.

— Что? — сил хватило только на это коротенькое слово. Какие странные слуховые галлюцинации.

— Иерина Санайя, будьте моей женой! — банкир, пошарив во внутреннем кармане сюртука, отыскал там коробочку, вытащил из нее перстень с огромным бриллиантом и, бухнувшись на одно колено, протянул его девушке.

Это точно не сон и не розыгрыш? Папа да и иер Пинешту, особенно иер Пинешту, совсем не похожи на шутников. И вот как тут нужно поступить? Так, как очень хочется? Оттолкнуть его протянутую руку и, заливаясь слезами, убежать? Тогда на деловой репутации иера дин Тиаграсса и всей его торговле можно поставить большой и жирный крест. Деловое сообщество этого не простит. Не ей не простит, папе. Санайя, словно чужую, протянула руку, на которую и было торжественно водружено кольцо. Село, словно по заказу делали. Хотя, если в деталях вспомнить весь сегодняшний вечер, так оно и было: Эмильена подвела падчерицу к этому банкиру, и заиграла музыка. Он пригласил ее на танец. Очень уж вовремя все получилось. Так удачно все разыграли. Если бы это был розыгрыш...

Музыка. Опять играет музыка. Паратен. Танец невесты. Дин Пинешту протягивает руку.

— Санайя?

Сколько же снисходительности и покровительства в его голосе. Облагодетельствовал. Но сейчас не время для истерики, все ждут: и папа — хмуро и настороженно, и Эмильена — излишне широко улыбаясь, гости — те тоже изображают улыбки каждый в меру своей искренности и артистичности, и сам жених тоже ждет, что б на его банк внеплановая проверка свалилась. Музыкальный проигрыш начинается вновь. Санайя опирается на протянутую руку и выходит в центр зала. Она не посмеет обрушить папину репутацию. В конце концов, помолвка — это только помолвка, ее несложно и расторгнуть.

Вечером поговорить с отцом не удалось, он постоянно был занят. Как же, дела. Постоянно дела, которые требуют своего решения даже на приеме по случаю совершеннолетия и помолвки — что б ее! —

дочери. Одно хорошо, занимаясь тем же самым, ее временный жених тоже не надоедал своим вниманием. Еще и Риченд исчез. Обиделся? А кто бы на его месте не обиделся. Нужно как можно скорее встретиться и поговорить с ним, признаться, что помолвка и для нее стала полной неожиданностью.

А ведь было, было у нее предчувствие, что что-то пойдет не так, но кто же мог подумать, что все пойдет настолько не так. Да и верить тем предчувствиям... это же не сигнал светофора.

Предчувствия. Санни в них не то, чтобы не верила, скорее, не придавала особого значения, считала чем-то вроде предсказания погоды ревматичной тетушкой Джанни: или сбудется, или нет. Но ведь иногда они сбывались. Помнится, когда дочери было всего семь лет, и папа еще сам ходил на кораблях с товарами, она в ужасе проснулась среди ночи, побежала в спальню к отцу и ревела в голос до тех пор, пока иер дин Тиаграсса не отказался от запланированной через неделю поездки. Тогда с товаром поплыл его младший компаньон. Корабль в порт не вернулся. Были и еще подобные случаи, когда она просила близких чего-то не делать, и те, не иначе, чтобы не расстраивать девочку, как правило, соглашались. Магия? Нисколько. В папином роду совсем не было магов. И по словам папы, мама тоже была самой обычной.

Маму Санайя совсем не знала. Знала лишь, что привез ее отец уже трехлетней из одного из своих далеких странствий. Что может помнить трехлетний ребенок? Ласковые руки, гортанный напев колыбельной. И море. Ласковое теплое море. Жаль, что папа не любил вспоминать ту женщину. Лишь сказал, что ее звали Уна, что она не пожелала ехать с ними, и тогда он увез девочку с собой. Еще сказал, что мама тоже магом не была. Вот и все знания. И еще огромная витая ракушка, в которой всегда ласково звучало то самое море.

Вечер получился таким изматывающим. Изматывающим не только физически, но и морально. Ничего, завтра будет новый день. Завтра Санни поговорит с папой и, если удастся, с Ричендом. Сегодня уже ничего не решить. А сейчас — спать. Как же она устала.

Ночью, как это бывало не раз, в голову пришло простое и гениальное в своей простоте решение. Она скажет папе, что было предчувствие. Да, именно так. И в этом предчувствии их брак с иером дин Пинешту не ждало ничего хорошего. Ведь Санни даже и не

солжет. Что хорошего может быть там, где нет любви? Мало того, любовь у нее совсем к другому мужчине. И как это назвать, если не предчувствие?

Эх, нужно было попросить горничную разбудить пораньше, пока папа не ушел к себе в контору. И как ему удастся вставить в такую рань, даже после изнурительного приема. Хотя, он же не танцевал, а занимался своим любимым делом — разговорами с партнерами или с теми, кого хотел бы таковыми назвать. Отправиться к нему на работу? Бесполезно. Иер дин Тиаграсса редко сидит в своем кабинете, а если и застанешь его там, то обязательно с кучей посторонних людей. Нет, ничто не должно отвлекать папу от серьезного разговора.

— Санни, девочка моя, ты почему сняла помолвочное кольцо? — поинтересовалась мачеха за обедом, так как завтрак обе женщины с чистой совестью проспали. — Прекрасный перстень. Или он тебе не нравится?

Не нравился Санайе жених. Но объяснять это Эмильене? Уж она точно не виновата в горестях падчерицы и всегда, как могла, поддерживала ее. Никогда не нужно срывать свое раздражение на невиновных.

— Сняла на ночь и забыла надеть. Камень путался в волосах. Ты же знаешь, я не люблю перстни, тем более, такие крупные, — отговорка, конечно, так себе, но другой все равно нет.

— Привыкнешь, — мачеха в успокаивающем жесте положила свою ладонь ей на руку.

Вот и понимай, как хочешь, к чему привыкнет: к кольцу или к жениху. Пожалуй, спорить не стоит, а то станется с них, запрут дочь дома, и даже поговорить с Ричендом не удастся.

— Буду стараться, — Санни выдавила кривую улыбку. — Какие у нас на сегодня планы? Надеюсь, никого не ждем? Я еще после вчерашнего не отошла.

И ведь даже не обманула нисколько. Весь вечер на ногах. А еще если взять во внимание потрясение, которое устроил папа, от такого не скоро придешь в себя.

— На сегодня — только отдых, — иера дин Тиаграсса блаженно улыбнулась. — Нужно просмотреть карточки с ответными приглашениями. Если хочешь, давай продедаем это вместе.

Санайя, не скрываясь, скривилась. Светская жизнь родителей ее никогда не увлекала. Чинные посиделки с женами и дочерьми папиных коллег и партнеров? Это так скучно. Скучнее бывает только на заседаниях попечительских советов.

— Пожалуй, если позволишь, я доверю это ответственное дело тебе, — немного неприкрытой лести никогда не помешает. — Сегодня должна вернуться Дениз.

— Эта взбалмошная девчонка, — сейчас поморщилась уже Эмильена. — Ты не обижайся, но мы с папой считаем, что она дурно на тебя влияет.

— Она моя подруга!

Разговор свернул на сотни раз протоптанную дорожку. Родителям Санайи не нравилась излишне бойкая Дениз эд'Грит, ко всем прочим недостаткам еще и магичка. Что может быть общего у дочери достаточно успешного коммерсанта и у магички, вынужденной учиться, чтобы потом зарабатывать на жизнь собственным трудом. К тому же, ладно бы, владела женщина бытовой магией, одаренные портнихи и парикмахеры были весьма успешны, так нет же, училась на боевом факультете столичного Училища боевой и прикладной магии! Много, ох много воли дали современной молодежи.

— Да, конечно, я понимаю, — все же, как хорошо, что мачеха у Санайи понимающая, наверное, еще не забыла свою молодость, ведь тридцать лет не такой уж и древний возраст. — Вели нашему водителю тебя довезти, куда следует, мне он сегодня не понадобится.

Эх, а вот это уже плохо. С ней отправляют соглядатая. Он, конечно, довезет молодую хозяйку, куда та скажет, но ведь потом и отчитается перед мачехой, если та спросит, а та обязательно спросит.

— Как было бы проще, если бы у меня был собственный магомобиль, — привычно вздохнула Санайя. Ну да что жаловаться, этот разговор тоже затевался не меньше сотни раз. И что? Как видите, ничего.

Значит, отправиться к Риченду напрямую не получится. Ничего, Дениз что-нибудь придумает. В их тандеме самые отчаянные шалости всегда затевались именно ей. Может, именно поэтому родители и недолюбливали бедовую магичку?

— Санни, как же мне тебя не хватало! Прости, прости, прости, что не смогла прибыть на твой праздник. Этот мэтр Дюранг такой вредный... Впрочем, не о нем сейчас разговор. С днем рождения, дорогая подруга! Поздравления прими сейчас, а подарок будет позже, — Дениз эд'Григ дин Тора, не обращая внимания на посторонних, крепко обняла подругу.

И как только ей удастся, даже совершая такие по-деревенски простоватые действия, выглядеть аристократкой до кончиков ногтей, кстати, к слову, даже не накрашенных и коротко остриженных.

— Мне тоже, Денни, мне тоже, — Санайя счастливо улыбнулась. Ее школьная подруга рядом, а вместе они обязательно что-нибудь придумают. Вернее придумает Дениз, не может не придумать, ведь она всегда была фонтаном идей. Не всегда безобидных и безопасных, но всегда захватывающих.

— Рассказывай! — это подруги сказали вместе, едва заняв места за столиком в кафе, куда зашли поболтать. Вроде бы и смеяться не над чем, но девушки рассмеялись.

Слушать истории Дениз всегда было интересно. Сказать, что ее жизнь была ключом, значит, ничего не сказать. Пожалуй, Санайя была склонна согласиться со словами мачехи, что училище магии — это сумасшедший дом. Там всегда что-то происходило: взрывались лаборатории, сбегали неприкаянные духи. А шутки адептов друг над другом? Одно только безголовое тело, гордо шествующее по коридорам, чего стоит. Рассказы о самых ярких каверзах предшественников передавались из уст в уста, непременно обрастая все новыми подробностями.

— Ай, да что я, — магичка отхлебнула коуф из миниатюрной чашечки и блаженно прикрыла глаза, — зачет по редким и исчезающим магическим тварям завалила и перенесла на осень, рассталась с Рогхом, купила старенький магомобиль, теперь воюю с ним, ну и так, по мелочам, в общем, ничего интересного.

В этом вся Дениз. За месяц, прошедший с того времени, как было отправлено последнее письмо, у нее приключилось больше, чем у Санайи за полгода разлуки.

— Рогх? Кто такой Рогх? В последнем письме ты писала про Даллена?

— Я же говорю — ничего интересного. Рогх, Даллен, так, — Дениз легкомысленно махнула рукой, — пустые интрижки. Лучше рассказывай ты, я по глазам вижу: у тебя случилось что-то интересненькое, так?

Санайя знала про ее тайную любовь к мечте почти всех девушек училища — мэтру Дюрангу. Но, если не рассказывает, значит, и рассказывать нечего. Уж подруге ли не знать, Дениз только старалась выглядеть легкомысленной особой, а на самом деле ее сердце болело от невнимания того, кто даже и смотреть-то на нее не хотел. Можно даже и не спрашивать, заваленный зачет — его рук дело. Ладно, не хочет пока рассказывать, и пытаться выведать не стоит. Как сочтет нужным, сама поделится наболевшим, а пока стоит поведать, что же произошло у нее самой.

— Ты же помнишь Риченда, я писала о нем, — взволнованно начала Санайя.

— Еще бы не помнить, да все твои письма только о том и были, какой он хороший и замечательный! — подруга мученически закатила глаза.

— Дениз, будешь насмеяться, ничего не расскажу!

— Расскажешь-расскажешь. Как миленькая расскажешь. Ты же не хочешь моей смерти от любопытства, — магичка отправила в рот миниатюрное пирожное и, прикрыв глаза, его прожевала. — Не балуют в нашей столовке такими вкусняшками, — пояснила она.

И как можно обижаться на нее? Санайя сделала знак официанту, чтобы тот принес еще коуфа и пирожных. Дениз уже давно перестала спорить, когда в таких посиделках за застолье рассчитывалась подруга. К сожалению, дворянская приставка эд к фамилии не гарантировала пухлого кошелька. В будущем девушке предстояло самой зарабатывать на жизнь.

— Так вот, Риченд, — продолжила Санни после того, как официант расставил тарелки и отошел, — он сделал мне предложение.

— И что? Почему ты такая грустная? Обманул?

— Нет, что ты, Риченд не такой! Папа вчера ему отказал.

— Хм, что-что, но твой папа никогда не был наивным. Делец в лучшем смысле этого слова. Может, он что-то разузнал о твоём прекрасном Риченде? Охотник за приданым? Брачный аферист? Ты уже спала с ним?

— Денни! — громче, чем нужно воскликнула Санни. — Как ты можешь такое говорить?!

— Какое? — еще одно пирожное отправилось по назначению. Прожевав и выдержав паузу, магичка продолжила: — Что он аферист?

— Что я... что он... что мы. Риченд аристократ! Он не может позволить себе вольности с девушкой!

— А-а. Ну да, ну да. Значит, в постель он тебя не затащил. А то, что может быть аферистом, ты не исключаяешь, — задумчиво произнесла Дениз.

— Все-то ты извратишь. И за что только я тебя люблю.

— За то, что я всегда говорю правду и остаюсь на твоей стороне. Я и сейчас собираюсь тебе помочь. Как, говоришь, его полное имя? Разузнаю про нашего милого Риченда по своим каналам.

— Риченд эд'Рочестер дин Зорагт. Только, Денни, это еще не все.

— Надеюсь, он не сказал тебе, что женится сразу, как только разведется с предыдущей женой?

— Денни, ты опять?! Нет у него никакой жены! И, предваряя твои вопросы, денег у него достаточно. И семья приличная.

— Семья приличная, это так. Граф Оргар эд'Рочестер ему кто? Отец или дядя? — вспоминая, Дениз привычно свела брови на переносице.

— Отец. Риченд второй его сын.

— Да, семья приличная. Но это не значит, что...

— Денни, ты будешь слушать или нет?

— Само внимание, — магичка демонстративно отодвинула от себя тарелочку с единственным оставшимся пирожным, при этом проводив его тоскливым взглядом.

— Эх, и как тебе удастся есть столько сладкого и не полнеть, — сокрушенно заметила Санни, отметив про себя, что нужно попросить официанта собрать набор из лучших пирожных, чтобы можно было взять их с собой.

— С нашими-то тренировками, — последовал привычный ответ. — Так ты опять хотела пожаловаться на свои милые щечки?

— Нет, — Саная постаралась втянуть эти самые милые щечки. — Я хотела пожаловаться на жениха!

— Аха, — глубокомысленно кивнула Дениз. — Риченд всем хорош, но пожаловаться на него все же хочется. И какой же в нем

изъян? Храпит во сне?

— Денни! — обижаться на подругу никаких сил не хватит. — Я же тебе сказала, что папа отказал. Отказал Риченду, потому что нашел мне другого жениха. И вчера состоялась моя помолвка.

— Оп-па, а я, кажется, пропустила все самое интересное, — удивление Дениз было искренним. — Жаль, что не успела на вчерашний прием. И каков он, твой жених? Пухленький старенький толстосум?

— Как ты догадалась?

Дениз неопределенно пожала плечами. А что здесь догадываться? Бедного бы иер дин Тиаграсса своей дочери не сосватал. А пока человек разбогатеет, жизнь пройдет.

— Денни, ему же почти сорок лет! — для убедительности Санайя широко раскрыла глаза.

— Даже нет сорока? Да разве для мужчины это возраст?

— Это для мага только начало всего, а иер дин Пинешту не маг, а банкир!

— Ого, какой жених тебе достался. Банкир. И банк его не из самых захудалых, — магичка все же доела оставшееся пирожное. — Мечта.

— Издеваешься?

— Есть немного, — согласилась подруга. Поймав возмущенный взгляд, как ни в чем ни бывало, продолжила: — Еще проблемы есть? Давай разберемся сразу со всеми.

— Денни, я говорила, как тебя люблю?

— Сегодня нет. Так что там у тебя?

— Понимаешь, меня теперь не отпускают одну, и я не могу встретиться с Ричендом, а нам очень нужно поговорить! Вчера он исчез, даже не попрощавшись. Ты передашь ему записку?

— Конечно, — покладисто согласилась магичка, — заодно и познакомлюсь с героем твоих грез.

На этом подруги вышли из-за столика. Санайя забрала заказанную коробку с пирожными и силой вручила ее своей спасительнице, а кем еще можно считать ту, кто совершает столь доброе дело.

На улице каждая села в свой транспорт, одна в роскошный магил с личным водителем, а другая — в дребезжащую всеми запчастями старую развалюху, и, договорившись встретиться завтра, разъехались.

Как всегда после встречи с лучшей школьной подругой Санайя загрустила. Вроде бы у нее было все: любящие родители, пусть Эмильена и не была ей родной матерью, но достойно ее заменяла, платья, украшения, поездки на дорогие курорты, обеспеченное будущее, но иногда так хотелось оказаться на месте Денни. Все бы отдала. Пожалуй, только кроме родителей. Фиер и фиера эд'Григ дин Тора пропали в одной из экспедиций на Неизведанный Материк, когда девочке было всего тринадцать, и ее воспитывала тетя. Что самое возмутительное, после окончания учебы эта глупая девчонка собиралась отправиться туда же. И ведь можно было не сомневаться, что так и сделает, и спонсоров, и единомышленников найдет. Еще не было ни одного начинания, в котором фиерина эд'Григ дин Тора потерпела бы неудачу. Если не считать ее тайную безнадежную любовь к преподавателю.

После встречи с Дениз день скучно пополз к вечеру. Иногда Санайя глубоко в душе даже сожалела об этих встречах. Только привыкнет к размеренному существованию добропорядочной дочери уважаемого коммерсанта, опять появляется подруга, как неукротимый водопад кристальной горной воды в их тихом равнинном озере, где каждый прибрежный кустик и каждая кувшинка растут на тщательно выверенном для них месте. Мелькнет, как праздничный фейерверк, рассыплется искрами волшебного света, продемонстрирует, что есть совсем другая жизнь, и опять уедет в свое столичное училище. Именно после этих встреч хотелось совершать безумные деяния. Например, поступить в то самое училище. Жаль, что магического дара у Санни не было совсем, даже его зачатков. Поступить в любое другое учебное заведение? Но зачем? Общеобразовательная школа дала достаточный уровень знаний. Получить специальность, чтобы потом ни дня по ней не работать? Напрасная трата времени. Она окончила бухгалтерские курсы. И что? На предложение помочь с делами папа только снисходительно улыбнулся, выделил денег — примерно столько, сколько рядовой счетовод в его конторе получает за год, — и предложил пройтись с Эмильеной по магазинам, чтобы развеять скуку. И как с ним разговаривать.

Санайя равнодушно отнеслась к роскошному букету, переданному ей от имени навязанного жениха, и велела поставить его в общей

гостиной, спокойно отреагировав на удивленный взгляд Эмильены. Еще бы, счастливая невеста непременно утащила бы его к себе в покои. Так она и поступала с букетами от Риченда. От иера дин Пинешту даже цветы не хотелось допускать в свои комнаты, пусть цветы, до которых банкир, скорее всего не только не дотрагивался, но даже не видел, ни в чем не виноваты.

Сегодня она твердо решила дожидаться прихода отца. Папа же, как назло, задерживался, даже к ужину не пришел. В этом не было ничего удивительного. Это простой клерк может отложить в шесть часов вечера свои бумаги и пойти домой, а у его начальника день ненормированный. Деловой ужин, а то и очередное заседание, могли затянуться допоздна.

Звякнул звонок входной двери.

— Папа! — Санайя опередила лакея, дожидавшегося прихода хозяина, сама открыла входную дверь и чмокнула отца в щеку. Не то, чтобы это проделывала постоянно, но задобрить его не помешает.

— Дочка. Ты почему не спишь? — от иера дин Тиаграсса пахло дорогим алкоголем. Значит, задержался на ужине. Уже неплохо. Выпив, отец пребывал в благодушном настроении.

— Тебя жду. Нам нужно поговорить.

— Девочка моя, все вопросы по организации свадьбы взял на себя твой жених. Вам с Эмильеной остается подобрать для себя платья и прочие побрякушки. Я уже дал распоряжение насчет денег. Я так устал. Пойдем отдыхать, а? — он, не желая проходить в гостиную, остановился у лестницы, ведущей на второй этаж, к личным покоям.

— Папа! — Санайя встала перед отцом и некрасиво уперла руки в бока. — Ты знаешь, о чем я хочу поговорить!

— О чем? Твой разговор не может подождать? — он устало провел ладонями по лицу и учелся прямо на ступени.

— До какого времени, папа? Ты всегда занят, а дело неотложное. Я не хочу замуж за Пинешту! Я его не знаю, не люблю и никогда не полюблю! Я другого люблю, папа!

— Дочка, — терпеливо, как когда-то давным-давно, когда она была еще ребенком, обратился к ней отец. — Этот брак — дело решеное. Бартон дин Пинешту — мой деловой партнер, у нас с ним множество финансовых интересов и общих капиталов. Он не пустит твое приданое по ветру.

— Папа, Риченд тоже не какой-нибудь вертопрах, он из уважаемой аристократической семьи, да и сам далеко не беден!

— Санни, ну зачем тебе аристократ? Они же совсем другие! При встрече жмут нам руки, улыбаются, а сами, как и века назад, презирают! Мужчины будут видеть в тебе симпатичную куколку, с которой можно будет попробовать закрутить роман, а женщины... милая моя девочка, ты не подозреваешь, сколь непримиримы могут быть женщины к тем, кого они считают недостойными. А они обязательно будут считать тебя недостойной стать одной из их круга! Сама говоришь: младший сын эд'Рочестера завидный жених. Сколько матримониальных планов ты разобьешь своим браком? Да они тебя съедят! Медленно и с улыбкой.

— Рич не такой. Он не позволит, — надулась Санайя. Эх, ей бы красноречие Дениз, та бы уж точно смогла объяснить, что Рич — лучшая партия.

— Глупости все это, — отмахнулся иер Тиаграсса. — Уж поверь своему опытному папке, я этих аристократов повидал на своем веку.

— Папа, Дениз тоже аристократка!

— Очень достойный пример, — укоризненно покачал головой мужчина.

Да, пожалуй, достоинства Дениз в этой семье замечала только сама Санайя.

— Папа, но Пинешту в два раза старше меня! — и как сразу не вспомнился это довод.

— Я тоже в два раза старше Эмили, и что? В мужчине главное — мудрость, дочка. И приходит она с годами. К сожалению, не всегда, далеко не всегда. Признаюсь, — он заговорщицки приглушил голос, — я ни за что бы не выдал тебя за того обалдуя, каким был сам в двадцать пять лет. Да-да, это чистейшая правда! У тебя еще есть время осознать, как же тебе повезло, моя вещунья, — проговорил отец и, поднявшись со ступеней, пошел наверх, давая понять, что разговор окончен.

Вещунья. Давно папа так ее не называл. Точно, она же забыла про свой главный козырь!

— Папа, у меня нехорошее предчувствие! — крикнула ему вслед Санни.

— Это всего лишь предсвадебное волнение, — даже не остановившись, пояснил Леандр дин Тиаграсса. — Все будет хорошо,

это я тебе обещаю.

Оставалась одна надежда — на Дениз, уж она точно не бросит подругу в беде.

ГЛАВА 2

Как много дел появляется у невесты перед свадьбой! И это при том, что основные хлопоты взял на себя жених. Конечно, не сам он всем занимался, заплатил знающим людям, они все организовывали: само бракосочетание, последующий прием, даже ежедневные букеты и подарки, которые невеста даже не открывала, а равнодушно складывала в один из ящичков комода или, если таковые были особо крупными — в угол за креслом в гостиной.

И зачем так спешить со свадьбой? Всего месяц на организацию торжества, которое должно состояться непременно в самый длинный день в году. Ох уж эти предрассудки. Взрослые люди, и росли далеко не в дикой глуши, а верят в древние приметы. Ладно бы еще имели какое-то отношение к магии. Не иначе, как новомодной блажи поддались. Не сам ли папа уверял, что верит только в подтвержденные фактами и звонкой монетой цифры, а туда же. Не хватало еще мужа, помешанного на дремучих суевериях. И это в век, когда даже под магию подводят обоснованную научную базу.

Впервые Санайя ходила по портным и ювелирам без обычного удовольствия. И это при неограниченном кредите от папы! Не исчезало ощущение, что покупаются все эти многочисленные наряды, обувь и украшения не для нее, а для иера дин Пинешту. Вот пусть бы сам и рядился в них! Чисто из вредности для обряда бракосочетания выбрала туфельки на высоченном каблук.

Да, жутко неудобно, но зато она будет смотреться выше своего жениха. Ох, это что же, уже и со свадьбой смирилась? А как не смириться. Дениз после того разговора пропала, уже неделю от нее нет ни слуху, ни духу. Риченд? Риченд тоже исчез. И это тревожило больше всего. Сам не искал встречи? Или же его не подпускали близко к особняку дин Тиаграсса? Верилось, что последнее. Рич не из тех, кто так сразу сдается. Он найдет возможность встретиться.

Санайя и Эмильена спускались по ступеням кафе, куда заходили перекусить после утомительного забега по магазинам, как послышался знакомый голос:

— Санни! Ты вернулась? А мне сказали, что ты уехала в поместье жениха, где и будет проходить бракосочетание.

— Денни! — Санайя кинулась к подруге, выбравшейся из своего магомобилия. — Куда ты пропала?

Девушки радостно обнялись, а потом, словно по команде, посмотрели на Эмильену. Нетрудно было догадаться, от кого могла исходить такая информация.

— Эмили, зачем вы сказали Дениз, что я уехала из города? Что это может значить?

Этот бесчестный обман не на шутку разозлил. Ее единственную подругу обманули! И это тогда, когда Санни в ней особо нуждалась. Хотя, чему удивляться, потому и обманули.

— Здравствуй, Дениз, — спокойно поздоровалась Эмильена, — рада тебя видеть, — ну надо же, рада видеть. — Ты уж прости, поездку пришлось немного отложить. У нас столько дел в городе: портнихи, ювелиры. Санайя в вечных хлопотах. Бедняжка так устает.

— Эмили, для встречи с подругой я всегда найду время и силы! — прервала неискренний монолог Санни. — И ты мне не ответила: что за поездка? Какое поместье? Разве свадьба состоится не в Сторхеде?

— Ну как же, у иера дин Пинешту в Розальи имеется свое поместье. Свадьба будет проходить там. Ах, — мачехе даже удалось изобразить сожаление, — твой жених хотел сделать тебе сюрприз, а я проболталась. Но что мы стоим на ступенях? На нас уже обращают внимание.

— Денни, ты куда-то спешишь? — поинтересовалась Санайя.

— Я до самой осени никуда не спешу, — фьерина эдГриг улыбнулась самой очаровательной своей улыбкой.

— Значит, едем с нами? Поболтаем, — и, не дожидаясь подтверждения от Эмильены, направилась к магомобилию, поджидавшему их на стоянке.

Подруги заняли заднее сиденье, уступив почетное переднее старшей даме. Очень хотелось опустить звуковой полог и узнать, как же там Риченд, но это было бы уж совсем невежливо. Ничего, у них будет время поболтать. Пока же можно поговорить на другие темы. Благо, у Дениз с этим проблем нет.

— У твоего жениха поместье в Розальи? — начала разговор магичка. — Надо же, насколько я знаю, приобрести там даже клочок

земли очень сложно. И не потому что дорого, а потому что никто не продает. Это же не просто кусок земли, это древние земли, со своей древней, почти реликтовой магией. Магией самой природы. Слышала, у нашего училища есть там совсем небольшой учебный центр. Самые лучшие ведуньи там проходят практику.

— Нет вещей, которые не продаются, есть люди, которые предлагают недостаточно денег.

И зачем мачеха это сейчас сказала? Решила ткнуть Дениз в ее не слишком достойное финансовое положение? Санайя виновато глянула на подругу, безмолвно прося прощения. Нет, Эмильена хорошая, как хозяйка и как мать, но иногда могла выдать что-либо подобное. Вот уж кто была настоящей классической купчихой: в меру плотная, в меру недалекая, делами мужа интересующаяся только в той мере, когда подавать обед или ужин и что ему надеть на то или иное мероприятие.

— Очень жаль, если это действительно так, — а этот ответ вполне в духе фиерины эдГриг. Пора бы перестать удивляться, за что же родители ее недолюбливают. Санайя осторожно пожала подруге руку. С Эмильены станется придумать что-нибудь столь же глупое и оскорбительное, чтобы не пустить Дениз в дом, а поговорить с ней очень нужно.

До самого дома ехали, обсуждая уже совершенные покупки и список того, что еще необходимо купить и заказать. Говорила большей частью иера дин Тиаграсса, причем на каждый перечисленный предмет Дениз смешно закатывала глаза и округляла рот, изображая, как же она поражена масштабами предстоящего действия. А ведь и правда, зачем молодой жене шесть дюжин новых батистовых платочков? Это при том, что и сейчас в них нет недостатка.

— Как зачем? — Эмильена даже поперхнулась. — А монограмма?

— Ах, да, монограмма. И как я сама не догадалась, — покаялась подруга.

И как с ней сохранять серьезный вид? Видимо, этому специально обучают в их магическом училище. Хорошо, что мачеха не видит, как Санни кусает губы, чтобы не рассмеяться.

Когда магомобиль остановился у ступеней особняка, подруги, не дожидаясь, пока лакей поможет старшей хозяйке и откроет им дверцы, сами выбрались из салона и поспешили в дом. Уж теперь-то Дениз точно не выгонят, особенно, если девушки пройдут в комнаты Санайи.

Не то, чтобы вход Эмильене туда был запрещен, но врывать без повода и оставаться, чтобы послушать их разговоры, это уже и для самой невоспитанной купчихи было бы чересчур, а иера дин Тиаграсса позиционировала себя как очень утонченную даму. Сейчас это было как нельзя кстати. Подслушивающий артефакт? Папа мог позволить себе такой. Ну и что артефакт? У них в наличии целая магичка. Уж нейтрализовать действие какого-то ширпотреба, может быть, даже весьма дорогого и красивого, для специалиста труда не составит. Сложнее здесь другое. Заставить поверить, что они ничего не скрывают.

— Ну что, что? — Санайя набросилась на подругу сразу же, как только за ними закрылась дверь.

— Видела, разговаривала, ничего не нарыла, но продолжаю рыть, — была иногда у Дениз такая манера изъясняться. Вроде бы коротко, но емко. И означать это могло одно: предмет разговора ей не нравился.

— Да что там рыть, Денни! Я, я же люблю его, понимаешь?

— Понимаю, — без тени улыбки кивнула магичка. — А потому мы с тобой сейчас кое-что сделаем. Так-так-так, — она огляделась и указала на кресло с высокой спинкой. — Садись сюда!

Санайя послушно заняла указанное место. Похоже, у подруги уже созрел план.

— Прикрой глаза и думай о своем драгоценном, — Дениз зашла сзади и приложила прохладные пальцы к вискам.

— О Риченде? — решила уточнить подопытная, а им предстоял какой-то магический опыт, это несомненно.

— Можешь о банкире, тебе решать, кто больше из них нравится. Проверим тебя на приворот. Я не такой уж крупный специалист в этом деле, но присутствие принуждения обнаружить смогу. Расслабься.

Опять возмутиться и обидеться? Дениз такой человек, с которым проще согласиться. Да и пусть сама убедится, что никакого принуждения нет. Только любовь. А то ведь с нее станется и отказать в помощи. Или все сделать по-своему. Санайя откинулась на спинку кресла, прикрыла глаза и предалась приятным мечтам.

По вискам побежали перемежающиеся волны тепла и прохлады. Они вздымали волоски на голове и отвлекали от приятных дум.

— Не ершись! — прикрикнула магичка, слегка сдавив пальцами голову.

— Щекотно же.

— Да? Надо же. Значит, получается. Замри!

Это что, Дениз не уверена, получится ли у нее что-нибудь? А вдруг... вдруг она возьмет и выключит любовь? Как самый обычный светильник?

— Денни, может не надо, а?

— Уф, все! — подруга утомленно тряхнула руками и рухнула на диванчик. — Знаешь, я бы сейчас не отказалась от чая. Того самого, который мы сами заваривали в дальнем конце вашего сада из собственноручно собранных травок. Вернее, ты собирала и заваривала. Помнишь? Ничего лучше я не пробовала.

Как не помнить их игры в великосветских дам.

Подруги утащили с кухни старый чайник и один из многочисленных сервизов Эмильены, и Дениз показывала Санни, как аристократки пьют свой аристократический чай. Кипяток грели тут же на сооруженном Дениз костре, а скатертью служил обычный плед. Собственно, огонь и был единственным вкладом магички в их чаепития.

— Денни, ну что за веник ты насобирала! — укоряла Санни подругу, рассматривая принесенные той травы для заварки.

— Мой букет ничуть не хуже, чем твой! — для порядку возмущалась та.

— Ну да, ну да, особенно этот болиглав и вот эти милые синие цветы. Небо в алмазах увидеть хочешь?

— А так можно? — глаза юной исследовательницы загорелись нехорошим азартом. — А откуда это тебе известно?

— Не знаю, но проверять мы не будем.

— Опять предчувствие? — Дениз сразу стала серьезной.

— Да. Нет. Не знаю, но давай заварим эти травки, ладно? Они полезные и вполне безобидные. А твой прелестный букет поставим в вазу.

— Я велю принести чай и что-нибудь перекусить, — оторвалась от воспоминаний Саная, подскочила с кресла, на котором сидела, и укоризненно ткнула в подругу пальцем. — А ты рассказывай. Убедилась, что у нас с Ричендом все честно?

— Принуждения или приворота на тебе нет, — задумчиво проговорила гостья.

— А я что говорила! Сколько можно всем повторять. Денни, — иерина дин Тиаграсса замерла и опять опустилась в кресло, — или ты не веришь, что в меня можно влюбиться? Просто в меня? Не как в дочь богатого человека, а как в простую в девушку с далеко не идеальной фигурой, да что уж там, в некоторых местах весьма пухлую, не аристократку, не магичку.

— А ну не смей раскисать! — Дениз поднялась с дивана, и даже притопнула ногой, грозно нависнув над подругой.

Горничная, именно в это момент зашедшая в комнату с подносом, уставленным многочисленными тарелочками, шарахнулась от странной гостьи и чуть не выронила тот самый поднос из рук.

— Не понимает своего счастья, — пояснила магичка свое поведение и, забрав угощение, поставила его на столик. — Благодарю вас, иерина, можете быть свободны, дальше мы сами.

Если служанке и было велено остаться в комнате девушек подольше и послушать, о чем те говорят, то после столь недвусмысленного распоряжения пришлось уходить.

— Обожаю угощения иеры Эмильены! — восторженно простонала Дениз и, подняв чайничек повыше, стала наливать чай. Горячая жидкость звонкой струйкой побежала в чашку, а магичка меж тем продолжила: — Так о чем это я? О твоём счастье? Где ты еще найдешь человека богаче и серьезнее? Поместье в Розальи. Это же мечта! Да я лично готова тащить тебя к алтарю! Ты ведь пригласишь меня туда погостить? Или зазнаешься и забудешь про нищую магичку?

Кипяток из первой чашки побежал во вторую. И опять Дениз подняла ее настолько высоко, что вода громко зажурчала. А потом еще и еще.

— Отличный чай!

Был у Санайи такой недостаток: в странных ситуациях она могла потерять дар речи. Вот и сейчас она не знала, что сказать, а Дениз вела себя более чем странно. Чего только стоили ее слова! И это не говоря о действиях. Хотя... иногда молчание и правда, золото. Магичка присела перед столиком почти на колени и, жестом подозвав подругу к себе, указала пальчиком на одно из украшений блюда с пирожными — украшении, и цветом, и формой выделявшемся из общего рисунка.

Подслушивающий артефакт? Чтобы не выдать себя ненужным восклицанием, хозяйка покоев прикрыла губы ладошкой. Гостья утвердительно кивнула и указала глазами на спальню. Но и в спальне они не задержались, а прошли прямо в ванную, где включили воду.

— Так-то оно лучше будет, — удовлетворенно произнесла Дениз. — Пусть послушают. Говорят, шум воды успокаивает и настраивает на миролюбивый лад. Итак, у нас есть немного времени, пока иера Тиаграсса не поймет, что ее дурят. Так вот, повторяю, принуждения и приворота на тебе нет. Но есть что-то странное, — она виновато глянула на подругу. — Я не менталист и не специалист в области воздействия на разум, я только учусь на боевого мага. У нас все проще: делай заклинания мощнее, кидай точнее, у менталистов же совсем другие законы. И то, что есть у тебя в голове, оно, как бы это сказать, оно или твое родное, или ты живешь с этим так давно, что уже с ним сроднилась. Вряд ли это действие эд'Рочестера. Знаю, я тебе не помогла. Извини.

— Как не помогла! Ты убедилась, что моя любовь настоящая! И теперь ты нам поможешь, да?

— Куда же я денусь, — вздохнула подруга. — Мне не привыкать выслушивать укоры от твоих родителей. А теперь — пить чай!

Когда иера Тиаграсса появилась в гостиной падчерицы, подруги чинно пили чай и с восторгом рассматривали образцы постельного белья, предназначенного в приданое счастливой невесте.

Вечером за ужином, когда — редкий случай — вся семья собралась вместе, Санайя поставила ультиматум: или ее единственную настоящую подругу беспрепятственно к ней пропускают, или она будет вести себя, как плохая дочь. Как ведет себя плохая дочь? Пусть родители об этом додумывают сами. Папа тяжело вздохнул, Эмильена обреченно закатила глаза, а братец Лео незаметно для родителей одобрительно оттопырил вверх большой палец и подмигнул. Хоть кто-то в этой семье ее поддерживает.

К слову сказать, фиерина Дениз не злоупотребляла гостеприимством дома Тиаграсса, она появлялась в оговоренное время, со знанием дела осматривала все увеличивающееся приданое, чинно пила чай, и все это на виду иеры Эмильены. Упрекнуть магичку было

не в чем. Ну, если не считать записочки, тайно передаваемые в моменты, когда девушки традиционно обнимались при встрече.

Каждое из посланий зачитывалось почти до дыр, ведь писал их любимый. Писал, как страдает в разлуке, успокаивал, обещал, что они с Дениз обязательно что-нибудь придумают, мало того, план понемногу выкристаллизовывается. Ответные письма были полны нежности и надежды.

Все же, вредная у нее подруга. Пользуется тем, что при Эмильене ее нельзя взять за грудки и вытрясти правду. Как она собирается помогать? Что у них за план? Ведь день бракосочетания все ближе. Предполагают устроить побег? Но все равно нужно бы предупредить. Еще и иера Тиаграсса, словно предчувствую такую возможность, забрала все сколько-нибудь ценные украшения падчерицы, якобы для того, чтобы отдать их в чистку перед свадьбой. И с чем бежать? С шестью дюжинами батистовых платочков? Совсем уж нищей бесприданницей Санайе быть не хотелось.

— Я работаю над твоей проблемой, — вот и все объяснения.

Еще две недели подготовки к свадьбе пронеслись бешеным галопом. Настал день отъезда в Розальи. Эмильена, Санайя и Дениз — как же без нее — выезжали заранее. Леандр дин Тиаграсса и Бартон дин Пинешту не могли позволить себе на столь долгое время отложить дела, и собирались прибыть позже. Кто бы сомневался, дела — прежде всего. Впрочем, не очень-то и нужно, жених мог бы вообще не приезжать. У нас на примете есть другой, более подходящий.

Розальи. В любом другом случае девушки пищали бы от счастья. Хотя, Дениз так и делала. Она всю дорогу восхищалась местом, куда им следовало прибыть.

— Да подруги, когда узнают, что мне удалось там побывать, обзавидуются! — восторженно вещала она. — Не каждой ведунье удастся там побывать, что уж говорить о простой магичке. Да на всей Игроте таких мест всего несколько! — здесь Дениз смолкла, ведь ее родители пропали, отправившись на исследование одного из подобных. Где теперь они? Хотелось, конечно, верить, что живы. Но прошло шесть лет. Уж маги могли бы передать весточку.

Санайя молча положила ладонь на руку подруги. Слова здесь не помогут.

— Я их найду! — глаза магички сверкнули привычным фанатизмом. Такая, целеустремленная, фиерина эд'Григ была гораздо привычнее притихшей и растерянной. — Надеюсь, нам будет позволено глянуть на Священный Лес хотя бы издалека? — невинно поинтересовалась она у Эмильены.

Мачеха замялась. Не хочет отвечать? Но, если бы ответ был отрицательным, она бы с радостью его озвучила, ведь так? Ее молчание насторожило. Предчувствие?

— Эмили, почему ты молчишь? Что запланировал Пинешту, Эмили?

— Дорогая, ты же знаешь, я никогда не вмешиваюсь в мужские дела, знаю только, что свадьба будет необычной, — как можно беспечнее ответила иера дин Тиаграсса.

Санайя хотела продолжить допрос, но здесь уже Дениз сжала ее руку. Намекает, что нужно помолчать? Что-то знает? Наверняка. Как же раздражает неведение. Ну что, так уж сложно было объяснить в записке, чего стоит ожидать? Всему свое время, всему свое время. А если она раньше умрет от волнения и любопытства?

— О, смотрите, горы Тогрин. Говорят, сотворенные самим богом смерти Тогритом для своих темных созданий, — Дениз едва не прилипла к окну носом, привлекая внимание спутников к темнеющей вдали горной гряде. — Такие красивые издалека. Величественные. К тому же, весьма богатые недрами. Мы близ них летом проходили практику. Интересные твари, скажу я вам, там водятся. Да, совсем не курортное местечко. Тем не менее, и там живут. Правда, людей мало, большей частью гномы. Из тех, что умеют договариваться с сущностью гор. Таких умельцев твари обходят стороной.

Дальше последовала обстоятельная лекция по тварям, кишащим в небезопасных горах, о добываемых там камушках и редких минералах для артефактов. Интересно и познавательно, но совсем не свойственно для Дениз. Заговаривает зубы? Скорее всего. Только вот кому? Эмильене, Санайе или им обеим?

О тайнах и магии самого Розальи за оставшуюся дорогу не было сказано ни слова.

В поместье иера дин Пинешту наши путницы прибыли поздно вечером, уставшие и голодные. От самого Даонга, где они пообедали в придорожном кафе, им не встретилось ни одного приличного места,

где можно было перекусить. Знали бы заранее, велели бы положить снеди с собой. Совершенно дикие места, как будто цивилизация находится не в полудне пути, а на другом конце света. Даже деревья здесь намного выше. И совсем нет возделанных полей. В последние часы дороги беседа смолкла сама собой. О магии — древней и могучей, незримо присутствующей вокруг и ощущающейся даже совсем немагической Санайей, как нечто вполне материальное, снисходительно позволяющее мелким мошкам пользоваться ее щедротами, — по молчаливому согласию больше не говорили. Безобидные пустяшные темы иссякли сами.

Без единого скрипа распахнулись могучие ворота. Они что, ведут в настоящий замок? Жаль, что для прибытия гостей управляющий не удосужился включить полное наружное освещение. Сколь бы девушки ни устали, но осмотреть дом, в котором им предстоит провести некоторое время, очень хотелось.

Фары магомобилия отчаянно высветили перед собой крупные камни брусчатки внутреннего двора. Загорелся свет над входом — основным или нет, уже неважно — главное, здесь есть такие блага цивилизации, как обычный электрический свет. Магам-то что, они сами себе светильники, а Санайе не хотелось бы жить со свечами. Хотя, в этом случае она потребовала бы одну комнату с Дениз на двоих. М-да, в любой ситуации можно найти положительные стороны, стоит только поискать. К сожалению, вариант с общими покоями отпал. Все больше светильников освещало дом, и правда, весьма напоминающий древний замок. Сноровистые слуги вежливо, но непреклонно развели гостей каждую в отведенные покои и так же вежливо посоветовали не бродить ночами по замку. Ужин принесли каждой в ее комнаты.

И к чему вся эта таинственность? Запугивают, чтобы невеста не сбежала раньше времени? Или в замке и правда, могут водиться привидения? Духи тех, кто жил здесь задолго до появления иера Пинешту. Они, как известно, не очень-то и приветливы к самозванцам. Духам плевать на чужие богатства и на то, что их, духов, купили вместе с этими древними стенами.

Санайя равнодушно отметила шикарную обстановку комнаты, в которую ее привели, покорно позволила появившейся пожилой горничной раздеть ее и довести до не менее богато обставленной

ванной комнаты, быстро помылась, перекусила, даже не почувствовав вкуса принесенной служанкой еды, и забралась на кровать, бывшую едва ли не в три раза больше, чем ее собственная в родительском доме. Осмотр покоев и самого дома был отложен на завтра. А сейчас — спать!

— Пс-сс, Санни, ты что, спишь?

— А? Что? Денни, это ты. Что ты здесь делаешь? Мы убегаем, да? — сладкий сон, уже распахнувший свои ласковые объятия, стал нехотя развеиваться.

— Никуда мы не убегаем, — подруга по-свойски забралась под одеяло и несколько раз подпрыгнула на мягком матрасе. — А ничего так. Когда еще мне удастся полежать в кровати хозяйки настоящего замка.

— Какой еще хозяйки замка? — кажется, Саная еще не вполне отошла от дремы.

— Ну, если учитывать, что моя спальня уступает размерами твоей кровати, занятный магический фон в твоих покоях и вон ту дверцу, — Дениз небрежно послала магический светлячок к дальней стене, в которой и правда, была не замеченная ранее дверь, — то можно предположить, что тебя поселили в покоях хозяйки.

— Постой, он что, в любой момент может зайти ко мне?! — если раньше сонливость отказывалась покидать, то сейчас исчезла без лишних уговоров.

— Думаю, да. Я и запоров с твоей стороны не вижу, — беспечно отозвалась Дениз, удобнее устраиваясь на многочисленных шелковых подушках. — Только его же здесь нет, так что, не сегодня.

— Уф, умеешь ты обрадовать.

— Да, я такая, — самодовольно ответила подруга.

— Денни, что мы будем делать?

— А что делать? Готовиться к свадьбе. Нельзя упускать из рук такое счастье. Спи и мне не мешай спать. Я, собственно, к тебе за тем и пришла. Боюсь я одна в комнате оставаться!

Это Дениз-то боится оставаться в комнате одна? После ее рассказов о приключениях в горах? После уверений, что она обязательно отправится в Неизведанные Земли? Ну-ну.

Магичка шумно заворочалась, обозначая, что устраивается на ночлег. Даже засопела. Сейчас еще и похрапывать начнет. Только Санайя улеглась и прикрыла глаза, как подруга опять выбралась из-под одеяла и, поведив руками, что-то забормотала.

— Ну вот, теперь можем спокойно поговорить. Эй, ты что, опять спишь?

— Да не сплю я, не сплю. Жду, когда разрешишь говорить.

— Говори, полог установлен, — милостиво разрешила Дениз.

— Нет, это уж ты говори! Каков наш план? Чего мы ждем? Ты меня охранять от Бартона Пинешту пришла, да? Мы сегодня убежим?

— Ой-ой-ой, сколько вопросов, — нет, эту несносную магичку точно нужно когда-нибудь прибить. — Еще чего, охранять. Он и сам до свадьбы к тебе не сунется.

— А почему? — не то, чтобы Санайя расстроилась, но лучше быть уверенной, что ее чести, приберегаемой для любимого, ничто не угрожает.

— А здесь начинается самая интересная часть действия под названием Свадьба иерини Санайи дин Тиаграсса, — загадочно проговорила подруга. Опять ее шутки? Нет, на этот раз Дениз говорила серьезно. — Понимаешь, меня насторожило, что свадьбу хотят провести именно в Розальи. Ну не тянет иер дин Пинешту на романтика, ты уж прости, что я так отзываюсь о столь достойном члене финансовой верхушки королевства, — в ответ на эти слова невеста несостоявшегося романтика лишь иронично фыркнула. — Ехать так далеко ради какой-то свадьбы, даже собственной? Нерационально. Значит, он хочет получить что-то другое.

— Что? — последовал закономерный вопрос.

Дениз взбила подушки, уселась поудобнее, аккуратно расправила складки на одеяле и лишь потом торжественно ответила:

— Не знаю!

— Милостивые Алай и Алая, я никого не хочу убивать, — Санайя прикрыла глаза. — Ни навязанного жениха, ни эту девицу, которая пытается называться моей подругой. Хотя сами видите, ее есть за что убить!

— Санни, ну подумай сама, что тебе даст моя смерть? Если иер дин Пинешту решит, что ты для него дороже торжества закона и справедливости, он, не задумываясь, поможет спрятать мой хладный

труп, и ваша свадьба состоится, как ни в чем не бывало. Если же решит, что выдать тебя правосудию будет выгоднее, то тебя посадят. Где твоя выгода? Опять же, ты не забыла, что я почти боевой маг? Меня так просто не убить.

— Умеешь ты все разложить по полочкам, — Санайя схватила подругу и, весело хохоча, они покатались по кровати.

— Ну так что, будешь слушать дальше? — магичка вновь стала серьезной.

— Конечно буду!

— Думаю, он хочет провести священный обряд. Иначе зачем еще проводить свадьбу именно здесь. Сама подумай: места с древней ведовской магией, самый длинный день — вернее, самая короткая ночь — в году. Я, в отличие от некоторых, по магазинам не бегала, а занималась делом и почитала кое-что про такие вот места силы. К сожалению, в Сторхеде в открытом доступе все больше мифы и легенды, но и в них, если постараться, можно найти здравые мысли и правдивую информацию.

— Денни, ну не тяни же! — Санайя подхватила рассказчицу за руку и крепче к ней прижалась.

— Так вот, о чем это я, о здравых мыслях? — как ни в чем ни бывало, продолжила Дениз, на что ее нетерпеливая подруга лишь тяжело вздохнула. — Ну да, о них. Вычитала я в тех старинных сказаниях, помимо всяких страстей о местной нечисти, несколько вполне правдоподобных историй. И все они о ведуньях, раньше называемых ведьмами. Эти истории вполне вписываются в современные реалии этого места. Розальи, вернее Священный Лес — место силы ведьм. Я уже говорила тебе, что сюда привозят наших самых лучших учениц. К сожалению, ведуньи — очень закрытый клан, они не распространяются, что же с ними здесь происходит. Один вывод можно сделать однозначно: здесь они обретают особую силу.

— Подожди, — Санайя даже приоткрыла пухлый ротик, — ты хочешь сказать, что иер дин Пинешту — ведунья или, как будет правильно, ведун?

— Ведьмак, — даже не улыбнувшись, поправила подруга. — Но нет, думаю, это не наш случай. Не тот возраст у твоего жениха, чтобы открывать спящие ведовские силы, вернее, не то физиологическое состояние.

— Это как?

— Священные места придают силы только чистым телом, иначе девственникам. А ты же не питаешь иллюзий, что твой жених до сих пор невинен?

Санайя молча замотала головой. Начнешь говорить, а Дениз опять отвлечется, или сама заговорит на щекотливую тему. Подруге так нравится ее смущать.

— Так вот, — продолжила магичка, — подведем итог. Что мы имеем? А имеем мы священное место, особенный день и девственницу, то есть тебя!

— Денни, — иерина дин Тиаграсса в ужасе прикрыла раскрывшийся рот ладошкой, — ты хочешь сказать, он хочет принести меня в жертву?! Но папа никогда бы...

— Тьфу на тебя! — в сердцах ругнулась магичка. — Стал бы он с такой помпезностью обставлять убийство. Если и будет жертва, то твоей девственности! Скорее всего, где-то в Священном Лесу, а не на этой роскошной кровати!

— А зачем?

— Что ты знаешь о своей маме, Санни? О настоящей маме, не Эмили?

— Почти ничего. Папа привез меня из одного из своих плаваний, когда мне было три года. Что я могла запомнить? А сам он никогда о маме ничего не говорил. Всегда злился, когда я начинала о ней расспрашивать. Я до сих пор не знаю, жива она, или же просто от меня отказалась. Обычная островитянка, вот и все, что мне известно.

— Помнишь, я говорила, что в твоей голове как будто блок стоит? Давний. Вполне возможно, что он естественный, не наведенный. А если и наведенный, то не нашими, магическими методами, а... более тонко, что ли. Ведуньи, в отличие от магов, пользуются совсем другими силами, силами самой природы. Такую волшбу отследить сложнее. Она как бы это сказать, естественная! — оживилась Дениз, подобрав подходящее слово. — Ну так вот, если этот блок снять...

— Что? Что тогда будет?

Не желая повторять обидное «Не знаю», подруга глубоко вздохнула, а потом сообщила:

— Думаю, Бартон Пинешту хочет разрушить этот блок и получить в свое пользование то, что из тебя получится, подруга.

— Бр-рр, надеюсь, не монстр из страшных сказок.

— Доставучим монстром ты являешься уже сейчас, — Дениз ловко увернулась от удара подушкой и продолжила: — А вот твои неясные предчувствия могут иметь под собой вполне обоснованную почву. Ты можешь оказаться предсказательницей, Санни. Их почти не осталось. Прикинь, какое удачное капиталовложение для банкира. И потом, брак, проведенный по всем древним правилам, связывает людей на самом глубинном, магическом уровне и нерасторжим. Если у Пинешту все получится, ты будешь предана ему навсегда. Правда, как и он тебе. Даже если бы кто-то из вас задумал этот самый брак нарушить или разрушить.

— И что же нам делать? — вопрос прозвучал жалобно и растерянно.

— Нам, — хмыкнула магичка. — Делать все предстоит тебе. Добрая милая Дениз лишь организует твоё счастье, подружка, а ковать его ты будешь сама. Мы перехитрим Пинешту на его же поле! Правда, это случится только в том случае, если боги сочтут, что этот твой эд'Рочестер подходит тебе больше, чем Пинешту. Слушай, что я узнала из тех же легенд, — поерзав, она устроилась в подушках поудобнее. — Есть где-то здесь священное место. Алтарь — не алтарь, поляна — не поляна, пещера — не пещера, в разных источниках описывается по-разному. Может, оттого, что каждому это место видится по-своему. Так вот, вычитала я в легендах, что раньше, в дремучую старину, здесь заключались священные браки. Светлые силы использовали ночь летнего перелома, темные, как можно догадаться — зимнего. Прибывали к этому времени желающие получить вторую половинку и силу. Юноши и девушки, даже не всегда знакомые между собой, заходили в Священный Лес, где и должны были встретить свою судьбу. И, собственно, под присмотром божества — не Алаи и Алая — другого, более древнего, заключали союз и там же консумировали брак. Но есть одна тонкость: божество само определяет пару, — Дениз на время смолкла, поднялась, налила воды из стоящего на столике графина и выпила большими глотками. — Уф, даже в горле пересохло, пока рассказывала.

— И что? Неужели Бартон Пинешту настолько уверен в своей неотразимости, что зайдет в Священный Лес с кучей другого народа?

Да ни одно божество в здравом уме не приведет меня к нему! Да я лучше спрячусь в первом попавшемся дупле!

— Санни, может, иер Бартон и не первый красавец, но и не последний глупец. Он уверен, что в Священном Лесу в ту ночь будете только вы двое. И выбора никакого не будет. А мы его игру слегка поправим. Твой милый Рич тоже войдет в этот лес! Но тут уж, как понимаешь, в буквальном смысле: на все воля божества. Если оно сочтет, что эд'Рочестер тебя более достоин, то повстречается в том лесу тебе именно он. А если Пинешту... ну что ж, значит, он и есть твоя судьба, — Дениз, предугадав действия подруги, вновь ловко уклонилась от пухового снаряда. — Да предупрежден твой Рич, предупрежден! Если действительно желает быть вместе с тобой, то найдет возможность оказаться в нужное время в нужном месте. И тогда все будет зависеть от высших сил.

— И такой брак нерасторжим? — Санайя восторженно обняла подушку, которой несколькими мгновениями ранее собиралась избить вредную магичку.

— Думаю, после этого ты станешь неинтересна иеру Пинешту. Только, Санни, не может такого оказаться, что эд'Рочестеру нужно то же самое? Я имею в виду, твои способности?

— Да ты что! Это же Рич!

— А. Ну да, ну да, как я сама не подумала, — Дениз широко зевнула и, поправив подушки, улеглась. — Давай спать, я устала.

Спать, значит, спать. Кто бы возражал. Все же, день был не из самых легких.

ГЛАВА 3

Самый длинный летний день начался с рассветом. Если предыдущую неделю Санайе не доставалось ни кусочка мясного, то на сегодня ее завтрак вообще, ограничился только фруктами и водой.

— Ешь, девонька, — соизволила заговорить принесшая скудный завтрак пожилая гоблинша, и без рассказанных Дениз страшилок весьма напоминавшая ведьму из самых жутких сказок. — До завтрашнего утра больше не получишь ни кусочка.

Это что же, они и на пиру не планировали ее кормить? Нужно будет попросить верную подругу позаботиться о столь низменных вещах, как материальная пища, и как-нибудь изловчиться и передать еды. А то мало ли когда удастся в следующий раз поесть. Вряд ли им с Ричендом обрадуются в замке, когда они вдвоем выйдут из Священного Леса. Придется сразу же уезжать, а до ближайшего города ох как не близко.

К удивлению и бессильному возмущению Санайи, к ней не допустили не только Дениз, но даже Эмильену. Мало того, роскошное платье, на которое было потрачено немало папиных денег и их с мачехой нервов, осталось висеть в гардеробной. Вместо сонма щебечущих подружек, горничных и куаферов, к обряду бракосочетания невесту готовила все та же гоблинша, даже не назвавшая своего имени, отчего мысленно получила прозвище «Ведьма». Хотя, вполне возможно, что и не зря.

Ведьма-гоблинша бесцеремонно раздела свою жертву догола, загнала ее в горячую-прегорячую ванну, благоухающую, как луг к вечеру погожего сенокосного дня, продержала ее там Тогрит* знает сколько времени, периодически окуная с головой и нараспев приговаривая какие-то заговоры. Потом натерла едкой вонючей грязью и заставила так стоять, пока грязь не высохнет.

— Послушайте, милейшая, — робко попыталась сопротивляться Санайя, пока ее обмазывали, — боюсь, унюхав такое, от меня разбегутся не только жених и приглашенные гости, но и все окрестное зверье.

Даже не соизволила ответить. Вот же ведьма! Скорее бы закончился день.

К счастью, вонь утихла вместе с высыханием грязи. В очередную ванну бедняжка забралась с нескрываемым удовольствием. Через небольшой промежуток времени, равный молитве или заговору, что там бормотала ведьма, Санайя чуть ли не силой была вытащена из воды и тщательно осмотрена, даже на голове, меж мокрых волос. Как ни странно, почти вся ссохшаяся грязь успела отмокнуть, оставив лишь небольшое пятнышко под ухом, которое Ведьма тщательно исследовала и чуть ли не на язык попробовала.

— Что замыслила, негодница?! — прикрикнула она.

Ну ничего себе, горничные в замке ее жениха. Если бы Санни осталась здесь хозяйкой, сразу же выгнала бы наглую, будь та хоть трижды ведьма. Но и сейчас нельзя спускать подобное, иначе так и до обряда не дожить. Скорее бы закончился день.

— Убить вас хочу! — буркнула невеста.

— А, ну хотя, хотя, — странно, кажется, эти слова успокоили Ведьму, и она принялась за дальнейшую экзекуцию.

Санайю поставили в опустевшую ванну и стали поливать с головы до ног поочередно из стоящих здесь же кувшинов. Постепенно телом овладевали лень и нега. Глаза закрылись сами собой. А что оставалось делать? Жидкость из некоторых кувшинов была очень даже едкой. Сопrotивляться? А зачем. Все идет, как должно. Этой ночью свершится самое важное. Внизу живота появилась приятная истома. Скорее бы закончился день.

Плохо запомнилось, как ее наконец-то, вывели из ванны, как жесткие заскорузлые руки растирали тело, а мягкая щетка до тех пор бегала по волосам, пока они не выпрямились и каждая волосинка не засияла. Совсем не вызвало отторжения и то, что вместо свадебного платья на нее надели длинное, до пят простое льняное одеяние, вышитое по подолу, рукавам и горловине нитками, по цвету почти совпадающими с самим платьем. И отсутствие белья совсем не смутило, оно бы только раздражало ставшую до невозможности чувствительной кожу, как грубый лен раздражает напряженные соски. Скорее бы закончился день.

Интересно, что же из нее сотворила эта ведьма? Санайя оглянулась. Странно, она не узнала комнату, в которую вышла из ее

уже почти собственной ванной. И ни одного зеркала вокруг. И за окном не ясный солнечный день, а приглушенные деревьями вечерние сумерки. Деревья? Напротив ее окон, находящихся на третьем этаже, не должно быть деревьев. А так ли это важно? Оказывается, нисколько. Кажется, день и вправду заканчивается. Скоро, совсем скоро сбудется то, что должно. Что? Скоро узнается.

Как же легко стало телу. Если бы рукава были немного шире, можно было бы взмахнуть руками и взлететь. Взлететь, чтобы поспешить навстречу судьбе. И есть совсем не хочется. Если только водички.

— Мне бы попить, — несмело попросила Санайя у своей... У кого? Мучительницы? Наставницы?

— Пей!

Ей протянули самый обычный глиняный кувшин. Не вода. А что? Неважно. Очень уж хочется пить. В меру кисленькое, в меру сладкое, в меру игристое. Сидр? Неважно. Главное, хорошо утоляет жажду.

— Хватит тебе! — окликнула Ведьма. — А то совсем заездишь жениха. Не стоит он того, — последние слова были произнесены совсем тихо. Наверное, показались или были додуманы.

Жених. Санайя с сожалением рассталась с кувшином, на дне которого плескались остатки волшебного напитка, и плотоядно улыбнулась. У нее будет самый лучший жених. Пора поспешить к нему. Здесь делать больше нечего.

— Я пойду. Не скучайте без меня, — чисто из вредности добавила она и толкнула грубую дверь из толстых дубовых досок.

Что ответила ведьма, она уже не услышала.

Лес, простирающийся прямо от крыльца домика, из которого вышла Санайя, нисколько не удивил. Все идет, как и должно. И то, что трава вокруг дома совсем не притоптана, тоже не вызвало удивления. Нет тропинок? Они сегодня не нужны.

Как приятно ласкает босые ступни нежная трава, такая растет только на тщательно ухоженных газонах. Что-то не верится, чтобы и здесь за ними кто-то столь же ревностно следил. Но разве это важно сейчас? Нисколько. И все же, как нежна трава. Если снять грубую рубаху, можно поваляться на ней, впитывая всей кожей первую вечернюю росу. Санайя уже потянулась к одеянию, чтобы сбросить

его, но затем замерла. Нет, не сейчас, она здесь не для того, чтобы валяться на волшебной траве. Она должна кого-то найти. Кого? Рич. Конечно же, Рич. Как можно про него забыть. Он где-то здесь.

Странно, Лес совсем не казался благообразно-показательным парком, но ни одного сучка не попало на пути, ни одна кочка или колючая ежевичная плеть не помешала. Под могучими деревьями, которых в городе не встретишь, росла все та же ласковая, сейчас слегка влажная трава. Где-то далеко, на самом краю сознания, отметилось, что в таком дремучем лесу должны водиться дикие звери, а может, и не только звери, но страха совсем не было. В душе росла уверенность, что никто ее сегодня не тронет. Кроме того, кому сама позволит. Санайя почувствовала, как щеки опалил горячий румянец. Его щемящее тепло разбежалось по телу и уютным комом поселилось внизу живота. Даже дыхание на миг перехватило.

Уже сегодня. Скорее бы найти того, кто ей предназначен самой судьбой, иначе этот странный жар не унять. Еще и в кустах, что темнели справа, завела песнь какая-то ночная птичка. Жаворонок? Кажется, Санайя читала, что жаворонок — птица утренней зари. Значит, это соловей, не иначе, пусть и соловьев она раньше тоже никогда не слышала.

— Нарекаться соловьем! — сообщила она птичке и, засмеявшись и широко раскинув руки, закружилась.

Если бы свадьба велась по общепринятым правилам, кружила бы Санайя сейчас в танце с женихом. Но сегодня эти правила неуместны, можно танцевать самой с собой. Полянка как раз для этого подходящая.

Как помутилось в голове. Кажется, перестаралась. Так можно и упасть. А почему бы и не упасть? Ведь сама хотела повалиться на этой траве.

Трава и правда, оказалась волшебной. Жаль, намокшая и ставшая еще более грубой рубаха мешала остроте ощущений. Значит, рубашку можно снять и отбросить. Тем более, никто не видит, да и темнота вокруг кромешная, даже робкий нарождающийся полумесяц и любопытные звезды предупредительно скрылись за облаками-ширмами.

Санайя бездумно перекатывалась по траве, впитывая телом ее благотворные соки и духмяный запах. Хочется смеяться? Можно

смеяться. Смех совсем не похож на деликатный смех воспитанной девицы? А кому здесь слушать? Ни смотреть, ни слушать некому. Гортанные, почти утробные звуки огласили окрестность.

То, что она уже здесь не одна, Санайя скорее, почувствовала, чем увидела.

Пришел. Ее судьба. Ее любовь.

— Иди сюда, что же ты стоишь?

Приблизился. Встал рядом. Во тьме не рассмотреть, кто же он? А нужно ли рассматривать? Санайя точно знала — этот мужчина ее и только ее. Как и она — только его.

— Ты когда-нибудь валялся на траве? Здесь замечательная трава. Не бойся! — рука коснулась босой ступни и брюк над ней. — Зачем тебе брюки? Они не нужны. И рубаха, если она на тебе есть, тоже не нужна.

Какой послушный. Звякнула пряжка ремня, и лишняя одежда глухо опустилась в стороне.

— Ложись, — Санайя похлопала ладонью по траве рядом с собой. — Поваляйся, тебе понравится.

— О да, думаю, мне понравится! — прохрипели в ответ.

Только вместо того, чтобы поваляться по траве, мужчина прижался к ней. Какой он горячий. Горячая мужская кожа и прохладная трава. Что из этого приятнее? Пожалуй, рука, которая смело легла на ее грудь, вызвав короткий вздох не то удивления, не то восхищения. Да, нет ничего лучше уверенной руки на груди, до этого никогда не испытывавшей ничего подобного. Что? Губы, коснувшиеся напряженной вершинки, могут вообще отключить разум? Пожалуй, здесь и сейчас разум совсем не нужен, и Санайе еще не раз за эту короткую ночь приходилось удивляться, сколь же волшебным и ярким может быть наслаждение.

Зябкий туман, предвестник близкого рассвета, охладил разгоряченные тела. В его неверном мареве уже можно было рассмотреть того, с кем связала эта ночь, полная волшебства. Не Пинешту, это Санайя поняла еще при встрече. Но и не Рич. Она провела ночь с совершенно незнакомым мужчиной? Как такое могло случиться?

— Вы кто?! — горло сдавил удушающий спазм.

— Считаете, пришла пора познакомиться? — последовал глумливый ответ.

Познакомиться? Да он... да она...

— Как вы могли? — жалкие остатки гордости едва удерживали готовые пролиться слезы.

— Не отказать вам в вашей настойчивой просьбе? Никак не мог.

Он еще и издевается! Разрушил всю ее жизнь и так спокоен. Поднялся. Отыскал брюки и рубаху. Оделся.

— Вас проводить, дорогуша?

Дорогуша? Да за кого он ее принимает? За кого, за кого. За ту, что первая позвала и смело ответила на ласки. За обычную доступную девку.

— Пошел вон! — взвизгнула Санайя.

— Как будет угодно даме. Было приятно провести с вами время, — незнакомец куртуазно поклонился и скрылся за деревьями.

Можно зареветь в голос. Можно побить головой и кулаками о землю. Можно остаться на месте и подождать, пока ее найдет дикое зверье. Не может такого быть, чтобы в столь дремучем лесу не было крупных зверей, а не только мелких ежей и белок, одна из которых смело приблизилась к Санайе, держа в зубах орешек. И где только раздобыла его в начале лета. Перехватила орешек лапками и протянула гостю. Надо же, мир, хоть и разбился вдребезги, но оказался не без добрых существ.

— Ты меня угощаешь? Спасибо.

Орешек был освобожден от скорлупы и честно поделен пополам. Только сейчас Санайя поняла, как же она голодна. А еще замерзла. Откинута с вечера рубаха вся промокла от росы и несколько не согрела. Ну и ладно, хотя бы прикрыла наготу и следы грехопадения на внутренней стороне бедер, лучше всяких слов доказывающие, что она стала другой.

Странно, неужели, в этот Лес уже пришла осень? С могучих деревьев, еще вчера покрытых яркой зеленью, медленно опадала желтая листва. Как созвучно настроение Леса с тем, что сейчас творилось в душе.

Пока Санайя шла по Лесу, она отчетливо представляла стоящих на ступенях отца и Оргара Пинешту. Оба хмурые, а хозяин замка еще и

злой. И что им сказать? Сожалею, что не встретились в Лесу? Так это будет неправдой, она нисколько не жалела, что провела эту ночь не с навязанным женихом.

Ноги сами, без всякой тропинки привели к высокой замковой стене. Как же не хочется идти под перекрестными взглядами слуг и домочадцев. К счастью, задолго до главных ворот в стене нашлась небольшая калитка. Не заперто? Странно, но очень кстати. Может, удастся пробраться незамеченной, найти Дениз, и тогда все сразу решится. Все встанет на свои места. Подруга посмеется в своей грубоватой манере и скажет, что это был всего лишь сон: и сама волшебная ночь, и циничные слова незнакомца.

Волшебная ночь? С чего Санни решила, что эта ночь была волшебной? Это была самая ужасная ночь в ее жизни.

Пробраться незамеченной не удалось. Случилось все так, как и представлялось незадолго до этого. Высокое каменное крыльцо, а на нем двое мужчин. Злой Оргар дин Пинешту и папа. Почему папа прячет глаза, как будто ему стыдно, и он в чем-то виноват?

— Где ты была, дочь?

— В Лесу.

Это ведь правда, она была в Лесу, и мужчины это прекрасно знают. К сожалению, последующий вопрос был сколь закономерен, столь же и неприятен:

— С кем?! — раньше папа никогда на нее не кричал. Что с ним случилось?

Солгать? Сколько можно быть безвольной. В конце концов, Санайя уже совершеннолетняя, папа не имеет права распоряжаться ее судьбой и, тем более, телом.

— Это неважно, — она смело подняла взгляд. — Позвольте мне пройти. Я устала.

Лицо хозяина замка побагровело. Да, он не вызывал в Санайе излишних симпатий, но и смерти от апоплексического удара она ему тоже не желала. Пожалуй, будет правильным как можно скорее скрыться с их глаз, чтобы не раздражать.

Попытка обойти суровых встречающих стороной не увенчалась успехом. Иер дин Пинешту на удивление ловко для своей комплекции подскочил к девушке и ухватил ее за правую руку и резко задрал рукав.

Все трое удивленно воззрились на запястье, где нагло расположился свеженький узор в виде браслета из веточек.

— Кто он?!

Наверное, парализованные этим взглядом и голосом клерки, работающие в банке у иера Пинешту, тут же выдавали все свои совершенные и только планируемые прегрешения. Но Санайе-то он не начальник и даже не муж. Мало того, похоже, уже им и не станет. А потому можно представить, что это совсем не она, а всегда уверенная в себе Дениз, и спокойно ответить:

— Это неважно. Позвольте пройти?

— Чтобы ноги этой девицы в моем доме не было! — это гостеприимный хозяин сказал уже Леандру дин Тиаграсса.

Да не очень-то и нужно, пусть только позволят переодеться, Санайя даже есть здесь не будет. Ничего, говорят, человек без пищи может продержаться больше месяца. Заодно и похудеет. Сколько всего хорошего можно найти в случившемся. От неприятного жениха отделалась, лишний вес скинет.

— Папа, мы уезжаем? — счастливую улыбку даже не пришлось изображать, она сама растянула губы.

Отец переводил затравленный взгляд с дочери на своего могущественного компаньона. Потерзавшись так пару минут, иер Тиаграсса решил ответить:

— Я велю водителю увезти вас с подругой, а сам останусь.

Если бы не его жалкая просительная улыбка, Санайя еще бы могла надеяться, что для нее все может остаться по-прежнему: любящий отец, неплохая мачеха, их дом в Сторхеде и та же размеренная и такая удобная жизнь.

Но папа выбрал своего делового партнера и их общие дела. Дочери в его жизни больше не было. Или ей показалось? Верно лишь одно: не стоит выяснять отношения при посторонних, а иер дин Пинешту навсегда остался посторонним, по крайней мере, для нее уж точно.

Папа и хозяин замка исчезли за массивными дверьми. Санайя осталась одна. Может быть, кто-нибудь и наблюдал за ней из многочисленных окон, наверняка наблюдал, но что ей те люди. Хотелось бы поговорить с той женщиной, что собирала вчера к

брачной ночи, как пафосно звучит: брачная ночь, уж та точно знала больше, но где же ее сейчас искать.

Четверть часа не самого уютного ожидания растянулись в вечность. Все сильнее жгли спину чужие взгляды, все больше зябли босые ноги на каменных плитах негостеприимного двора. Но все когда-нибудь заканчивается, наконец-то появилась на удивление молчаливая и серьезная Дениз с перекинутым через плечо рюкзаком с вещами, и подружки направились к магомобилю, тихо урчавшему в стороне.

Спина прямая, подбородок высоко поднят. Главное, не бежать, даже учитывая, как замерзли ступни.

Оглушительно хлопнула дверца машины, отсекая замок с его неприятным хозяином и прежнюю жизнь. Можно поджать под себя окоченевшие ноги, обхватить тело руками и, сжавшись в комочек, прильнуть к теплему плечу. Как же хорошо, что у нее есть Дениз. Магичка молча порылась в своем рюкзаке, достала оттуда вязаную кофту и толстые шерстяные носки. Сама все это надела на Санайю и, по-прежнему не говоря ни слова, притянула ее голову к своей груди. Ну как тут не расплакаться? Тем более, сил сдерживать слезы совсем не осталось.

— Я ни за что к ним не вернусь, Денни!

Магомобиль быстро катил по пустынной дороге.

Сколько проплакала на плече подружки Санайя, неизвестно. Теплое нутро магомобиля, ранний вчерашний подъем, бессонная ночь и последующие переживания сделали свое дело: она заснула.

Разбудил ее излишне оптимистичный голос:

— Есть будешь, соня?

— А? Что? — с трудом открыв опухшие от сна и слез глаза, Санайя закрутила головой.

— Я проголодалась и готова целиком съесть вон то чудище, — Дениз указала на вывеску, на которой нечто аляповатое пыжилось изображать кабанчика, ибо надпись под этой картиной сообщала, что заведение, около которого сейчас остановился их магомобиль, бесхитростно называлось «Свирепый вепрь».

Желудок ворчливо напомнил, что возможно, человек и может месяц прожить без пищи, но он сам с таким заявлением категорически

не согласен, и столько не продержится.

— Я тебе помогу с ним покончить! — хрипло отозвалась Санайя и уже было собралась выбраться из салона.

— Кхм, кхм, — предупредительный кашель и оценивающий взгляд на ее одеяние охладили первый порыв.

— Мое платье, — мятая, со следами зелени сорочка была критически осмотрена и признана неподходящей даже для такого непритязательного заведения, каковым являлась таверна «Свирепый вепрь», даже в комплекте с носками и кофтой Дениз.

— Подожди меня, я быстро сбегаю и возьму что-нибудь, чтобы мы могли перекусить прямо здесь! — Дениз, успокаивающе пожав подруге руку, выскользнула из машины и скрылась за скрипучими массивными дверьми.

Пробыла в таверне она совсем недолго. Санайя даже не успела окунуться в пучину мрачных мыслей, как подруга уже вернулась с огромным пакетом, распространяющим одуряющие запахи. Жареная курочка. Только бы не съесть ее вместе с костями. Хорошо, что совсем рядом крутилась пегая лохматая собака с висящими почти до земли сосцами. Совесть не позволит оставить кормящую мать без ее доли. Так и быть, собачка, все косточки будут твои.

Некоторое время тишина в салоне перемежалась только хрустом свежих овощей, звуками жевания и тихими возгласами удовольствия. Лишь после того, как с половиною содержимого пакета было покончено, подруги переглянулись и, честно отдав косточки терпеливо поджидавшей собачке, откинулись на спинку диванчика.

— Уф, много ли нужно человеку для счастья! — Санайя и не поняла, что это сказала она сама.

— А я что говорю! Пока человек жив, все поправимо, и очень многое — в лучшую сторону, — в голосе Дениз не было обычного для нее сарказма.

Магичка порылась в своем рюкзаке и вытащила из него пухлый недвусмысленно звякнувший кошель.

— Сейчас найдем какую-нибудь лавочку, купим тебе одежду, и жизнь наполовину наладится!

Наполовину. Санайя горько улыбнулась. Подруге еще только предстояло узнать, насколько вся ее жизнь разрушена. Просто

вдребезги. Начать сразу жаловаться? Это подождет. Пока же есть более насыщенный вопрос.

— Откуда у тебя эти деньги?

— Иера Эмильена дала, — Дениз невозмутимо пожала плечами и, словно предугадав последующие возражения, уперла в ее грудь указательный палец и решительно заявила: — И не вздумай отказываться! Даже поступив с тобою так... нехорошо, — весьма корректное слово для всегда резкой подруги, — они остаются твоими родителями и обязаны, по мере возможности конечно, тебя обеспечивать.

Санайя глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Она никогда не одерживала верх в подобных спорах. Вряд ли это получится теперь. Да и есть в словах Дениз немалая доля разумного, а потому пришлось покорно согласиться.

После того, как насытившийся в той же таверне водитель занял свое место, ему было велено медленно ехать по улочкам городка и остановиться у первой же более или менее приличной на вид лавки женского одежды.

Договорились, что за одеждой пойдет одна Дениз. Нечего нервировать добропорядочных жителей мелкого городка неподобающим видом, давая им пищу для пересудов не меньше, чем на месяц.

Магичка критически осмотрела подругу, желая поточнее запомнить ее размер, и вдруг замерла.

— Санька, — так Санайю она называла только в крайних случаях, — твои глаза...

— Что не так с моими глазами? Красные и опухли? Ничего удивительного, столько прорыдать на твоём плече.

— Думаешь, от слез? Хотелось бы верить, — а ведь Дениз и правда показалась озадаченной. — Ну, я пойду? — для чего-то спросила разрешения она, прежде чем выйти из магомобиля, остановившегося на площадке перед небольшой лавкой женской одежды.

— Иди. И зеркало купи! — Санайе и самой захотелось посмотреть, что же такого необычного нашла в ее глазах подруга.

В лавке Дениз пробыла совсем недолго. Магичка не любила хождения по магазинам. Она бросила на сиденье несколько свертков и

гордо сообщила:

— Вот! Думаю, должно подойти. Туфли меряла по себе, знаю, что твоя нога чуть больше. Остальное — на глаз.

Чтобы хоть чем-то занять себя, Санайя принялась рассматривать покупки. Комплект белья, тонкие лосины и гольфы вместо чулок, удобная юбка в синюю и зеленую клетку и простая, без изысков, блузка приятного салатového цвета. Шерстяной синий жакет в тон юбке. Туфли мягкой кожи на низком каблучке, пожалуй, были самой дорогой частью принесенного гардероба. Небольшое зеркальце. Ничего лишнего и вычурного. Теперь нужно бы переодеться. Но не при водителе же.

Кривые улочки оставшегося неизвестным городка быстро закончились. Магомобиль вырвался на простор загородной трассы. Мелкие деревушки с зеленеющими подле них полями монотонно чередовались с лугами и перелесками. Как должно быть, размерена жизнь в этих краях.

— Не могу больше сидеть в машине! Давай пройдемся, заодно и переоденусь в том лесочке, — Санайя вернула в пакет судорожно сжимаемый до этого жакет и велела водителю остановиться.

Магомобиль замедлился и замер на обочине. Девушки велели водителю отдохнуть, предупредили, что уйдут на полчаса-час в ближайший лесок, и выбрались из машины.

— Ты хотя бы туфли надела, — укорила Дениз подругу, ступившую в придорожную траву босыми ногами.

— Туфли? Да-да, конечно. Только я пройду немного так, хорошо?

— Хорошо, — магичка пожала плечами. Мало ли какие странности могут проявиться у человека, испытавшего тяжелое потрясение. Тем более, если вся его жизнь до этого была тиха и размеренна.

Так они и шли: впереди Санайя, она изредка наклонялась и проводила ладонью по верхушкам зеленой травы и ласковым головкам и бутонам цветов, и, в нескольких шагах позади, все более хмуриющаяся Дениз.

— Как же здесь хорошо, Денни. Почему нам удастся так редко вырваться на природу? Здесь даже пчелы совсем другие, чем в городе! — Санни развернула вверх пропахшую травой и пылью ладонь, на которую тут же уселся толстобрюхий шмель. — А запах? —

она глубоко вдохнула. — Знаешь, от него же и грудь может разорваться! Денни, скажи, ты тоже это все чувствуешь, да? Ну что ты так насторожилась? Считаешь, что со мной не все нормально? Что может быть странного в моем желании прикоснуться к цветку? Не к мертвому, который был выращен и срезан в оранжерее под присмотром магов специально для дорогого и бездушного букета, а к вот этому, голубому? Или к этому белому с желтым. Знаешь, я даже названий многих из них не знаю. И название этого дерева не знаю, но все равно прижмусь к нему и постою так немного.

Дениз настороженно наблюдала за не совсем обычным поведением подруги. Как та, отбросив в сторону пакет с вещами, уже обеими ладонями провела по траве, а потом, обхватила руками дерево и, прикрыв глаза, прижалась к нему всем телом и щекой.

Так они постояли какое-то время. Магичка прекрасно знала, когда стоит помолчать. Здесь и дара никакого было не нужно, чтобы понять: в эти минуты на подругу сходит особенная благодать. Хорошо это или плохо? Это есть, и с этим придется мириться.

— Уф, — первая опять заговорила Санайя, — кажется, отлегло. Думала, задохнусь в машине. Так там стало неудобно. А теперь можно и привести себя в приличный вид. У тебя расческа есть?

— Осталась в рюкзаке.

— Денни, да что с тобой? Боишься за мой разум? Не бойся. Все нормально, правда. Я больше не буду плакать. И все-все тебе расскажу. Если ты хочешь, конечно!

— Только попробуй не рассказать! Р-rrr! А сейчас быстро переодевайся!

— Теперь узнаю подруженьку! — Санайя рассмеялась и, вытащив из пакета купленные вещи, стала переодеваться. — Носки и туфли потом надену, ладно? — почему-то виновато сообщила она. — Да ты сама разуйся, проверь, как это здорово!

— И то правда, что я теряю, — еще одна пара туфель и носков оказалась в пакете. Сама Дениз уселась рядом с подругой, опирающейся спиной о ствол дерева и строго распорядилась: — А теперь рассказывай!

— Что, прямо сейчас?

— А когда еще? Или твои слова про то, что ты не вернешься к родителям, были сказаны сгоряча?

— Денни, ты бы вернулась к человеку, который между деньгами и дочерью выбрал деньги?

Магичка лишь презрительно фыркнула, уж кому-кому, а ей такой вопрос задавать даже и не стоило.

— Эх, Санька, опять злобредная невоспитанная Дениз втягивает тебя в очередную авантюру. Ну да мне не привыкать к упрекам твоих родных. Давай, рассказывай, что же с тобой случилось, а потом уже, исходя из фактов, мы составим план. То, что Пинешту тебе ночью не встретился, это я поняла. Что, собственно, и планировалось. Но что же там произошло? Как я поняла, вы и с милым Ричем разминулись? А я ведь сама проследила, чтобы он вошел в Лес. Не мог же он уже после сбежать.

— Я его там не встретила, Денни.

— И что? Что ты так загадочно молчишь? Каждое слово из тебя клещами нужно тянуть! Не принуждай меня применять к лучшей подруге запрещенные в мирной жизни методы допроса.

— А что, есть и такие? — Саная с интересом глянула на собеседницу.

— Не скажу! Но, если понадобится, применю их на тебе!

— Денни, понимаешь. Я... я там встретила другого! Совсем другого, вовсе незнакомого! Ведьма — точно говорю тебе, она была ведьмой! — так вот, та самая ведьма, которая меня собирала, напоила меня чем-то, натерла и еще полила сверху для верности. В общем, много чего она со мной делала. И я как не в себе была, когда ушла в Лес. Он меня нашел и... и все случилось, вот! — Саная оттянула рукав блузки и показала проявившийся на запястье рисунок.

— Ведьма, говоришь? И этот Лес — священное место ведуний. И рисунок, похоже, их, ведовской, — Дениз задумчиво почесала кончик носа. — И где же он?

— Денни, — Саная подняла испуганные глаза и, почему-то шепотом, спросила: — Ты что, не видишь рисунок?!

— Рисунок я вижу, я спрашиваю, где твой муж?

— Постой, постой, какой муж? Ты же знаешь, свадьбы не было. Не пугай меня так!

— Милая подруженька, — осторожно начала магичка, — я, конечно, плохо разбираюсь в ведовских ритуалах и символах, но их брачные браслеты видела, и не раз. Все же, в нашем училище есть и

ведовской факультет. Так вот, то, что у тебя на руке очень похоже на ведовской брачный браслет. Немного странный, конечно, но, я же говорю, не разбираюсь в них.

— Н-нет, этого не может быть. И потом, знаешь, что он сказал на прощание? Он сказал: «Было приятно провести с вами время!» И ушел. Он принял меня за продажную женщину, Денни! — едкие слезы обиды и горечи вновь собрались в уголках глаз.

— М-даа, — Дениз смахнула с коленки упавший желтый листок и прижала подругу к себе.

Та пару раз шмыгнула предательски защипавшим носом, тряхнула головой и, выпрямив спину, сообщила:

— Я больше не буду плакать!

— Это правильно, слезы в наших планах не помощники. Но знаешь, подруга, без помощников нам не обойтись, — задумчиво закончила магичка, подняв глаза вверх и проводив взглядом еще один планирующий желтый листок. — Оч-чень много в нашем деле набирается странностей. Ты только не пугайся раньше времени, ладно? Я лишь обращаю внимание на очевидное. Видишь, листва этого дерева пожелтела? — она провела рукой, указывая на резко изменившую свой цвет крону. — И трава, которой ты касалась, тоже. А еще, еще твои глаза. Теперь уже не удастся объяснить их цвет слезами.

— Денни, ты хочешь сказать, что все, к чему я прикоснусь, умирает? — Саная тут же отодвинулась от подруги.

— Тьфу на тебя, глупую! Я говорю, что нам срочно нужна консультация. Ты точно решила не возвращаться к родителям? — не дождавшись ответа, Дениз продолжила: — Тогда, если в Сторхеде тебя больше ничего не держит, предлагаю ехать сразу в мое училище. Думаю, там тебе помогут и разьяснят, что же с тобой произошло и продолжает происходить. Или все же — в Сторхед, к родителям? Я знаю, иер Тиаграсса тебя не бросит. Пусть я и взбалмошная ветреная магичка, но хотя бы предложить тебе самый разумный выход обязана.

— Знаешь, Денни, как бы там ни было, но я счастлива, что у меня была эта ночь. И... и я не хочу возвращаться к прежней жизни.

— Ты изменилась, — задумчиво проговорила Дениз скорее для себя, чем для своей подруги, совсем еще недавно послушной дочери и не склонной к авантюрам приличной иерини из приличной купеческой

семьи. — Если так, едем в Большой Иуренг и пытаемся разобраться со всем произошедшим, а заодно начать новую жизнь. Как тебе план?

— У меня и такого нет. А потому, вперед! — Санайя поднялась и осторожно провела пальцами по стволу пострадавшего дерева. — Прости, я не хотела, — шепнула она, словно дерево могло ее услышать.

Подруги вернулись к поджидавшему их магомобилю с задремавшим за рулем водителем и велели ему направляться в столицу. Случайно или же специально, но Дениз не озвучила своего наблюдения, что имя Риченда эд'Рочестера было упомянуто лишь единожды, и то, вскользь. Любовь закончилась? Может, оно и к лучшему.

ГЛАВА 4

В Большой Иуренг магомобиль с подругами въехал поздно вечером следующего дня.

Ни на миг не засыпающая столица встретила их шумом и суетой. Алчно прятали клиентов в своих ненасытных нутро таксомобили и везли по названным адресам, развеселая музыка таверны, в которой что-то отмечала компания хорошо разогретых гоблинов, беззастенчиво врывалась в заунывные звуки небольшого уличного оркестра, исполнявшего для всех желающих печальную балладу о любви орка и эльфийки. По тротуарам спешили по своим делам припозднившиеся пешеходы. По дорожкам городского парка меж чахлах деревьев и тщательно подрезанных кустов прогуливались влюбленные парочки. Город жил своей жизнью. У каждого его жителя были свои дела и заботы, свои беды и радости. Мегалополису не было никакого дела, что приехала еще одна человекоединица. Сколько их приезжало для его покорения, сколько уехало ни с чем, а сколько мирно или же не очень, заканчивало свою жизнь, так и не доказав ни себе, ни городу, что способен и может. Город видел в своей жизни все.

Переночевать девушки решили в одной из множества безликих гостиниц, а уже наутро отправиться в училище. Можно было бы отправиться сразу в общежитие и остановиться там, в комнате Дениз, но водитель обязательно расскажет иеру дин Тиаграсса, куда доставил его дочь. Нет, папа, конечно, найдет без особого труда даже в столице, но пусть у нее будет хотя бы немного времени в запасе.

Наутро, распрощавшись с водителем и заверив, что его помощь больше не нужна, подруги отправились к месту учебы Дениз.

Училище боевой и прикладной магии встретило их величавыми массивами каменных корпусов, звонкой брусчаткой дорожек меж ними и молчаливым спокойствием огромного парка. Странно было найти подобный островок спокойствия в огромном всегда шумном городе.

— Эд'Григ? — неприветливо встретил адептку старый сморщенный гоблин, выглянувший из прозрачной караулки, находящейся внутри одного из зданий. — И зачем это тебя принесло посреди лета? У всех нормальных адептов каникулы. И у тебя

каникулы. Понимаешь, ка-ни-ку-лы! Ты должна отдыхать. И училище имеет право отдохнуть от тебя!

— Иер Инчик. Я по делу. По очень важному делу, — в голосе подруги послышались непривычные жалобные нотки.

— Какие могут быть дела у адептов посреди лета, — проворчал вахтер. — Иди, иди отседова, а дела и до осени подождут. Сейчас и нет никого в училище. И вообще, что тебе понадобилось на ведовском факультете? Иди, коли уж не терпится, к своим боевикам, их доставай!

— Мне нужно здесь и сейчас! — Дениз притопнула ногой. — Иначе я начну пакостить, иер Инчик, вы меня знаете, — в ее руке появился небольшой оранжевый шарик.

— И в каникулы от них покоя нету никакого!

Пустынный холл огласился противным воющим звуком. Вахтер решил, что она тут все подпалит и включил пожарную сирену? Санайя поочередно оглядела довольные лица магички и гоблина. Удовлетворение последнего понятно: предотвратил безобразие. Но чему радуется Дениз? Скоро и ее поведение получило объяснение. Где-то в недрах второго этажа послышался уверенный цокот женских каблучков. Их обладательница — статная уверенная в себе женщина с зелеными глазами и роскошными каштановыми волосами, в свете падающих из огромных окон лучей отдававшими рыжиной — начала разговор задолго до того, как подошла к нашей компании.

— Иер Инчик, — болезненно поморщилась она, — да отключите уже этот ужас! Что случилось?

— Хулюганют, метресса Ликинна, — обиженно сообщил гоблин, отключая сирену.

— Кто? — ведунья, а пришедшая, несомненно, была ведуньей, строго посмотрела на девушек. Мельком на Дениз, невинно скрестившей ручки за спиной и опустившей глазки долу, и — уже гораздо внимательнее — на ее подругу, широко раскрытыми глазами наблюдающую весь этот спектакль. — Ну-ка, ну-ка, ну-ка! — она подошла к Санайе, тонкими, на удивление крепкими пальцами, вцепилась в подбородок и принялась разглядывать ее лицо. Поджала губы, покачала головой и, не озвучив выводов, коротко приказала: — За мной! — после чего, не оглядываясь на возмутителей спокойствия, направилась к лестнице, по которой недавно спустилась.

Первая отмерла Дениз. Она подхватила Санайю за руку и, мстительно показав вахтеру язык, поспешила за метрессой.

— Уже и летом проходной двор устроили! Никакого покою от них нет, — полетело им вслед недовольное ворчание.

Очень хотелось расспросить, что все это значит, но прямая спина метрессы Ликинны совсем не располагала к разговорам. Ведуньи они, конечно, тоже люди, но мало ли что, все же ведуньи. Про их крутой нрав и непредсказуемость много чего рассказывают. Лучше уж немного подождать. Если позвала за собой, значит, сама и расскажет, зачем.

Комната, куда завела их метресса, была очень уютной и вся утопала в зелени. Санайя непроизвольно сделала глубокий вдох. Только сейчас она поняла, как давили камни большого города. Столица и есть столица. Девушкам было указано на кресла в разных углах кабинета и предложен чай, да не бездушный магазинный набор, а душистый, из, наверняка собственноручно, собранных травок. Давно такого не пила.

— Рассказывайте! — приказала хозяйка кабинета после того, как чашки были отставлены в сторону.

Рассказывать? Вообще-то, это они хотели получить объяснения.

— Моя подруга... — начала магичка.

— Твоя подруга не умеет говорить? — ее невежливо перебили.

— Может, — надо же, Дениз и стусевалась.

— Итак, иерина, — метресса повернулась к Санайе, — я вас слушаю. Рассказывайте о себе все, что знаете. Желательно с самого рождения!

— Но с самого рождения я не помню, — неуверенно ответила та.

— Значит, со слов тех, кто помнит!

— Метресса Ликинна может тебе помочь, — ответила на неуверенный взгляд Дениз. — Расскажи о себе все, что помнишь.

И Санайя начала рассказ. О том, что родилась на далеком острове и совсем не помнит свою мать, о том, что отец увез ее оттуда в младенческом возрасте. Зачем-то рассказала о том, что иногда просила людей что-либо не делать, так отец остался жив, не отправившись в последний путь с «Трезубцем Ирденана». И о том, что не сошлась с отцом в выборе жениха. Как они с Дениз собирались провести этого самого жениха, пожелавшего связать себя с будущей женой именно в

Священном Лесу. И что из этого вышло, тоже рассказала. И уже под конец, словно неуверенная, стоит ли, рассказала про то, что от ее прикосновений желтеет трава и листва на деревьях.

Метресса Ликинна слушала без комментариев, лишь иногда задавая уточняющие вопросы и добавляя в чашку рассказчице еще чаю. После того, как Санайя смолкла, ведунья придирчиво рассмотрела рисунок на запястье гостя, молча кивнула своим мыслям и, внимательно оглядев свое зеленое царство, выбрала одно из растений и в своей отрывистой манере приказала:

— Подойди сюда! Положи руку на крону!

Маленький уютный кустик с пестрыми листочками было жаль, но ведь и самой интересно. Может, то дерево вовсе не от ее прикосновений пожелтело, может, в его корнях завелся вредитель, или еще что. Бывает, что деревья гибнут и летом. Санайя осторожно коснулась куста ладонями. Как приятны прикосновения нежных листочков. И почему раньше никогда не замечала?

— Ну хватит, хватит! Выпьешь мне всю иурдению, — проворчала ведунья и, отобрав горшок с растением, что-то успокаивающе ему зашептала.

Теперь уже случайным совпадением объяснить не получится. От прикосновений Санайи листочки загадочной иурдении понуро повяли. Правда, в отличие от кроны пострадавшего дерева, быстро вернули бодрый вид, откликаясь на ласку хозяйки кабинета. Кажется, метресса Ликинна совсем забыла о своих посетительницах, она, как над младенцем, ворковала над кустом, который сама же пожертвовала для эксперимента, поливала его, при этом что-то тихо нашептывая. Они что, в этом училище все такие странные? Да взбалмошная Дениз, по сравнению с некоторыми, верх благоразумия!

Санайя поймала взглядом глаза подруги и молча указала на выход, намекая, что, не сбежать ли им отсюда, пока еще не поздно? Эта странная ведунья нагоняла непонятную жуть. Еще проклянет за то, что загубили ее кустик. Дениз отрицательно покачала головой. Сбежать одной? Ну да, а внизу ее встретит иер Инчик с сиреной.

Первой молчание прервала метресса Ликинна.

— Мало! Очень мало информации. Но вся она очень интересная. Что вы сами думаете обо всем этом, иерина дин Тиаграсса?

— Мне повстречался какой-то случайный грибник? — Санайя ухватила за то, что интересовало ее больше всего.

Ведунья пренебрежительно фыркнула.

— В Священном Лесу Веды* случайных людей не бывает, — поучительно начала она. — Вернее, они, конечно, могут зайти. Все же, прошли те времена, когда к божествам и их вотчинам относились с должным почтением. Но, как зайдут, так и выйдут. Тому пример: иер Пинешту. Знаю я историю приобретения им замка, за долги у одного старого обнищавшего семейства вытряс. Ну да не принесет ему счастья это приобретение, это я как ведунья говорю. Собственно, его план уже не сработал. Не получил он в свои загребущие лапки Оракула.

— Кого, простите?

Это что же, Оргар Пинешту затеял все это, чтобы прибрать к рукам какого-то Оракула?

— Оракула, — охотно повторила метресса Ликина. — Раньше так называли Видящих. В вас, дорогая иерина дин Тиаграсса, просыпается дар Видящей. Было бы интересно уточнить, откуда именно привез вас отец. Есть у меня подозрения. И, если это так, то дар будет сильным. Очень сильным! Мы берем вас!

Санайя потерла пальцами виски.

— Ничего не понимаю, — скорее, сама себе пожаловалась она. Не то, чтобы ответы вызывали новые вопросы, они просто увеличивали сумбур в и без того пухнувшей от непонятных событий голове. — Оракул, видящая, дар. И что значит: вы меня берете?

— Как, разве не для поступления вы сюда пришли? — ведунья приподняла брови, изображая удивление.

— Это было бы идеальным решением, — в разговор вмешалась молчавшая до этого Дениз.

— Стойте-стойте-стойте! — хватит с Санайи скромности. Похоже, эта самая скромность ни к чему хорошему не приведет. Опять все хотят решить за нее. — Я, — она голосом выделила слово, — пришла не для поступления. Я разобраться хочу! А уж потом решить, как действовать дальше. Что все это значит?

— А то и значит, — метресса удовлетворенно кивнула кустику иурдени, над которым до сих пор хлопотала, и заняла место за массивным столом, обозначая, что предварительный разговор

закончился, и пора заняться делом. — Кратко обрисую вашу ситуацию так, как ее понимаю я. Если ваш отец, иерина дин Тиаграсса, ни ведовскими, ни магическими талантами не отмечен, значит, ведунья — ваша мать. И не просто ведунья, а имеет — или имела — редкий среди нашей сестры дар видящей. Слышала я, что есть в океане острова, где живут люди с весьма специфическими видами дара. Почему позволила отцу увезти вас? Уж точно не за деньги. Может, на тот момент ее уже не было в живых, а может, все тот же дар подсказал, что нужно сделать именно так, сложно сейчас сказать. Скорее всего, последнее. Почему я так решила? А как еще объяснить блокировку дара? А ваш дар был именно заблокирован до поры до времени. И обряд в Священном Лесу эту блокировку снял. Вернее, ее часть. Вы теперь одна из нас, иерина.

— Подождите-подождите. Какой обряд? Не было никакого обряда.

— Но как же, вы сами сказали, что приняли мужа, — обыденно, совсем не считаясь с нежными чувствами Санайи, сообщила ведунья. — Вы ведь не просто резвились с ним на поляне, а были близки? Я имею в виду, как мужчина и женщина?

Как же стыдно вести такие разговоры. Ну провела ночь с мужчиной, и провела. Это только ее ошибка.

— Это было помутнение разума. Мне неприятно вспоминать об этом эпизоде. Давайте его забудем.

— Э, нет, — ведунья подняла вверх указательный палец и поводила им из стороны в сторону. — Забыть обряд инициации у вас не получится. Мало того, до осени и начала обучения его нужно завершить. Ваш браслет показывает, что обряд не закончен.

— Я брежу, да? — Санайя перевела жалобный взгляд с метрессы на Дениз.

— Отнюдь, — хозяйка кабинета была серьезна. — Как я уже говорила, в Священном Лесу случайных людей не бывает, и уж, тем более, случайных встреч. Если наша Мать Веда свела вас, значит, это ей нужно.

— А мне? — Санайя, устав быть вежливой, подскочила с кресла, подбежала к столу, оперлась об него кулаками и, глядя в глаза метрессы, почти прокричала: — Кто-нибудь хоть раз спросил, что же нужно мне? Учеба, Пинешту? Неизвестный хмырь, который позабавился со мной ночью и, сообщив, что ему было приятно

провести время, просто исчез? И после всего этого я должна отыскать неизвестно кого неизвестно где и предложить еще немного развлечения?! — очень хотелось вцепиться ведьме — а кто же она еще — в волосы, но бедняжка ограничилась тем, что смяла бумажки, опрометчиво попавшиеся ей под руку. Заплакать? Еще чего! Отныне пусть плачут те, кто попадет ей под горячую руку. Особенно, один любитель развлечений в священных ведовских лесах.

— Какая сильная кровь, — восхищенно произнесла метресса Ликинна.

Вроде бы не сказала ничего успокаивающего, но запал как-то разом спал. Санайя посмотрела на пострадавшие документы, вернула их на стол, разгладила, как смогла, и вернулась в кресло, которое занимала прежде.

— Извините. Я готова слушать дальше, — почти спокойно проговорила она.

— Подведем итоги, — ровно, как на каком-нибудь скучном заседании, сообщила ведунья. — Дар у вас, иерина, есть, и дар сильный. Значит, нужно учиться. Это не моя прихоть, иначе дар вас сожжет. А сошедшие с ума ведуньи, это не тот контингент, с которым мне хотелось бы встречаться. Итак, осенью вы приходите в училище, чтобы овладеть даром. Здесь вопросы есть?

Санайя отрицательно покачала головой. А что здесь возразить? О сошедших с ума магах и особенно, страшных ведьмах ходили нехорошие легенды. Стать героиней одной из них совсем не хотелось.

— Здесь вопросов нет, — кивнула метресса. — Дальше. До начала занятий вы вольны заниматься, чем угодно. Вернуться к отцу, искать неизвестного хмыря, чтобы... высказать ему, какой он подлец. Это возможно. Я имею в виду — найти его. Ведь ваш браслет — это не просто рисунок на запястье. У мужчины должен появиться такой же и, предупреждаю вас сразу, браслеты будут притягиваться один к другому. Как вы уж поведете себя при встрече, учить не буду, это только ваше дело. Скажу лишь, что пока связь не завершена, ваш дар полностью не раскрылся.

— К отцу я не вернусь! — неизвестно для кого заявила Санайя.

— Я это подозревала, — как ни в чем ни бывало, заявила ведунья. — А потому немного помогу вам. Деньги нужны?

— Я не возьму! — возмутилась будущая адептка.

— А я и не предлагаю. Могу поспособствовать найти временную работу. Пригляд, опять же будет. У тебя есть какое-нибудь образование? — после того, как объявила, что принимает девушку на учебу, хозяйка кабинета перешла на ты.

— Окончила бухгалтерские курсы, — отчего-то смутилась Санайя.

— Бухгалтерские курсы. Что ж, лучше, чем ничего. Ладно! Есть у меня кое-какие предположения. Проверю-ка я их, — метресса задумчиво постучала пальцами по губам. — И тебя нужно бы пристроить к делу, — указующая длань уперлась в притихшую Дениз. — В общем, так, я переговорю кое с кем и завтра сообщу вам результат. Думаю, вас возьмут. — Урок первый, — она довольно улыбнулась Санайе, — лучший должник не тот, кто должен тебе деньги и отдаст их с процентами, а тот, кто должен тебе дело. Навещу-ка я одного старого знакомца. Завтра с утра придете ко мне за распоряжениями!

Сейчас никто бы ни на мгновение не засомневался, что хозяйка кабинета — самая настоящая ведунья, даже можно сказать — ведьма. Не хотелось бы иметь перед такой незакрытый должок.

Метресса Ликинна взяла в руки измятую Санайей бумагу и принялась внимательно ее изучать, давая посетительницам понять, что прием окончен.

Когда подружки выходили из здания, вахтер даже не повернул к ним головы. Он демонстративно уткнулся в газету, попивая чай из огромной пузатой чашки.

— Как все замечательно решилось, я и не рассчитывала на такой исход! — Дениз довольно потерла руки.

Хотелось закричать, что Санайя тоже не рассчитывала, и не считает этот исход удачным. Ведь, если бы все пошло по плану, сейчас она была бы с Ричем. Стало даже немного стыдно. Риченд. Из-за нахлынувших проблем она почти не вспоминала его.

— Денни, ты считаешь замечательным, что моя жизнь разрушена вдребезги? Все, о чем я мечтала, рассыпалось в прах? То ценное, что у меня было, что береглось для любимого, забрал какой-то хмырь, после чего, практически обозвав меня шлюхой, исчез? Я осталась ни с чем. Это ты называешь замечательным?

— Санни, Санни, только не кричи, — магичка осмотрела пустынный двор училища, куда они вышли, — не нужно посвящать в твои проблемы лишние уши. Пойдем ко мне в комнату и все обсудим. Ты, если захочешь, расскажешь, как несчастна и поплачешь на моем плече, а потом я расскажу тебе, почему считаю, что твое положение лучше, чем кажется на первый взгляд.

Санайя хмуро глянула на подругу и непроизвольно улыбнулась.

— Не буду я больше плакать, давай сразу начнем с твоего рассказа. Только, можно мы пойдем не в твою комнату, а в этот чудесный парк. В этих каменных дебрях я задыхаюсь.

— Хорошо, — покорно согласилась Дениз и повернула в сторону совершенно пустынного по причине каникул парка при училище.

Подруги устроились в уютной беседке, причем Санайя села так, чтобы касаться головой густых ветвей дикого винограда, густо оплетающего их убежище.

— Ну что, начинаем вскрывать положительные стороны твоей ситуации? — бодро начала магичка.

— Давай, — глаза прикрылись сами собой. Как же она устала. А ведь совсем ничего не делала, даже много не ходила.

— Первое, и самое главное: ты избавилась от противного Пинешту. Это плюс?

— Плюс, — не согласиться с этим утверждением было бы глупо.

— Второе. Только ты не набрасывайся на меня сразу с кулаками, ладно? — полушутливо попросила Дениз.

— Денни, разве я раньше когда-нибудь набрасывалась на тебя с кулаками?

— Раньше — нет, — признала магичка. — Но раньше ты и ведьмой не была.

— Я и сейчас не ведьма!

— Не ведьма так ведунья. Кто ж вас разберет, когда ведунья превращается в ведьму, — Дениз осторожно взяла судорожно сжатые руки подруги и стала медленно расправлять пальцы. Неужели, и правда испугалась, что на нее набросятся с кулаками?

— Так что там про второй положительный момент? Или они уже закончились? — вернулась Санайя к разговору.

— Ах да, второе. Но помни, ты обещала выслушать, принять и не обижаться.

Принять и не обижаться Санайя не обещала. Ну да ладно. Выслушать-то можно.

— Этот эд'Рочестер, — осторожно начала магичка, не выпуская из своих рук ладони подруги. — Ну не нравится он мне! Не знаю почему, но не нравится. Да, я предвижу, что ты хочешь сказать, — остановила она восторженную Санайю, — он и не должен мне нравиться, главное, чтобы нравился тебе. Но и метресса Ликинна подтвердила: Священный Лес и богиня Веда не ошибаются.

— Ты тоже считаешь, что все, чего я достойна — это случайная связь и клеймо шлюхи? — как же щиплет глаза. Самая пора вспомнить, что обещала не плакать.

— Нет, что ты! — Дениз завернула рукав платья новоявленной ведуньи и осторожно провела пальцами по нагло расположившемуся там браслету. — Это никак нельзя назвать клеймом, тем более, клеймом шлюхи.

Как много можно возразить на эти слова. Но зачем? Получится, что она опять жалуется, а подруга вынуждена успокаивать. Санайя сама не любила плаксивых барышень, и оказаться в их рядах не желала. И потом, как она не подумала сразу. Это же... это же очевидно. Потеря девственности в их просвещенное время не являлась чем-то критическим. К тому же, сам Рич не вел до их встречи целомудренный образ жизни. Широкая улыбка растянула губы.

— Санни, — настороженно подала голос магичка, — признавайся, что пришло тебе в голову? Что-то мне не нравится твоя улыбка.

— Ничего плохого. Я подумала, что Рич обязательно найдет меня. Найдет и поймет. И теперь уже никто не будет чинить нам препятствий, и все у нас наладится. Ты права, Денни, все к лучшему! Пойдем, я должна отправить ему письмо. И как раньше это не пришло в голову? Не иначе, сказалось помутнение от действия отваров той ведьмы, что собирала меня перед визитом в Лес. Идем же скорее! Пока Пинешту не опомнился и не решил, что пара-другая лишних контрактов — достойное возмещение невинности невесты.

— Так, стоп! — Дениз ухватила подскочившую подругу за руку и резко затормозила. — Давай договоримся. Я не мешаю тебе налаживать контакты с твоим дорогим Ричем, а ты продолжаешь следовать плану, предложенному метрессой Ликинной. Тебе нужно учиться, Санни! Иначе. Сама слышала, что случится иначе.

— А вновь заблокировать?.. — под грозным взглядом Санайя смолкла, не закончив мысль. Да и что там заканчивать, Дениз поняла ее и не одобрила. Ну и ладно, метресса Ликинна не одна ведунья в Тиирре. — Ладно, нет, так нет, — быстро пошла она на попятную. Если ненужный дар удастся заблокировать, то и вопрос с учебой отпадет сам собой. Метрессе Ликинна — не одна ведунья в Тиирре.

— И это еще не все! — вот же приставучая, если что-то задумала, ничто ее с мысли не собьет. — Завтра мы пойдем к метрессе и примем то предложение работы, которое она нам подберет.

— Но зачем? На первое время деньги у нас есть, а потом Рич меня найдет. Его жене не пристало работать! Или... ой, прости, прости, прости! Тебе нужна эта работа, да?

— Санни, — голос подруги был строг и серьезен, — ведуньи такого уровня, как метресса Ликинна, ничего не предлагают просто так. Знаешь, все на уровне слухов, конечно, но говорят, что она — видящая!

— И что?

— И она могла увидеть, что нам с тобой нужна эта работа. Может, это для меня важно? А вдруг, там и мое счастье где-нибудь завалилось? — говоря так, Дениз немного лукавила. Ведь именно после того, как подержала Санайю за руку и рассмотрела ее браслет, ведунья так оживилась.

Воспротивиться счастью той, которая сделала для нее так много и продолжает делать? На это Санайя пойти никак не могла. Ладно, что ей стоит сходить несколько раз в какую-нибудь контору и немного позаниматься тем, чему когда-то обучалась — бухгалтерией. Вдруг, и правда, подругу там ожидает судьба.

— Да, конечно, прости. Как я эгоистична. Конечно, пойдем завтра к метрессе. Только мне нужно будет пополнить гардероб.

— Это другое дело! — оживилась Дениз.

До обеда подруги ходили по лавкам и покупали необходимую одежду. Только самое необходимое на первое время, но каждая девушка знает, сколь много необходимых вещей — от платьев, жакетов и туфель до расчески, зубной щетки, нижнего белья, лент и брошей — должно обязательно быть всегда под рукой. Деньги, выданные Эмильеной, пришлись весьма кстати.

Весь остаток дня после обеда окрыленная надеждой Санайя составляла письмо Риченду. Она перевела горы писчей бумаги и, по утверждению Дениз, несколько мотков ее нервов. В итоге к фиеру эд'Рочестеру отправилось краткое послание, в котором сообщалось, что его ожидают в столице по такому-то адресу. Вечером, отправляясь на ужин, подруги сдали письмо. Оставалось только ждать. Вряд ли ожидание затянется, а потому, чтобы не расстраивать верную наперсницу, можно заняться ее трудоустройством.

Проспать ранний визит в училище, как эгоистично надеялась Санайя, не получилось. Противный звук магической побудки разбудил их, едва рассвело.

— Денни, ты с ума сошла? Зачем так рано?

— Сказано — с утра, значит — с утра, — отрезала магичка, жестоко стягивая с подруги одеяло. — Ты обещала!

Обещания нужно выполнять, даже если они были даны под давлением. Пришлось окончательно разгонять остатки сна и выбираться из постели. Не ее домашняя кроватка, конечно, но таким ранним утром почти все постели уютны и желанны.

Девушки оделись, позавтракали в кафе неподалеку и отправились в училище. Иер Инчик, который вчера так рьяно защищал вход в здание, сегодня даже не глянул в их сторону. А ведь была, была на него надежда. Жаль, похоже, гоблин получил четкие указания от метрессы Ликинны. Ладно, придется сегодня поддаться на уговоры Дениз и походить с ней. Посмотреть, где устроят подругу, может даже чем-то помочь. Все равно Рич сможет приехать, в лучшем случае, через три-четыре дня. Пока получит письмо, пока соберется. А вдруг, бросит все дела, и примчится уже завтра? Хорошо бы.

Заходя в кабинет метрессы, Санайя улыбалась.

— Девочки, — ведунья подняла голову от бумаг, — уже пришли?

— Как и было сказано, с утра, — почтительно ответила Дениз.

— Вот и хорошо. Переговорила я по вашему делу. Пристроят вас обеих до начала учебы в Главное Магическое Управление Правопорядка.

— В то самое? — севшим от волнения голосом переспросила Дениз.

— Насколько я знаю, в Большом Иуренге, да и вообще Тиирре одно управление с таким названием. Вчера я переговорила с их начальником, и он согласился вас взять, — метресса нехорошо усмехнулась. Похоже, то согласие бедному начальнику Управления далось ох как непросто. — И при деле будете, и хорошим людям поможете. Хотя бы бумаги разобрать.

— Бумаги, — разочарованно протянула Дениз.

— А ты что думала? Пойдешь крошить преступность направо и налево?

Судя по виду магички, так она и думала. Тем не менее, ответила она совсем другое:

— Мы согласны, согласны! Когда приступать?

— Вас там ждут к одиннадцати.

Дениз рассыпалась в благодарностях и направилась к выходу.

— Санайя, задержись.

Пришлось остаться. Вдруг метресса решила помочь со снятием браслета? Было бы как нельзя, кстати.

— Знаю, девочка, тебе сейчас очень тяжело, — начала хозяйка кабинета. — И я совсем не про личные переживания! Я про то, что обряд не завершен. — Она подошла к Санни, оголила злосчастный браслет и озвучила очевидное: — Веточки. Почти голые веточки. А в идеале на брачном браслете должны распуститься листья и бутоны. При рождении детей бутоны будут раскрываться. Но у вас не все потеряно! Видишь почки? Когда обряд будет завершен, из них появятся листья и цветы. Подобные браслеты изменяются в течение всей жизни.

— А... если этот браслет как-нибудь свести? Убрать? Метресса Ликинна, я не хочу иметь ничего общего с тем грубияном!

— Хочешь поспорить с судьбой, девочка? Мало того, с самой богиней Ведой? — ведунья не пугала, просто предупреждала. Отчего же по спине побежали крупные холодные мурашки, как будто сама загадочная богиня Веда глянула на мгновение из вмиг потемневших зеленых глаз.

— Я не знаю такой богини!

Сколько можно. Ведь Санайя обещала себе, что больше никто не будет распоряжаться ее будущим. Даже старые замшелые боги.

— Главное, что она тебя знает. И простерла над тобой длань своей милости. И помни: еще никому не удавалось перешагнуть через то, что уготовано судьбой. Ошибки и победы. Находки и разочарования. Вижу, ты стойко перенесешь все, что тебе приготовлено. Ну да ладно, это еще все в будущем, — старшая ведунья подняла руку, как будто хотела погладить младшую по голове, но, словно спохватившись, опустила и продолжила говорить. — Пока же должна рассказать, что есть в настоящем. Ритуал не завершен, именно поэтому ты испытываешь голод. Голод силы. Твоя ведовская суть разбужена, а каналы приема и проводки силы не настроены. Потому и желтеют растения от твоего прикосновения. Ты непроизвольно забираешь силу у них. А должна, как и все ведуньи, напрямую у природы. Оттого тебе и плохо вдали от растений, это и есть голод силы. Потому я и настаиваю, что обряд должен быть завершен. Ты должна прийти в гармонию с собой и матерью нашей — Природой.

Как у ведуний все просто! Божество пожелало — следуй его желаниям, и будет счастье! Ну, если не тебе, то божеству точно. Сколько едких слов вертится на языке. Но грубить старшей, тем более, ведьме? Такое даже Дениз себе не позволяла. Проще кивнуть и сделать по-своему. Обряд не завершен? Прекрасно. Значит, можно его повернуть вспять, а потом по новой провести, но уже с тем, кто любит ее. Пока же стоит поблагодарить метрессу за хлопоты и разъяснения и попрощаться с ней. У Санайи своя жизнь. И она у нее только одна.

— Если будет совсем трудно, приходи, — мягко сказала хозяйка кабинета на прощание.

— Да, конечно, — это обещание дать несложно.

— Ну что? — за дверью нетерпеливо меряла шагами коридор Дениз.

— Сказала, что, если будет трудно, я могу к ней приходиться, — непринужденно отмахнулась Санайя.

— Это у декана ведуний не отнять. Хоть и строгая сверх всякой меры, но за своих девчонок стоит горой, — отозвалась магичка, быстро ведя подругу на выход. — А теперь вперед, в Управление! Подвиги уже ждут нас!

— Денни, какие подвиги? Нам сказали, что поможем с бумагами, и все. Я счетовод, а не герой!

— Санни, как ты не поймешь. Работать в Главном Магическом Управлении Правопорядка мечтает каждый выпускник нашего училища! Это же, это же... как твоему папе отдали бы самые выгодные госконтракты и освободили от налогов, понимаешь?

— Так не бывает, — Санайя улыбнулась сравнению.

— А я о чем говорю! Мы с тобой поймали птицу Удачу! Нет, теперь уж ты ни за что не увернешься от счастья, это обещаю тебе я — Дениз эд'Григ дин Тора! Главное, туда попасть, а уж подвиги и слава от нас никуда не денутся!

И как спорить с такой подругой? Похоже, это действительно ее шанс. Санайя не имеет права лишать его Дениз. Что ж, придется немного там поработать. Рич поймет. Должен понять.

Пойманный таксомобиль уверенно вез друг к новой работе, славе и счастью.

ГЛАВА 5

Без четверти одиннадцать девушки уже стояли перед основным входом в Главное Магическое Управление Правопорядка. Внутрь пропустили их ровно за пять минут до назначенного времени. Строгий молодой орк-охранник, на удивление не отпустив симпатичным посетительницам ни одного комплимента, лично проводил их в один из кабинетов первого этажа и, так и не сказав ни слова, удалился.

— Иерина Санайя дин Тиаграсса, бухгалтерские курсы, фиерина Дениз эд'Риг дин Тора, третий курс Училища боевой и прикладной магии. К нам на стажировку, так? — серьезная и чопорная, как сухарь, худая женщина неопределенного — от тридцати до пятидесяти лет — возраста критически оглядела вошедших. — По распоряжению свыше, — она хмыкнула. — И где бы вы хотели приложить свои знания и умения, юные дарования? — в словах дамы прозвучала явная ирония.

— А что, мы можем выбирать? — глаза Дениз зажглись маниакальным огнем.

Умела бы властительница кабинета шутить, обязательно сказала что-нибудь едкое, но, рожденный сухарем и начальником отдела кадров шутить не умеет, поэтому дама строго ответила:

— Нет, не можете, это я сама с собой разговариваю.

Дениз шутить умела и любила, но сейчас промолчала. Все же, не в том она положении, чтобы шутить, а то ведь мечта может и помахать ручкой. Что же касается Санайи, ей очень хотелось, чтобы строгая дама сообщила, что в столь серьезном заведении нет места для неумехи, окончившей жалкие бухгалтерские курсы.

— Пр-р, пр-р, пр-р, — так и не представившаяся дама зафыркала наподобие лошади, — что же с вами делать?

Как будто в ее компетенции было распределение кадров в столь серьезной конторе. Любят некоторые люди придать себе значительности на пустом месте.

— Кто из вас счетовод? — отвлекшись от вороха бумаг, спросила она.

— Я, — кажется, надежды Санайи, что работы для нее здесь не найдется, развеялись как дым.

— Поступаете в распоряжение коменданта иера Трунича. У них как раз идет инвентаризация, поможете. Вот, — новой работнице были протянуты несколько исписанных листов. — Договор о найме и магическая подписка о неразглашении. Надеюсь, вы понимаете, где будете работать? — холодные глаза-буравчики строго глянули из-под круглых очков.

— Да, конечно.

Что уж тут не понять, ни один шпион не должен прознать, сколько в Управлении имеется стульев, шкафов и графинов для воды. Санайя принялась тщательно изучать документы. В них уже были вписаны ее имя, фамилия и должность. Надо же, а дама жаловалась, что не знает, куда же их пристроить. Ну-ну.

Стандартный договор найма был подписан сразу после прочтения, договор о неразглашении отложен. В дочери торговца было крепко вбито знание: не подписывай не только полностью непрочитанные документы, но и те бумаги, смысл которых до конца непонятен. В таких случаях нужно посоветоваться со знающим специалистом. В качестве такого придется привлечь Дениз. Уж кому разбираться в магических договорах, как не магу.

— Что такое? — дама попыталась изобразить непонимание и обиду.

Мелькнула мысль отказаться подписывать это нагромождение непонятных заклинаний, но Дениз... она так редко просила что-то для себя. А тут же видно, человек получил то, о чем мечтал всю жизнь.

— По поводу подписания этого договора я хочу посоветоваться с моим консультантом, — спокойно ответила Санайя.

Еще немного, и очки хозяйки кабинета самостоятельно уползли бы на лоб. А она что, думала, только одна может здесь умничать?

Дениз приняла игру и, важно кивнув, взяла протянутые бумаги.

— У нас это не принято, — пыталась воспрепятствовать дама.

— Не принято согласно какого параграфа? — вкрадчиво поинтересовалась магичка, вступив в игру.

Похоже, параграфа, запрещающего проверять договор найма и неразглашения знающим консультантом, не было, или же дама его не знала, потому как она горделиво промолчала. Пока Дениз читала, в

кабинете воцарилась тишина, изредка прерываемая недовольным шелестом перелистываемых его хозяйкой бумаг.

— Подписывай, все стандартно, — успокоила подруга.

Не доверять суждениям Дениз причин не было, Санайя подписала свой комплект бумаг и протянула его даме.

— Сейчас вас проведут на рабочие места, — строго начала вещать представительница нанимающей конторы. — Это ваши пропуска, — она протянула две небольшие бляхи, — каждой в свой отдел. Бесцельно по коридорам и кабинетам не шастать, это вам не ярмарка. Как временным стажерам, обмундирование вам не положено, но это не значит, что вы можете являться в серьезное учреждение в легкомысленных одежках, — и с чего она так решила? Одежда на обеих подругах была достаточно скромна и вполне подходила случаю. — Рабочий день не нормирован, отпуск и подъемные, как временным стажерам, вам не положены. В чужие дела нос не совать, романов на рабочем месте не заводить! На службу являться вовремя. О любых задержках и отсутствии на рабочем месте вы должны предупредить непосредственного начальника или меня. Вопросы есть?

— Как к вам обращаться? — решила выяснить Дениз то, что полагалось бы сделать при знакомстве.

— Можете обращаться ко мне иерина Ляля, — иерина Ляля строго впила взглядом в девушек, желая удостовериться, уж не желают ли они посмеяться над ее именем. Смешков от подруг не последовало. — Можете отправляться на рабочие места, — она нажала на кнопку под столешницей, и вскоре в кабинете появился тот же охранник. — Эту, — последовал кивок в сторону Санайи, — к иеру Труничу, — эту, — теперь кивка удостоилась Дениз, — к курьерам.

Как, их определили в разные службы? Санайя, пока читала свой договор, прослушала, что иерина Ляля говорила подруге. Но что-то менять и, тем более, возмущаться, было уже поздно. Документы оформлены, да и дверь за ними уже закрылась.

— Будете служить у нас? — охранник все же начал разговор. — Как насчет совместного обеда? Меня сменяют через три часа.

— Иер Тирох, вы опять за свое?! — иерина Ляля выглянул из своего кабинета.

— Обед — нерабочее время, — отрезал орк. — Кто-то же должен показать новеньким, что здесь и как.

Дверь кабинета шумно захлопнулась.

— Обижается, что ее никто не приглашает, — пояснил новый знакомый.

— Спасибо вам, иер Тирох, но мы как-нибудь сами, — Дениз изобразила одну из своих самых очаровательных улыбок.

— Как скажете, я всегда готов помочь.

— Мы учтем, — улыбка так же быстро исчезла с губ магички, как и появилась. — Так вы проводите нас к месту службы?

Первую к «месту службы» довели Санайю. Кабинет коменданта Управления находился на том же этаже. Подруги договорились встретиться к обеду возле главного входа и расстались.

— Значит, на стажировку к нам? — иер Трунич — въедливый пожилой гном долго и внимательно читал протянутые ему бумаги. — И что мне с тобой делать, стажер?

Санайя неопределенно пожала плечами. Такого энтузиазма, как Дениз, она не испытывала. Не найдут ей применения? Нисколько не расстроится.

— Писать умеешь?

Хочет обидеть? Похоже, гонор — преобладающая черта здешних работников. По крайней мере, тех, которые непосредственно не связаны с выполнением основных функций сего серьезного заведения.

— И писать, и считать, — спокойно ответила Санайя.

Фыркнул. Видимо, достойно оценил ответ.

— А красиво писать?

Пришлось взять лист бумаги и вывести на нем каллиграфическим почерком: «Санайя дин Тиаграсса обучена чтению, письму и счету».

— Тэк-тэк-тэк, — иер Трунич очень внимательно изучил написанное. — Это хорошо. Будешь писать! Нам переписчики нужны, а то накалякают, не разберешь потом, что же там такое описано: стол, стул или вещдок какой. Твое рабочее место будет здесь! — он указал на небольшой стол в углу у окна, что находилось ближе к входной двери.

Писать, значит писать. Спасибо, что за преступниками гоняться не отправили, как некоторые размечтались совсем недавно.

Санайе выдали пухлую брошюру по правилам поведения в столь серьезном учреждении и велели ознакомиться, чем она и занималась

до обеда. Все то же самое, о чем предупредила иерина Ляля, только написанное сухим канцелярским языком.

В тринадцать тридцать иер Трунич оповестил, что настало время перекусить. Он лично проводил новую сотрудницу до главного входа, не преминув поинтересоваться, почему именно сюда, и, удостоверившись, что ее и правда там ждала подруга, удалился по своим делам.

Серьезный вид Дениз испарился, как только они скрылись за поворотом.

— Санька, и-иии! — счастливая магичка была готова прыгать, как неразумный щенок. — Как же здорово! Я буду заниматься магкопированием документов и магпочтой! И это только начало, вот увидишь!

Как хорошо находиться в компании такой Дениз. Она восторженно расписывала перспективы своей работы на Управление и совсем не лезла в душу и не мешала мечтать о встрече с Ричем. Достаточно было улыбаться и кивать в нужных местах.

— Ну а ты? Чем занималась ты? — уже к концу обеда решила проявить интерес подруга.

Санайя подозрительно огляделась по сторонам и, наклонившись к уху Дениз, тихо шепнула:

— Читала брошюру о правилах поведения и соблюдении секретности!

— А, — отмахнулась магичка, — мы по секретности зачет на втором курсе сдавали, сегодня мне поставили галочку, что ознакомлена, и сразу приставили к делу.

— Денни, я рада за тебя, правда. И так хочу, чтобы у тебя все получилось, — Санайя накрыла пальцами ладонь подруги, лежащую на столе. На миг увидела ее на заросшем буйной чужеродной растительностью берегу в компании неизвестного мужчины. Тряхнула головой. Морок? Видение? Или просто показалось? — У тебя все получится, это я тебе как ведунья говорю!

На свои рабочие места они вернулись даже раньше обозначенного времени, так кое-кому не терпелось поработать в ознаменование будущих подвигов.

К счастью, комендант уже находился на рабочем месте. Пусть Саная получила право находиться здесь, но не хотелось бы ожидать его под дверью кабинета, ведь ключа у нее не было. Попросить? А зачем? Все равно, надолго она здесь не задержится.

— Вернулась? — озвучил иер Трунич очевидное. — Сейчас перепиши вот сюда все, что запомнила из прочитанного, — он протянул новой сотруднице стопку чистых листов. Похоже, гном совсем не знает, чем занять помощницу.

Кто бы возражал. Саная взяла листы и принялась записывать в нее положения из брошюры. На память она никогда не жаловалась, а потому, к обоюдному удовлетворению обоих, занятия ей хватило надолго.

Тишину, установившуюся в кабинете, нарушал лишь шорох бумаг. Потому с треском открывшаяся дверь заставила дружно вздрогнуть.

— Иер Трунич! — начал возмущаться с порога вошедший. — Да когда же это скопидомство закончится?! В заказ-наряде, кстати, подписанным самим эд'Бюроном, четко написано: выдать нашему подразделению десять артефактов рассеивания внимания! Так почему же выдали только семь?

— Фиер эд'Пинкрон, ну что вы так вскипятились? — комендант внимательно изучил бумаги, которые швырнули ему на стол. — Выдали семь, так и отметили, что семь. Никакого нарушения отчетности.

— А запрошено десять! — фиер гневно нависал над столом невозмутимого гнома. — Десять!

— Ну нам ли с вами не знать: запросили, как всегда больше, а начальник и подписал. А сколько нужно-то было? Пять, ведь так? — вкрадчиво поинтересовался скряга. Да, похоже, гномы, они везде гномы, даже в таком серьезном учреждении. — Но, если вы так настаиваете, кто я такой, чтобы спорить. И не надо мне тут подпаливать документы, как в прошлый раз! — иер Трунич взял самописку и, что-то чиркнув в бумагах, вернул их разгневанному посетителю. — Вон и помощницу мою напугал, — он кивнул на замершую в своем уголке девушку.

Напугал? Не то слово. Саная была в шоке. Даже если бы, «как в прошлый раз», загорелись документы, она поразилась бы меньше. Вошедший мужчина, названный фиером эд'Пинкрон, был тем

самым негодяем, что обесчестил ее в Священном Лесу и, необоснованно заклеив падшей женщиной, преспокойно скрылся.

Кордес эд'Пинкрон удовлетворенно забрал бумаги и развернулся. Их глаза встретились. Мужчина судорожно сглотнул. Дернулся свободной рукой к самому дорогому, как будто желал что-то там защитить или поправить. Удержался в последний момент. Подошел к ее столу.

— Что ты здесь делаешь, ведьма? Преследуешь меня? У тебя ничего не выйдет! Н-ненавижу ведьм! — он схватил исписанные Санайей бумаги, измял и, бросив на пол, выскочил из кабинета.

— И чего наши документы портить, мог бы свои измять и бросить, — проворчал практичный гном. — Что ты, девонька, так замерла? Испугалась? Не бойся, ничего бы он тебе не сделал. Фиер Кордес лишь на вид буйный. На самом деле он хороший специалист. На вот, попей водички, — комендант выбрался из-за своего массивного стола, налил в стакан воды из графина и протянул девушке. — Эх ты сомлела. У нас с такой тонкой душевной организацией нельзя никак. Сама видишь, всякое бывает. Хоть и определили тебя к бумагам. Работа в управлении, она, знаешь ли, обязывает, — он важно поднял к потолку указательный палец.

Санайя осушила протянутый ей стакан. Слова иера Трунича воспринимались посторонним ничего не значащим шумом. Как могло такое случиться, что единственный человек, которого она не желала видеть и не хотела ничего о нем больше знать, встреченный почти на другом конце страны, вновь оказался на ее пути? И это в многомиллионном городе. Совпадение? Судьба, как говорила метресса Ликинна? Но этого не может быть, потому что не может быть никогда. И тем не менее, они вновь столкнулись, и этот хам опять нагрубил. Ведьм он ненавидит. Так зачем его носило в Священном Лесу? Да еще в самую короткую ночь? Вот была бы она настоящей ведьмой, такого бы ему наколдовала! Ничего, он еще пожалеет! Санайя пока не знает, что ему сделает, но то, что негодяй Кордес эд'Пинкрон — вот она и узнала его имя — пожалеет о своих словах, уверена.

— Извините, — обратилась она к хлопотавшему гному. — Не ожидала встретить в столь серьезном заведении такого грубияна.

— Маги, что с них взять, — иер Трунич извиняюще пожал могучими плечами и поинтересовался: — Все в порядке?

— Да-да. Даже отъявленные хамы не смогут вывести меня из себя надолго.

Лукавила? А что делать. На самом деле сердечко отчаянно билось в груди, как пойманная дикая птичка, и все не желало успокоиться. Но кому какое дело до ее переживаний. Нужно продержаться всего несколько дней, до приезда Риченда. Вряд ли фиер эд'Пинкрон навевается в кабинет коменданта часто. Похоже, это разовая акция.

На этом Санайя успокоилась. Тем более, ей дали для переписывания уже не просто брошюру, а важную инвентарную опись, здесь нужно быть особо внимательной, ошибок быть не должно.

К счастью, до конца рабочего дня было все тихо и спокойно. Она даже по нужде не отлучалась, а то мало ли кто ходит в тех коридорах. Похвала за проделанную работу была заслуженной и приятной.

— На сегодня все, иди домой, — отпустил ее начальник. — Завтра без опозданий, пойдем на инвентаризацию!

Наконец-то. Она уже думала, что этот день никогда не закончится. Все же, та неожиданная встреча расстроила сильнее, чем того хотелось бы. Затекла спина, устали пальцы рук, а еще разболелась голова, и ломило все тело. Или это с непривычки? Но работают же люди. По многу часов в день. Каждый день. Ничего, и она справится. Есть вечер и ночь для отдыха.

Встретившаяся на выходе Дениз очень напоминала восторженного щенка. Как не улыбнуться при виде ее. Подруга взахлеб рассказывала, какие классные у нее сослуживцы, какие перспективы перед ней открываются, и вообще, как же хорошо устроен весь мир. Ее счастье оказалось заразительным. Санайе даже удалось изобразить почти искреннюю улыбку.

— А как дела у тебя? Санни, как прошел твой рабочий день? Что-то ты выглядишь уставшей. Пойдем в кондитерскую и хорошо отметим такое важное событие?

— Пойдем, — от пары хороших пирожных Санайя никогда не отказывалась. — Только давай немного пройдемся в том парке, хорошо?

— Конечно, хорошо! — и Дениз, ухватив подругу за руку, потащила ее в парк.

Стоило ступить под сень деревьев, как дышать стало легче. Раздражало одно: по вечерней поре не только они решили здесь прогуляться. И теперь уже Санайя тащила магичку вглубь скопления деревьев. Легко ли найти безлюдное местечко летним вечером в столичном парке? Практически невозможно. Но покинуть вымощенные аллеи и пройтись по траве никто же не запрещает. И дотронуться до дерева тоже. И прижаться к нему.

— Санни, Санни, хватит. Листья. Они опять желтеют. Если уж тебе так нужно, переходи к другому, — отвлек встревоженный голос.

— Что? — Санайя открыла глаза и огляделась. И правда, листья дерева, к которому она непроизвольно прижалась, слегка пожелтели. Зато прекратился шум в голове, и ушла ломота из тела. — Это я. Это опять сделала я. Прости, — это уже было сказано пострадавшему дереву. — Я не хотела.

— Ты ничего не хочешь мне рассказать? — Дениз смотрела с испугом и тревогой.

И что рассказывать? Что, как сказала метресса Ликинна, голод силы будет продолжаться до тех пор, пока связь не закрепится основательно? Что тот, с кем нужно бы закрепить эту связь, опять встретился и опять нагрубил? Ненавидит он ведьм.

— Как же я его ненавижу, Денни.

— Кого, твоего начальника?

— Нет, что ты. Иер Трунич очень приятный в общении пожилой гном.

— Так, дай подумать, — Дениз взяла Санайю за плечи и стала внимательно всматриваться в лицо. — Это не милый Рич. Не он? Жаль, конечно. Пинешту? Понятно, про него почти забыла. И не твой отец, это однозначно. Остается тот самый хмырь, в память о котором тебе остался этот браслет. А ну отвечай, что случилось за то время, пока мы не виделись! Санька-а, — рот и глаза подруги изумленно распахнулись, — неужели, вы опять встретились? И что, вы опять, ну, то самое?..

— Что ты говоришь! В кабинете был еще иер Трунич!

— Значит, встретились, — удовлетворенная ходом расследования, Дениз кивнула. — И что? Что было потом?

— Сказал, что ненавидит ведьм и хлопнул дверью.

— А ты ожидала совсем другого, — почему-то в этом предложении больше слышалось утверждение, а не вопрос.

— Я вообще не ожидала встретить его в своей жизни! А если уж встретить, то услышать извинения!

— Так, с этим примерно разобрались, а теперь давай полную картину, — Дениз деловито взяла подругу за руку, оттащила ее от еще одного дерева, к которому та безотчетно прислонилась спиной, и перевела к другому, более крепкому на вид. — Не отнимай у меня время, не заставляй бежать к метрессе Ликинне и выспрашивать подробности у нее. Я человек занятой, знаешь ли. Ведь в прошлый ваш разговор она тебе не только предложила наведываться в гости, так?

— Она сказала, что обряд не завершен, и у меня не раскрылись какие-то каналы силы. Именно поэтому я тяну силу у деревьев. И до начала учебы этот вопрос нужно решить. Из тебя выйдет прекрасный следователь, Денни, — по лицу Санайи пробежала жалкая улыбка.

— Это да. Ты же знаешь, где я работаю, — самодовольно отозвалась подруга. — Но не уводи разговор в сторону. Так, переходим, — она оглядела крону приютившего их каштана и перевела ведунью к следующему. — Значит, обряд должен быть завершен до осени, так?

— До начала учебы. Но я ни за что и никогда!..

— Санни, а ты понимаешь, что случится осенью? Деревья впадут в спячку! Что ты будешь делать поздней осенью? Зимой? Совершать набеги на оранжереи?

— Скоро приедет Рич, и мы решим эту проблему.

— Рич, — и как у Дениз получается такое милое слово говорить с таким презрением, — ну конечно же, дорогой Рич. Что ж, подождем Рича. А пока, вижу, щечки твои порозовели, идем в кондитерскую? И ни слова о мужчинах! — она строго погрозила пальцем.

Кто бы возражал. За весь вечер о мужчинах и правда, не было сказано ни слова. Думали ли о них девушки? И, если думали, то о ком? Остается только догадываться.

Вечер прошел спокойно. Утром, не сговариваясь, подруги вышли на работу пораньше, чтобы не только позавтракать, но и сделать небольшой крюк и зайти в по-утреннему безлюдный парк и получить необходимый заряд бодрости.

В Управлении же иер Трунич сразу вовлек в рабочий процесс. Похоже, хозяйственный отдел, которым руководил наш рачительный гном, большей частью гномами и был укомплектован. Все логично, именно они считаются самой бережливой и ответственной в отношении хранения ценностей расой. Только вот с почерком у них не очень, а потому Санайя им очень даже пригодилась. Она и еще два молодых крепких сотрудника по заранее согласованному плану планомерно переходили из кабинета в кабинет и переписывали всю мебель и инвентарь, там хранящиеся.

Поначалу опасалась, что в каком-либо из кабинетов вновь встретит фиера эд'Пинкрона, даже дерзкую речь заготовила, планируя, чем ответить на его грубость. Но, как оказалось, заходили они в специально освобожденные помещения, в которых находился только один сотрудник, следивший, чтобы инвентаризационная бригада совала нос только в свои дела. А бригада и не совала. Дружно входили, дружно переписывали, иногда отчитывали безалаберных работников, если считали, что казенному имуществу был нанесен вред, скрупулезно фиксировали, какой, и шли дальше.

День прошел спокойно. Как и вечер. Не принес сюрпризов и следующий день.

Вечером Дениз задержалась на рабочем месте, нужно было срочно отправить пакет важных депеш по нескольким адресам. Договорились, что Санайя дождется ее в парке, где подруги гуляли каждый вечер, и начинающая ведунья заряжалась бодростью.

— Сана.

Так ее называл только один человек. Риченд. Он приехал. Красив, как всегда. Модный костюм-тройка — ультрамариновые брюки и пиджак, голубой жилет с белоснежным галстуком-бабочкой. Черные лакированные туфли. Тщательно уложенные волосы, тонкая темная полоска усов над губами. И это жарким летним вечером. Впрочем, что это она? Рич всегда был франтом.

— Рич! — Санайя птичкой слетела со ступеней Управления, чтобы замереть в объятиях любимого. — Рич, ты приехал!

Спину окатило неприятным холодом. Или показалось? Наверное, ведь ощущение чужого взгляда тут же пропало. Видимо, опять проблемы с голодом силы. Скорее бы уже с ними разобраться.

— Дорогая, я так волновался. Я не нашел тебя в лесу. Ты там встретила Пинешту? Я пытался поговорить с твоими родными, но они ничего не сказали. Ни что произошло, ни где ты сейчас. Говори, что же ты молчишь? — мужчина ухватил ее за плечи и едва не принялся трясти, чтобы выяснить правду.

Странно, Рич как будто гневается на нее. Что в нем изменилось? Это она обдумает потом, а сейчас нужно отвечать.

— Нет, я не встретила там иера дин Пинешту.

— Уф, — в выдохе Риченда слышалось неподдельное облегчение. — Я так за тебя переживал, любимая, — и он потянулся к губам.

— Рич, подожди, Рич, не здесь! — Санайе не хотелось целоваться с мужчиной, пусть и почти женихом, на виду у всего Управления. А вдруг тот неприязненный взгляд ей не показался? Вдруг, тот беспринципный фиер эд'Пинкрон подглядывает за ними? Хотя, казалось бы, какое ему дело, с кем она целуется?

— Хорошо, не здесь, значит, не здесь, — покладисто согласился эд'Рочестер. — Пойдем ко мне в гостиницу?

Еще каких-то два-три дня назад Санайя благосклонно приняла бы это предложение. Что же изменилось теперь? Она сама? Или Риченд? Что в нем не так? Почему сегодня его щегольской вид вызывает раздражение? А глаза. Глаза напоминают глаза иера Пинешту. Не цветом, нет. Они как будто взвешивают и дают оценку. Самой девушке, ее положению и всей ситуации в целом.

— Нет, проводить такой чудный вечер в четырех стенах кощунственно. Пойдем в парк! Тем более, я договорилась там встретиться с Дениз.

— И она здесь, — недовольно поджал губы эд'Рочестер. — Кто бы сомневался.

— Рич, Дениз мне очень помогла. Если бы не она, не знаю, что бы со мной сейчас было.

— Значит, в лесу все же что-то произошло, так? — голос Риченда становился все более холодным.

Первым порывом было сказать, что ничего не произошло. Можно было придумать вполне правдоподобную историю. Но зачем? Будет неправильно начинать семейную жизнь со лжи.

— Произошло. И я должна тебе это рассказать.

— Ладно. Парк, значит, парк, — мужчина кивнул и, механически предложив спутнице руку, направился к близлежащему парку.

В парке они, немного пройдя по главной аллее, свернули на боковую дорожку, но и там все скамеечки были заняты. Риченд остановился неподалеку одной из них, где две дамы бурно обсуждали поведение какой-то Масины, что-то бросил на брусчатку перед ними, отчего дамы, не стовариваясь, подхватили свои сумочки и направились прочь, перенаправив свое возмущение на администрацию парка, совершенно не следящую за состоянием вверенных ей дорожек.

— Присядем, — он непринужденно подобрал брошенную ранее вещь — артефакт искажения? — и подвел Санайю к скамеечке, к которой уже бодро направлялись два старичка с шахматной доской.

— Если не возражаешь, я хотела бы пройтись. Устала за день сидеть, — зачем-то сказала неправду она. Ведь и сидеть сегодня почти не пришлось, и пройтись она хочет совсем по другой причине. Вернее, не пройтись, а немного постоять возле деревьев. Голова опять начинала нещадно болеть. Скорее бы пришла Дениз.

Что такое? Она хочет, чтобы к ним присоединилась Дениз? Но зачем? В разговоре двоих третий будет только мешать. Наверное, для того, чтобы подруга вовремя оттащивала ее от деревьев, чтобы те излишне не пострадали от голодающей ведуньи. А ведь была раньше мысль закончить обряд с Ричем. И для этого как нельзя лучше подошло бы его предложение отправиться в гостиницу. Отчего же на душе становится гадко от самой этой мысли? Ведь это прежний Рич, о котором она так долго мечтала.

Прижаться к дереву. Немного так постоять. Перейти к другому. Только бы не забыться. Как же ей плохо, голова не проходит.

— Итак, я тебя слушаю, — от тяжелых раздумий отвлек строгий голос Риченда.

Почему он с ней так? Сейчас еще начнет отчитывать, как провинившуюся дочь. Или жену. А Санайя ему пока никто. Даже не невеста. Но рассказать все равно нужно.

— Тогда, перед самой короткой ночью, меня готовила — обмывала и одевала — специально приглашенная ведьма, — осторожно подбирая слова, начала Санайя. — Я, я была как не в себе! Под конец она дала мне что-то выпить. И я вышла. Вышла в Лес. Трава, деревья, пение птиц. Все казалось волшебным и правильным. И

мужчина, который мне там повстречался, тоже казался, — здесь она прервалась. Как рассказать тому, кого любила, за кого собиралась замуж, что сама, по собственному желанию, от себя-то уж не скроешь, отдалась другому. — В общем, он стал моим первым мужчиной. А утром ушел.

Сказала. Она это сказала. Еще хватило сил перейти к другому дереву и опереться об него спиной, но ноги совсем не держали. Села прямо на траву. Подтянула коленки к груди, опустила на сложенные руки голову, спрятала пламенеющее от стыда лицо и затихла.

Сейчас Риченд осторожно коснется волос, скажет, что ничего страшного не произошло, и что он поможет забыть тот лес и того негодяя, как страшный сон.

— Ты связалась с другим, — чужие холодные слова чужого человека ранили, как неожиданный камнепад в дотоле спокойном месте. Тот, кто по-настоящему любит, не мог такое сказать. — Что ж, у каждого свой путь. Не повезло. Жаль.

Удаляющиеся шаги били по измученной болью голове, словно остатки падающих ранее слов-булыжников.

Такой и нашла Санайю Дениз — жалким съежившимся комочком в ворохе осыпавшейся желтой листвы.

ГЛАВА 6

— Санни, Санни, ну скажи же, что случилось? Опять тот негодяй, да? Знаешь, если он снова тебя обидел, пусть он хоть триста раз маг, а я недоучка, я все равно вызову его на дуэль! Он за все ответит, Санни! Санни, только не молчи, а? Ну хотя бы шевельнись! И поплачь, в конце-то концов! Я слышала, девушкам положено в тяжелых ситуациях плакать! — Дениз села рядом с подругой и, обхватив ее за плечи, пыталась растормошить.

— Я же обещала, что не буду плакать. Подумаешь, ушел. Ничего страшного не случилось. Сейчас, давай еще немного посидим и пойдем, ладно?

— Ушел, — магичка задумчиво свела брови. — Здесь был эд'Рочестер? И он ушел. Так-так-так. Знаешь, что. Давай, я буду размышлять, а ты поправляй в тех местах, где, как думаешь, я не права, согласна?

Согласна Санайя или нет, Дениз все равно сделает, как задумала, а потому проще кивнуть. Магичка продолжила:

— Только не перебивай! Хотя, ладно, можешь перебивать, спорить и даже ругаться самыми скверными словами, какие только знаешь. Сейчас тебе это полезно. Так вот. Как мы знаем, я проверила сама, Риченд эд'Рочестер — достаточно смазливый не бедный молодой аристократ. Правда, второй сын, но все равно жизнью не обижен. Возжелал жениться на дочке простого, ладно, не простого, а очень богатого торговца. Ради приданого? Мы уже выяснили, в деньгах он не нуждается. Из-за горячей любви? — Дениз глубоко вздохнула и продолжила. — Как мы только что выяснили, и любовь тут не очень-то отметилась, если ушел. Не твое прекрасное тело и чуткая душа нужны были ему. Это можно уже принять за факт. А что нужно?

— Что? — Санайя подняла голову и вопрошающе глянула на подругу.

— Твои просыпающиеся способности, Санни. Доказательства? Священный Лес. Пинешту не зря хотел заключить брак именно там. Похоже, и эд'Рочестер кое-что прознал. И тоже возжелал того же самого. Обряд не только пробудил в тебе силу, но и связал. Связал с

тем мужчиной. Хорошо это или плохо? На этот вопрос я не возьмусь отвечать. Но это случилось. И, Санни, я уже тебе говорила, в источниках, с которыми я ознакомилась, ни разу нигде не повстречалось информации, что Лес ошибся. Молчу, молчу! — Дениз прихлопнула свой рот обеими ладошками, посидела так некоторое время, потом показательно тяжело выдохнула, показывая, как ей трудно было сдержаться, и непринужденно сменила тему: — А теперь — в кондитерскую?

— Нет, пойдем лучше в бар!

— В бар? И как мне самой не пришла в голову эта великолепная идея.

В баре было шумно и весело. Громкая музыка не позволяла вести сколь-нибудь серьезные разговоры. Бокал же вина быстро прогнал на задворки сознания и все серьезные думы. Более того, как это ни странно, но легкое опьянение помогло мыслить трезво. Если рассуждения Дениз верны, а повода им не доверять не было, и Пинешту, и эд'Рочестер хотели заполучить Санайю не ради нее самой и даже не ради приданого, что было бы легче понять и принять. Ради пока непонятной ей самой силы?

Значит, все не так уж и плохо? Последние остатки грусти развеял миниатюрный морок незадачливого ловеласа, сосредоточенно приседающий прямо на столе — у сего экземпляра имелись в наличии тощий облезлый хвост и кривые рожки, один из которых смотрел вперед, а другой назад. Этот самый морок Дениз создала в ответ на предложение ловеласа-оригинала перебраться к ним за столик и скрасить своим присутствием вечер.

— Понял, фиеры магички. Уважаю ваше право на уединение. Отстал.

Как же хорошо иметь дело с понимающими людьми.

Утром Санайя даже не успела прослушать обязательную ежедневную инструкцию от иера Трунича о том, как нужно проводить такое ответственное мероприятие, как инвентаризация, как к ним в кабинет заглянула Дениз.

— Санайя, тебя вызывают.

— Куда это могут вызывать моего работника? — тут же взвился комендант. — У нас график работ, нельзя его нарушать! Здесь

режимное учреждение, а не цирк.

Дениз, ничуть не проникнувшись гневной отповедью, молча протянула ему какую-то бумажку.

— Тогрит знает, что устроили, — проворчал гном, на несколько раз ознакомившись с предложенным документом. — Не-ет, в цирке работать куда легче, знай, выдавай юбочки да барабаны артистам. И уважение, опять же, к заведующему хозчастью. А тут же каждый свое творит. Иди, чего встала! — это он уже сообщил Санайе. — Цирк, как есть цирк, — пожаловался иер Трунич массивному письменному прибору уже после того, как подружки скрылись за дверью.

— Денни, что случилось, куда ты меня тащишь? У нас и правда, график!

— Справлялись как-то раньше без тебя, и сегодня справятся. Этим гномам только позволь. Сядут своим немалым весом на шею и ногами болтать будут. А у нас с тобой дело! — подруга явно тащила ее к выходу из здания.

— Какое еще дело? Только не говори, что ты ввязалась в какое-нибудь расследование!

— Не скажу, — хитро улыбнулась магичка.

— О нет! — Санайя затормозила прямо перед главным входом. — Признавайся, куда ты меня тащишь!

Дениз мило улыбнулась замершим у дверей охранникам и, взяв подругу под руку, чинно вышла из здания.

— Мы идем в Училище! — безапелляционно заявила она. — Я уже договорилась.

— Ничего не понимаю.

— А что здесь не понять? Тебе плохо, Санни! Тц-тц-тц, я понимаю, про тех негодяев ты уже забыла — и про одного, и про другого, — я про другое: город тебя убивает! Ты сама сказала, что метресса Ликинна велела обращаться в случае нужды. А у нас нужда!

— Но зачем так срочно?

— Как назначили, так и идем! Я же сказала, что уже договорилась.

В училище их встретил все тот же иер Инчик с дежурной газетой и огромной чашкой чая. Гоблин опять сделал вид, что не обращает никакого внимания на вошедших, лишь его тяжелый вздох показал, как

претит его духу пропускать в святая святых, да еще во время каникул, посторонних.

Метресса Ликинна, как всегда, была на месте. Она кивнула Дениз на кресло, на столике перед которым уже стояла вазочка с золотистым печеньем и парила чашка с ароматным напитком. Санайю же ведунья подвела к окну и стала рассматривать, как какую-нибудь занятную вещицу. Или как больную. И то, и другое сравнение девушке не нравилось. Она не больная и, тем более, не диковинка.

— Так-так-так. Вихри Майры. Виральные бляшки. А сила пробуждается. Может начать рвать депозитарные каналы. Плохо. Нужно налаживать связь.

Что такое депозитарий, Санайя знала. Но при чем здесь депозитарные каналы? Метресса говорит больше для себя, это понятно. Может, она и думает сейчас совсем про другое? Кто этих ведуний разберет. Говорит же Дениз, что она не просто ведунья, а видящая. Видит будущее Санайи, и оно как-то связано с депозитами? Только не Пинешту!

— Все с тобой понятно, — метресса Ликинна вынырнула из своего загадочного транса. — Можете быть свободны! — объявила она девушкам и, ничего не объяснив, почти силой выставила за дверь.

Дениз так и вышла с чашкой и надкушенным печеньем в руках.

— Таких в нашей столовой не пекут, — завистливо сообщила она и засунула печенье в рот, после чего запила чаем. Опустевшую чашку оставила в окошечке онемевшего от подобной наглости вахтера, мило ему улыбнулась, и, выйдя на улицу, бодро заявила: — А теперь можно и на работу!

— Ничего не понимаю! — честно призналась Санайя.

— Я пока тоже, — невозмутимо отмахнулась Дениз, — но чувствую: движемся мы в правильном направлении!

Когда блудная сотрудница вернулась на рабочее место, иер Трунич поворчал для порядка, и тут же отправил ее продолжать инвентаризацию. День прошел спокойно.

На следующее утро подруг остановили прямо на входе и передали запечатанную по всем правилам депешу, в которой сообщалось, что иерине Санайе дин Тиаграсса и фиерине Дениз эд'Григ дин Тора, срочно требуется прибыть в Училище, расположенное по адресу.

Дальше указывался хорошо им известный адрес Училища и корпус ведуний, в который за последнее время они и так протоптали основательную дорожку.

— Я только предупрежу иера Трунича, — как ответственный работник, попыталась пройти внутрь Санайя.

— Иера коменданта предупредили, — сухо ответили ей.

Предупредили? Это хорошо. Иер Трунич, конечно, прекрасный человек, вернее, гном, но очень уж любит поворчать. Но, коли так, нужно идти в Училище.

Показалось, или сидящий в своей каморке иер Инчик сплюнул в сердцах, когда вновь увидел входящую на его подведомственную территорию парочку? Что ж он такой нервный-то. В учреждении, где много молодежи, так нельзя. Еще и Дениз, желая его взбодрить — или все же подразнить? — широко улыбнулась и пожелала милейшего дня. Ответных слов неприветливого гоблина подруги уже не расслышали.

В кабинете декана ведуний ничего не изменилось, если не считать, что на чайном столике на этот раз были приготовлены три чашечки с ароматным напитком и коробка с набором миниатюрных пирожных.

— Ох, метресса Ликинна, балуете вы нас, нам уже впору приносить угощение с собой, — Дениз заняла предложенное место и с удовольствием взяла чашку.

— Если принесете вы, это уже будет взяткой, а от меня не убудет, — отмахнулась хозяйка кабинета. — Пейте чай, после я озвучу свое предложение.

Это что же за предложение, что его нельзя озвучить за чаепитием? Прелесть момента бесследно улетучилась. Как можно наслаждаться великолепными пирожными одной из лучших кондитерских столицы, если в голове настойчиво бьется мысль, что же придумала метресса? А она несомненно что-то придумала.

— А теперь поговорим, — начала ведунья после того, как чашки были отставлены в сторону. — Как я понимаю, вы подруги, и секретов друг от дружки у вас нет, — на эти слова девушки дружно закивали головами. — Хорошо, значит, будем разговаривать сразу с обеими. Санайя, ты все еще отказываешься закрепить возникшую связь естественным образом? Даже учитывая, что нынешнее положение разрушает твою целостность.

Естественным образом. Ну и слова же метресса подобрала для непотребства. Можно вскочить и заявить, что никогда и ни за что. Но ее пригласили сюда, как взрослого человека, и решений и ответов ожидают, как от взрослой, трезво осознающей все, что с ней происходит.

— Думаю, наши отношения с фиером эд'Пинкроном не в том положении, чтобы это возможно было планировать, — как можно осторожнее начала Санайя.

— Ох, ну мудрено же ты выразилась, — скривилась ведунья. — Милые бранятся, с кем не бывает.

— Я понимаю. Только мы совсем не милые, метресса Ликинна. Мы даже незнакомы! И вообще, он меня ненавидит!

— Как же незнакомы? — метресса вполне натурально изобразила удивление. — Ты знаешь его имя, да и он — я уверена — уже узнал твое.

— И это нисколько не мешает фиеру эд'Пинкрону относиться ко мне как к... грязи под ногами, — на языке крутились совсем другие слова, но приличной девушке их не только произносить, даже знать не положено.

— Сложный молодой человек, согласна, — кивнула ведунья. — Еще и неприглядная история в прошлом подогревает его неприязнь. Вернее сказать, направляет. Это не то, чтобы большой секрет, но особо не афишируется, — ответила она на удивленные взоры подруг. — Кордес учился в нашем Училище. С ним же училась его невеста. Вполне гармоничная была бы пара. Но благосклонности девушки возжелал один не очень достойный представитель мужского племени. Приворотное? Сильный обученный маг — а фиер Кордес именно такой — это обязательно бы заметил. Тот непорядочный молодой человек пошел немного другим путем — подкупил одну из адепток моего факультета, и та воздействовала на эд'Пинкрона своими чарами. Ну а уж подвести девушку к занятой друг другом паре в нужный момент оказалось делом техники. Потом воздействие на будущего работника Магического Управления было обнаружено, и виновные — и ведунья, и тот адепт — наказаны. Вроде бы разобрались, но свадьба не состоялась. Его невеста вышла замуж за другого и, как я слышала, вполне счастлива. Вот такая грустная история, — закончила метресса, внимательно рассматривая что-то за окном своего кабинета. — Скорее

всего, Кордес счел, что и в случае с тобой на него вновь было оказано воздействие. Это значительно осложняет ситуацию.

— Еще бы не осложнять! Тем более, это так и было, — Санайя, не в силах усидеть на месте, подскочила, подбежала к окну, возле которого стояла декан ведуний, выглянула в него, не нашла в абсолютно пустом дворе ничего интересного, вернулась к креслу, в котором сидела, от него метнулась к двери, зачем-то выглянула в коридор. — Метресса Ликинна, я не сомневаюсь, так и было: на нас, вернее, на меня воздействовали! Ведьма! Меня готовила к той ночи самая настоящая ведьма, или шаманка, точно не скажу. Она долго мыла меня в разных отварах, чем-то натирала, потом дала что-то выпить. Я после всего этого как не в себе была. Я порядочная девушка, и никогда бы не совершила того, что произошло между нами той ночью! Это самый настоящий приворот! Вы должны помочь это отменить!

— Хотела бы я присутствовать при том обряде, — мечтательно призналась старшая ведунья.

Услышав эти слова, Санайя, бездумно метавшаяся по кабинету, споткнулась и чуть не упала, спасла ее реакция подруги, вовремя подскочившей и поймавшей в самый последний момент.

— При каком обряде? — все же решила переспросить начинающая ведунья.

— Обряд илидиИ* — древний обряд подготовки невесты, — спокойно ответила декан. — А ты про какой подумала? Отряд илиди долгое время считался утраченным.

Вот оно что. То, как ее мыли и спаивали, оказывается, тоже называется обрядом. А не только то, что произошло позже в лесу.

— Это уже не важно. Важно, что то, что произошло между мной и фиером, произошло под принуждением зелья. Это незаконно, и это нужно отменить! Метресса Ликинна, вы же ведунья, вы можете!

Хозяйка кабинета медленно поводила головой из стороны в сторону.

— Это не было принуждением, девочка. Обряд илиди помогает ведунье, идущей навстречу своей судьбе, раскрепостить сознание и обнажить самые затаенные чувства и желания. Именно в таком состоянии ведунья выбирает лучшую для себя пару. И, если из троих мужчин, зашедших в Лес в ту ночь, Веда свела тебя именно с этим,

значит, он и есть для тебя лучший. Даже если ты этого пока не поняла. Он тебя ни к чему не принуждал? Тебе с ним было плохо?

Санайя вспомнила некоторые эпизоды той ночи. Было ли ей плохо? Да, сейчас стыдно и обидно, но тогда плохо точно не было. Щеки опалил жар приятных воспоминаний. Пожалуй, на этот вопрос можно и не отвечать. Метресса и сама прекрасно знает ответ. Наверное, в чай были добавлены успокаивающие травы, так как разговор о Кордесе эд'Пинкроне уже не вызвал привычной волны негодования. Нет, это была еще далеко не симпатия, но и не банальная жалость к тому, кто пострадал от непорядочности ведуний. Сочувствие? Может быть.

— Что-то я отвлеклась, — метресса Ликинна отошла от окна и заняла место за своим столом. Там взяла лежащую сверху папку и открыла ее. — Позвала я вас совсем за другим. Санайя, учитывая, как тебе трудно приходится в городе, я попросила начальника Магического Управления перевести тебя в сельскую местность. В небольшое спокойное отделение. И к природе ближе будешь, и унынию придаваться некогда. Вот приказ о переводе, — она протянула означенную папку. — Как ты на это смотришь?

А как можно смотреть на приказ начальника военизированной организации? Тем более, метресса старалась в ее интересах.

— Спасибо, — даже не заглянув в документы, ответила Санайя.

— А как же я? — обиженно подала голос Дениз, до этого тихо сидевшая в своем уголке.

— Читайте документы до конца, — посоветовала декан. — И вообще, засиделись вы у меня. Марш отсюда исполнять приказ! В бумагах все написано!

Подруги поблагодарили ведунью и, дружно уткнувшись в папку, вышли из кабинета. Зачитавшись, Дениз даже мимо иера Инчика прошла без своих обычных каверз. Не стовариваясь, девушки прошли в парк и уселись на ближайшей скамье, чтобы тщательно ознакомиться с выданными им бумагами.

— Какой-то Иур-дан, — медленно прочла Санайя место, куда им предложили отправиться. — Даже не слышала про такой. Наверное, дыра жуткая. Денни, мне так неудобно перед тобой. Только сбылась твоя самая заветная мечта, и вот из-за меня тебе выдали это нелепое направление. Здесь их два — на тебя и на меня. Думаю, ты можешь

отказаться и продолжить работу в Управлении. Хватит хлопотать надо мной, как наседка, я уже в порядке, правда.

— Иерина дин Тиаграсса, вы хотите меня обидеть? — такой Дениз Санни еще не видела. — Как только сорвали главный приз, так можно и подругу в сторону? — магичка мстительно прищурила глаза.

— Ты что такое говоришь? — Санайя не на шутку испугалась.

— Иур-дан, к вашему сведению, это не дыра, это — легенда! Скажем, если попасть в Управление, это как медаль получить, то в подобное полумифическое место — это же как орден! Из рук самого короля. Да что орден, его вечером положишь в тумбочку, и все, а Иур-дан... все, закончили полемику, бегом собираться, пока высшие силы не сочли, что ошиблись и отправили в этот рай двух недостойных недоучек. Я вообще не слышала, чтобы туда кого-либо направляли из адептов, только самых высококлассных специалистов. Эх, Санька, я точно счастливый билетик вытасила, когда села в первом классе за одну с тобой парту и стукнула портфелем Гуго Йорса после того, как он дернул тебя за косичку!

Сборы были недолгими. Подруги зашли в Управление, подписали бумаги о переводе. Как оказалось, место, куда они отправлялись, было его филиалом. Энтузиазм Дениз стал понятен, ее всегда тянуло все таинственное и неизведанное. Похоже так же, как и ее пропавших родителей. Что ж, Иур-дан, значит, Иур-дан. Как поняла из прочитанного Санайя, это сакральное для магического сообщества место находится совсем рядом со Священным Лесом, где-то между ним и Тогринским Хребтом. И еще — это уже из пояснений Дениз — где-то там же расположен мощнейший магический источник с нестабильными, а потому привлекающими каждого уважающего себя исследователя параметрами.

Направления на руках, пропуска в закрытую зону оформлены, командировочные получены. Уже завтра рано утром следовало выдвигаться. Дорога предстояла дальняя. После недолгих споров подруги согласились, что добираться придется на магомобиле Дениз. Не самый надежный вариант, все же ветеран послужил достаточно и был старше хозяйки, но в место, куда девушки направлялись, общественный транспорт не ходил. К тому же, оно пользовалось дурной славой у простого люда. Значит, могло так получиться, что и таксо туда не заманить ни за какие деньги. Ожидать оказии в

ближайшем городе? Так и лето могло закончиться, а с ним и эта посланная свыше благословенная практика.

На сборы оставался остаток дня и ночь. Дениз взволнованно металась из угла в угол, изредка победно вскрикивая и, подбегая к столу, вносила еще один пункт в список вещей, которые понадобятся им в поездке и по прибытии на место. Там уже были: сухой паек на две недели, несколько канистр питьевой воды, котелок и двойной набор тарелка-чашка-ложка, два спальных мешка, гигиенические принадлежности на двоих — это само собой. Но зачем летом теплые шапки и носки? И это только то, с чем Санайю ознакомили. После заявления, что шерстяные брюки и вязаные свитера им совершенно необходимы, магичка махнула не непонимающую ничего подружку рукой и, попросив просто довериться знающему специалисту, потащила ее на улицу. До вечера предстояло закупить все, что значилось в списке.

Дверь гостиничного номера широко распахнулась от решительного пинка Дениз.

— Ох, иер дин Тиаграсса, я вас не зашибла? Простите, не ожидала.

В коридоре стоял отец Санайи собственной персоной. Хорошо хоть один, без иера дин Пинешту.

— Внимательнее нужно бы быть, молодая фиерина, — мужчина недовольно потирал ушибленное плечо.

— Папа, тебе сильно больно? — только сейчас, увидев осунувшегося отца, Санайя поняла, как скучала без него, как тревожило чувство вины.

— Ничего, моя девочка, твой папка еще достаточно крепок, чтобы сносить удары дверей, лишь бы не судьба била, остальное выдержим. Мы можем поговорить?

— Да, конечно, — пришлось приглашать отца в комнату. У нее появились некоторые вопросы, требующие именно его ответа.

— Наедине, — иер дин Тиаграсса выразительно посмотрел на шагнувшую за ними следом Дениз.

— Денни, ты справишься без меня?

Неужели в глазах магички промелькнул страх? Нет, показалось. Подруга согласно кивнула и вышла из комнаты, сообщив, что

постарается быстрее вернуться.

— Присядем? — как принимающая сторона, Саная первая начала разговор.

Отец рассеянным взглядом окинул обстановку комнаты, наверняка, тут же посчитал всю ее стоимость, но ничего не сказал по этому поводу. Отошел к окну и забарабанил пальцами по подоконнику. Папа волнуется? Редкое явление, обычно он спокоен, как самая надежная ценная бумага.

— Папа, если ты нашел меня, чтобы отдать замуж за Пинешту, так знай, этого не случится. Силой этого ты сделать не сможешь, так как закон на моей стороне. Откажешь в содержании и приданом? Переживу. Дениз как-то живет без материальной поддержки, и я справлюсь.

— Знаешь, дочка, я рад, что у тебя есть такая подруга.

— Что?

Все море слов и убедительных доводов, судорожно собираемых и почти готовых обрушиться на собеседника, развеялись, словно туман погожим летним утром.

— Наверное, нам стоило поговорить гораздо раньше, — Леандр дин Тиаграсса тяжело провел ладонями по лицу и огляделся. Набрал в грудь воздуха, словно перед прыжком в воду, и как-то обреченно его выпустил. — Не привык я разговаривать с тобой. Всегда считал, что достаточно хорошо обеспечить, а заниматься девушками должны женщины. Я и жену с таким расчетом подбирал, чтобы не только мне подошла, но и тебя не обижала. Ну да ладно, что это я вокруг да около, — он подошел к свободному стулу и сел. — Я расскажу тебе о твоей матери, Санни. О твоей настоящей матери. Твои глаза. Они стали зелеными. Совсем как у нее. Ты так на нее похожа. Уна — так звать твою маму — жила, да и сейчас живет, на одном из островов Верейского океана. Жизнь там размеренна и проста. В полной гармонии с природой. И это не красивый словесный оборот. Я сам видел, как под ее руками вырастали цветы и наливались плоды на деревьях. Их остров — благословенное богами место, вернее, богиней Ат-Уаки. Знаешь, моряки уважают всех богов, даже чужих и чуждых, ведь богам все равно, верят в них или нет. Они либо осеняют милостью, либо отворачиваются от своих адептов, а то и наказывают неугодных. Так вот, думаю, именно Ат-Уаки вывела тогда наш корабль

в тихую лагуну из жуткого разыгравшегося шторма. Пожелала сохранить наши жалкие жизни? Хочется верить. Но может, у нее были другие планы? Кто же разгадает задумку богов. Как бы там ни было, но случилось то, что случилось. Я повстречался с твоей мамой, и родилась ты. О твоём рождении я узнал много позже, ведь мы, починив корабль, ушли из того места. Когда вернулись в следующий раз, тебе было три года, — отец опять растерянно огляделся, словно забыл, где находится, нашел взглядом графин с водой, подошел к нему, налил в стакан воды и выпил большими глотками. — Я предлагал ей отправиться со мной, правда! Но Уна отказалась. А оставить тебя среди дикарей я не мог. Моя дочь заслуживала большего! Знаешь, я точно не знаю, — отец усмехнулся своему косноязычию, — слышались ли мне те слова, но в ушах до сих пор слышится шепот: «Ат-Уаки не позволит мужчине управлять жизнью уургу!». Что они могли значить? Тогда я не понял. Уургу — старая немощная женщина, жившая на том же острове. Знаю, что все аборигены относились к ней с большим почетом и уважением. И только сейчас начинаю подозревать, в чем заключался смысл тех слов. Уургу, это не имя, и даже не должность. Это сущность! Как магия. Мы знаем, у тебя, как и у меня, нет ни капли магии. Но ведуньи, они и не маги, в последнее время я многое прочел на эту тему. Так вот, думаю, твоя мама была одной из них. И тебе передалась ее сила. Да что уж скрывать, — он махнул рукой, — подозревать я начал давно, еще до того, как ты убедила меня не отправляться в то самое плавание, из которого не вернулся «Трезубец Ирден». И после ты, даже не осознавая того, предчувствовала некоторые события. Редко, но это случалось. Кто бы не хотел иметь в семье предсказательницу? — отец усмехнулся. — Вот и я решил устроить твою судьбу лучшим образом. Бартон Пинешту неплохой человек, но... «Ат-Уаки не позволит мужчине управлять жизнью уургу», — вновь процитировал он. — Ты вольна в своем выборе, дочка. Считаешь, что твоя судьба эд'Рочестер, значит, так тому и быть, я не буду против.

— Папа. Спасибо, папа, — только и могла сказать Санайя. Нежности в их семье были не приняты, но именно сейчас так захотелось прижаться к его груди. Лучше это сделать поздно, чем никогда. — Спасибо, что рассказал. Спасибо, что позволил быть самостоятельной. Но я не буду торопиться замуж. Я учиться осенью

пойду! Дар, он просыпается, а для того, чтобы им овладеть, нужно учиться.

— Ну что ж, учиться, значит учиться, — покладисто согласился отец. — Но это будет осенью. А сейчас поедem домой, дочка? — он не приказывал, а спрашивал.

— Папа, я не могу. Правда, не могу! У меня появились обязательства. И потом, дар, он мне неподконтролен, папа! Нужно его стабилизировать. И сделать это лучше до осени, — как же объяснить отцу, что это не прихоть обиженного ребенка, а необходимость. Рассказать о том, что случилось в Священном Лесу, и что из этого вышло? К сожалению, не настолько доверительные у них с отцом отношения. Есть вещи, которые родителям знать не стоит.

— Хорошо, — немного помолчав, откликнулся отец. — Поступай так, как считаешь нужным, я не буду тебе указывать. Ты стала взрослой, моя девочка.

Как же захотелось потрясти головой. Это точно Леандр дин Тиаграсса? Даже не пытается ставить условия и торговаться. Он, торговец до мозга костей!

— Завтра мы с Дениз уезжаем в Иур-дан. Тихое спокойное место на природе. Надеюсь, там я... приду в согласие со своим даром.

— Санни, если уж ты отказываешься ехать домой, прими хотя бы помощь от нас с Эмильеной.

— Папа, ну что может понадобиться в таком захолустье? Дениз как раз отправилась за покупками. Возьмет все, что нам потребуется, включая спальный мешок, котелок и ложки!

— Как я лишний раз убеждаюсь, рассудительная и предусмотрительная барышня твоя подруга. Позволь мне, как старому путешественнику, ознакомиться с тем, что вы решили взять с собой.

В итоге, после возвращения Дениз список покупок был пересмотрен и основательно дополнен, в том числе и двухместной изотермической палаткой с собственной системой обогрева и двумя встроенными надувными ложами. Самым крупным приобретением, вернее, подарком, оказался магомобиль, на котором иер дин Тиаграсса приехал в столицу.

— Я не могу позволить вам отправиться в столь длительное путешествие на этом несчастном старичке, — забраковал отец Санайи

погромыхивающий транспорт Дениз. — Это мой подарок, и это не обсуждается!

— Что вы, иер дин Тиаграсса, мы очень вам благодарны, — смущенно пробормотала магичка. — К тому же, наши покупки немного не вмещаются в багажник моего малыша.

Наконец спешно составленные списки вещей тщательно перепроверены, сами вещи со знанием дела размещены в машине. Пора вспомнить об ужине.

За столиком царила некоторая неловкость. Леандр Тиаграсса не привык проводить время в компании молодых девушек, и совсем не знал, о чем с ними разговаривать, Санайя обдумывала сообщенные отцом сведения. Даже Дениз была на удивление молчалива. Каждому было, о чем подумать.

На ночь расстались с некоторым облегчением. Сразу после ужина отец удалился в снятый в этой же гостинице номер.

— Денни, ты такая странная. Молчишь и молчишь. Что-то случилось? — спросила Санайя сразу же, как они остались вдвоем.

— Знаешь, я думала, вернусь, а тебя уже нет.

— Вот же дурная девчонка! — пришлось даже ударить подругу кулачком. — Куда бы я делась? У нас же приказ! Приказ отправиться на самую лучшую службу в Тиирре. Считаешь меня настолько глупой, чтобы отказываться от — как ты сказала? — ордена из рук самого короля? Да и на кого я тебя брошу? А вдруг там чудища? Не-ет, я сама должна удостовериться, в том, что они не отравятся, когда будут тебя грызть.

Подруги захохотали и, обнявшись, упали на ближайшую кровать.

ГЛАВА 7

Утром иер Леандр лично отогнал магомобиль к артефактору, чтобы тот менял старые энергетические кристаллы на новые, после, уже встретившись с девушками и позавтракав, лично удостоверился, что Дениз умеет и может заряжать их самостоятельно. Но и на этом его забота не закончилась. Поначалу он настаивал, что лучше всего отправляться с водителем. Две беззащитные девушки, и столь дальняя дорога? Мало ли что там может поджидать?

— Иер дин Тиаграсса, — как можно спокойнее постаралась вразумить озаботившегося родителя Дениз, — я как бы боевой маг. И если что-то нехорошее не успеет убраться с нашего пути, это будут проблемы того нехорошего, а не наши.

— Но справитесь ли вы, фиерина эд'Триг, с управлением? Все же этот магомобиль много больше того, которым вы управляли ранее.

— Иер дин Тиаграсса, — что-то сегодня Дениз излишне терпелива, — повторяю еще раз: я — боевой маг. И, как боевой маг, обучена управлять всем, что движется, вплоть до боевых колонн древних орков!

Интересно, и откуда в Училище взялись колонны древних орков? Боевых. Нужно бы потом спросить у Дениз.

Похоже, папе тоже пришло в голову, что терпение — не самая главная добродетель Дениз. Потому как он лишь согласно кивнул головой и попросил подбросить его до городских окраин. Понятно, решил удостовериться, правду ли говорит подруга дочери. Что ж, его право. Магичка заняла место водителя, и магомобиль медленно тронулся с места.

Продемонстрировав идеальное вождение, Дениз остановила машину у каменной стелы, обозначающей городскую границу. Иер дин Тиаграсса неловко обнял дочь, сидевшую рядом с ним на заднем сиденьи, и, пожелав счастливого пути, выбрался из салона. Можно отправляться. Тихо заурчав, магомобиль тронулся.

Первой молчание прервала Дениз.

— Как же хорошо иметь родителей. Любых, пусть даже совсем не понимающих тебя. Это лишь означает, что когда-нибудь их поймешь

ты.

Можно ли истолковать эти слова, как то, что когда-нибудь и Саная поймет свою маму, которая предпочла остаться на своем диком острове, а не отправиться со своим мужчиной и дочерью? Ответить на это сможет только время.

До определенной точки ехали по той же трассе, что и в имение Бартона Пинешту. Дорога прошла без происшествий. Дениз и правда, была прекрасным водителем, и новенький магомобиль слушался ее беспрекословно. Как она и предсказывала, желающих связываться с почти боевым магом на их пути не обнаружилось. Стоило в гостинице, где остановились переночевать, продемонстрировать уже проверенный трюк с мороком обидчика, у которого самым непредсказуемым образом появлялись лишние или исчезали совершенно необходимые части тела, как желающие свести знакомство извинялись в меру своей воспитанности и отправлялись по своим делам.

Утро порадовало сытным завтраком и хорошей погодой. Пора продолжать путь. Наученные опытом прошлого путешествия, в Даонге — последнем городке перед длительной безлюдной дорогой — девушки попросили хозяина трактира, в котором остановились, чтобы пообедать, собрать им в дорогу запас еды.

— Неужто, к Тогриттовым горам направляются прелестные иерины? — попытался пошутить, а заодно и утолить любопытство излишне разговорчивый и неимоверно толстый хозяин заведения.

— А хоть бы и туда, — усмехнувшись, соизволила ответить Дениз и, словно невзначай, покрутила в пальцах какую-то бляху. — А у вас, простите, что за интерес? Уж не шпион ли вы?

С лоснящегося довольством толстяка тут же сошел весь румянец, заработанный долгими годами работы у котлов и сковородок.

— Я нет. Я, что вы, фиерины! — тут же повысил он девушек на сословной лестнице. — Я ж предупредить. Там опасно!

Пухлые ладошки ловко завернули в специальную бумагу немалый кусок свежееиспеченного окорока и отправили его в корзину, где уже обитали полкруга сыра, пара колец жареных свиных колбасок, пакет со свежими овощами и фруктами, с дюжину вареных яиц и бутыль чего-то ярко-малинового, хотелось бы надеяться, что не алкогольного.

Дениз, словно желая подтвердить свой статус важного чина, тщательно проверила содержимое корзины, даже для наглядности пустила туда яркую искорку, отчего бедняга побелел еще больше, и коротко бросила:

— Хлеб.

— Сие мгновение! Там Каина горяченький испекла! — трактирщик рыбкой метнулся за дверь, из-за которой доносился умопомрачительный запах свежесдобитого хлеба.

Меньше, чем через пару минут девушкам со всем почтением была вручена еще одна корзинка с тремя караваемы румяного хлеба и приличной горкой золотистой сдобы.

— Сколько? — не выходя из образа строгой чиновницы, спросила Дениз.

— Каина накладывала, я не считал, — рассыпался угодливым смехом толстяк.

— Я спрашиваю, сколько мы вам должны за обед и эти корзины? — уточнила магичка.

— Ох, чуть не забыл, — опять не к месту захихикал трактирщик и назвал вполне демократичную сумму.

Дениз молча рассчиталась и, подняв левитацией обе корзины, направила их к выходу.

Облегченный вздох, последовавший им в спину, должен был придать ускорения непонятым, а потому опасным гостям.

— Денни, и как мы будем с этим ехать? — возмутилась Санайя.

— А что такое? — подруга не поняла затруднения.

— Пахнет так аппетитно, что я уже сейчас готова наброситься и съесть это все! Или хотя бы надкусить.

— Это да, готовить наш толстяк умеет, и его Каина тоже отличный пекарь! — Дениз вытащила из корзинки две сдобы, одну из них протянула подруге, в другую впилась зубами сама, громко застонав от удовольствия.

С булочками было быстро покончено. Девушки переглянулись, одновременно глянули в корзинку и рассмеялись.

— Так не пойдет, — решительно заявила магичка и щелкнула над их приобретением пальцами. Запах почти исчез. — Пусть побудут в стазисе, — пояснила она, — и сохранится наша добыча в первозданном виде, и отвлекать не будет.

По причине загруженности багажника корзины были водружены в салон, благо, заднее сиденье пустовало.

Остался последний отрезок пути. К вечеру подруги должны быть на месте.

Проехав совсем немного от Даонга, магomobilь свернул с пусть и пустынной, но достаточно ухоженной трассы, по которой они недавно ехали к замку иера Пинешту, а потом и обратно, на проселочную дорогу, сворачивающую к Тогринскому хребту и загадочному местечку Иур-дан.

— Да, с такой дорогой мой малыш мог и не справиться, — призналась Дениз. — А если бы дождь? Эх, Санька, мировой у тебя папа!

А что здесь сказать, папа у нее и правда, понимающий. В его всепроходимом монстре даже почти не трясло на ухабах, коих здесь было великое множество.

До места доехали без происшествий.

— Нам точно сюда? — Саная с удивлением рассматривала каменное одноэтажное строение, мирно приютившееся во мраке нависающей над ним скалы. В доме не светило ни одного огонька.

— Ну да, — Дениз оторвалась от магкарты, в которую периодически поглядывала во время пути. Путеводный огонек удовлетворенно мигал в указанной точке. — Приехали. Выгружаемся! — она вышла из салона и с удовольствием потянулась.

— А где все? Денни, а вдруг здесь никого нет?

— Спят, наверное. Чем еще заниматься поздно вечером в таком месте. И мы скоро завалимся спать. Ох, и устала же я. Ты как?

Саная сразу поняла, о чем спрашивала подруга. Прислушалась к себе. А ведь и правда, не считая дорожной усталости, вполне неплохо. Нет того чувства опустошенности и безысходности, которое она постоянно испытывала после... после того дурацкого обряда.

— Здесь так умиротворенно, — она улыбнулась, подобрав такое подходящее к случаю слово.

— Это точно, — подтвердила Дениз. — Ну что, пойдём знакомиться с начальством и заселяться? — она решительно двинулась к дому и застучала кулаком в толстые дубовые двери. — Похоже, нас здесь не ждут, — после нескольких минут безуспешных попыток

достучаться развернулась спиной к входу и принялась барабанить в него каблуками своих массивных ботинок.

Тишину позднего вечера разрезал противный звук тревожной сирены. К нему присоединились странные звуки, как будто кто-то громко бил чем-то металлическим в медный таз. Внутри дома слышались крики:

— Валдор, обходи их сзади!

— Грэйс, огненные плети используй только в крайнем случае!

— Шорд, Штоллер, раскидывайте сети! Риса, готовь сонное заклинание!

— Живьем, живьем всех брать! Не дайте никому уйти!

Саная расширившимися от ужаса глазами переводила взгляд с двери на абсолютно спокойную Дениз.

— Иер гоблин, — вклинилась в какофонию воплей магичка. — Мы — две безобидные и беззащитные студентки, присланные к вам для прохождения практики.

И как Саная сама не догадалась? Все голоса, раздающиеся из-за двери, принадлежали одному индивидууму, как правильно определила по тембру подруга, скорее всего, гоблину.

— На какую такую практику? — тут же раздалось из-за преграды. — Мы студентов не заказывали.

— Как же не заказывали? Вот и бумаги из Магического Управления, — гнула свою линию Дениз, — со всеми печатями и подписями. Вы не могли бы выключить сирену? А то нам страшно, — она хитро подмигнула ничего не понимающей подруге.

Сирена стихла. Какой же объемной может быть тишина. Даже шумевший до этого птичий хор проникся и смолк.

— Давайте ваши бумаги! — в двери открылось оконце, и в него просунулась небольшая рука.

— Иер гоблин, вы чего-то боитесь? — заговорщицки поинтересовалась Дениз. — Считаете, нам тоже стоит бояться?

— Вот еще, не боюсь я ничего!

На пороге появился их дотолем невидимый собеседник. Как и предполагалось, гоблин. И он, как правильно предположила Дениз, был один. Падающий из-за его спины свет очертил невысокую щуплую фигурку в замшевой охотничьей куртке поверх длинной ночной сорочки и в вязанном ночном колпаке, из-под которого торчали

тонкие прядки темных волос. В руках сей достойный муж держал поварешку. Похоже, именно ей он стучал по валяющемуся чуть в стороне медному тазу.

— Где ваши документы? — требовательно спросил он, только сейчас обратив внимание на грозное оружие в своих руках, посмотрел на него несколько мгновений, недоуменно пожал плечами, словно не понимая, как оно к нему попало, и отбросил в сторону. Кухонная утварь весело звякнула о притаившийся сзади таз.

— Может, мы пройдем внутрь? — предложила Дениз, не обратив внимания на сей небольшой конфуз.

— Никаких «пройдем» на режимном объекте! — строго заявили ей. — И вообще, прием закончен! Приходите завтра с утра! — он ловко выхватил бумаги и скрылся вместе с ними в своем доме-крепости. Оконце осталось чуть приоткрытым. Ждал просьб и увещеваний? Не на тех напал.

Подруги переглянулись.

— Ах, так! Ну что ж, с утра, значит, с утра! — неунывающая магичка спустилась с крыльца, подошла к магомобилю и, открыв багажник, принялась деловито там рыться.

Вскоре на поляне перед домом выросла палатка, и запылал уютный костерок. Из салона были извлечены приснопамятные корзины. Как же пригодился опыт прошлого путешествия, в этот раз голод не застал подруг врасплох. Можно было бы разместиться в расположенной чуть вдалеке беседке, но ночная прохлада и коварный замысел Дениз заставили обустроиться возле костра.

Стоило снять с корзин наложенный ранее стазис, как по поляне распространился одуряющий запах, который и вполне сытого заставлял глотать предательскую слюну, что уж говорить о проголодавшихся путешественницах. Продукты были живописно выложены на раскладной походный столик, руки вымыты в пробегающем совсем рядом ручье, можно было приступить к трапезе.

Первым из хозяев не выдержал большой полосатый кот. Он появился из темноты и категорически потребовал свою долю ужина. Получив приличный кусок колбаски, он величественно удалился.

Скрипнула дверь.

— Девочки, а что вы здесь делаете? — заискивающе спросил так и не назвавший своего имени гoblin, уже переодевшийся в более

подходящий для посиделок с дамами наряд.

Как и все представители его племени, невысокий, может, излишне худой, с едва заметной хромотой. Из тех, кого безотчетно хочется пожалеть. Ровно до тех пор, пока не заметишь хитрый блеск в глазах.

— Ужинаем, — Дениз невозмутимо хрустнула огурчиком.

Санайя, продолжая молчать и полностью отдав инициативу подруге, отрезала внушительную краюху хлеба, положила на него ломоть мягкого сыра не меньше пальца толщиной, украсила веточкой зелени, оглядела сооруженную конструкцию и, не удовлетворившись увиденным, добавила сверху весьма нескромный кусочек окорока.

— Еще горячий, — удовлетворенно похвалила она способности подруги. Откусила, сколько смогла и, довольно зажмурившись, начала жевать.

Рядом гулко сглотнули.

— Девочки, а зачем вы Хруничу колбаску отдали? Он у нас тут, чтобы мелких грызунов ловить, а не продукты переводить.

— Так попросил же, — объяснила Дениз и, видимо, воодушевившись видом бутерброда Санайи, принялась сооружать себе такой же.

— И... всех угощаете? — совсем жалобно спросил гоблин.

— Нуждающихся, — пояснили ему.

— Я нуждаюсь! Да, да, я тоже нуждаюсь в хорошем ужине! С тех пор, как я покинул свою милую бабушку, меня никто так вкусно не кормил. Этот сухой паек такой безвкусный, — жалобно закончил он.

— Иер... простите, как к вам обращаться? — начала Дениз.

— Молот. Мастер Молот. Но вы можете называть меня по-простому: иер Молот, — спешно представился гоблин.

— Так и называть, иер Молот?

— Да, наша гоблинская фонетика излишне сложна для людей, — важно пояснил гоблин, — а в переводе на людской язык мое имя означает — Молот. Так и зовите.

— Иер Молот, не соблаговолите составить нам компанию за ужином?

— Ну, если вы так настаиваете, пожалуй, соглашусь. Я сейчас! — Молот метнулся в дом. Вернулся, как и обещал, почти мгновенно, обхватив обеими руками большую плетеную бутылку. — Вот, приберегал для особого случая. А разве ж практикантки в нашем

отделении это не особый случай? — он уже по-хозяйски выстроил в рядок две керамические чашки, приготовленные подругами для чая, добавил к ним вытащенный из кармана стакан и разлил густую темную жидкость. — Будем знакомы, девочки. Как я понимаю, Дениз эд'Григ и Санайя дин Тиаграсса, — он продемонстрировал, что с поданными документами уже ознакомился.

— Значит, пополнение? Магичка и ведунья? Студентки? — важно поинтересовался иер Молот после того, как первый голод был утолен, а принесенная им бутылка уже несколько раз продемонстрировала, что ее содержимое очень даже ничего, особенно сдобренное свежим воздухом и хорошей компанией.

— Да, направили на практику, — подтвердила Дениз.

— Это да. Молодежь обучать нужно не только по книжкам. Нашей смене и практические знания нужны, — гоблин, едва ли сам на десяток лет старше девушек, важно раздул щеки. — Что ж, если там, в Управлении, сочли, что нужно вас учить, будем учить. Я тут пока один на хозяйстве, ну да ничего, справляюсь. Вот что, вы, как теоретически подкованные, должны знать: места у нас здесь не простые. Магический фон сложный. Всякое бывает. Порой и нечисть какая шалит. А то и нежить откуда берется. Опять же, горы Тогрин близко. А потому — никакой самодеятельности. В Лес — особенно тебе, — он почему-то указал на Дениз, — в одиночку ни ногой!

— А ей? — Дениз кивнула на разомлевшую от ужина и вина Санайю.

— А у ведуний с Лесом свой разговор, — Молот с удивлением осмотрел свой пустой стакан и, весело булькнув содержимым бутылки, разлил еще. — Пожелает Лес — сам позовет, не пожелает, напугает и выкинет, тут уж как получится, тут свои законы, и маги им не указ.

— Мастер Молот, — осторожно пыталась гнуть свою линию подруга, — а что, нечисть с нежитью здесь часто шалит? Мне бы хотелось поучаствовать...

— Тьфу на тебя! Тихо тут у нас. Давно уж никто не шалит.

— А зачем же вы тогда сказали, что и нечисть, и нежить?

— Чтобы не расслаблялись! Это вам не столичный бульвар с кафами и ресторанами. Здесь и вами закусить могут. Отвечай за вас потом.

Санайя откинулась на спинку раскладного стульчика и блаженно прикрыла глаза. Давно уже ей не было так хорошо. Лесные шорохи причудливо перемешивались в голове с шумом коварного гоблинского напитка, но нисколько не конфликтовали, а слаженно уверяли, что все будет хорошо. Не зря она сюда приехала. Предчувствие? Нет, уверенность.

— Санни, Санни, ты совсем сомлела. Иди в палатку, отдыхай, — выдернул из сна голос неутомимой подруги. И откуда у нее на все берутся силы? Не иначе, долгие студенческие тренировки.

— Да что ж в палатку-то? Можно и в дом. Только там приготовить для вас еще место нужно, — вклинился еще один голос.

Готовить? Ну уж нет, в палатке уже все готово. Можно ложиться спать. Хватило бы сил раздеться. В первый раз за долгое время в ее вечерних грезах ни разу не промелькнул Риченд. Ни как предмет мечтаний, ни как предатель.

Утро разбудило оглушительным птичьим гомоном и тоненьким похрапыванием. Санайя осторожно огляделась. На постели у противоположной стены палатки сладко посапывала Дениз. Храп же раздавался из спального мешка, расположенного между их раскладными кроватями. Точно, кажется, ночью она слышала, как иер Молот заплетающимся языком уверял, что его подопечным требуется охрана, и он ее непременно обеспечит. Наверное, эту охрану она сейчас и наблюдает. Ладно, пусть спят, а пока можно пройтись, познакомиться с другими обитателями этого поста.

Как и вчера, появился только кот, названный Хруничем. Он с достоинством подошел к девушке и положил ей под ноги мышку. Видимо, в счет оплаты за вчерашнее угощение. Или в счет аванса за сегодняшнее.

Как умиротворяюще действует на девичий организм этот Лес. Санайя даже не завизжала. Слабый писк, который усилием воли удалось тут же подавить, можно не считать. Подумаешь, мышка, это же не для того, чтобы перепугать впечатлительную барышню, а в благодарность. Пришлось рыться в корзинах, заботливо припрятанных Дениз от ночных покушений в машине, и доставать оттуда колбасу и хлеб. Поделили по-честному: колбасу коту, хлеб Санайе. Хрунич

решил не откладывать завтрак на потом. Хлебная же краюха отправилась в карман.

Дом оказался заперт. Ну и ладно, успеет еще насмотреться, а вот Лес манил. Молот вчера сказал, что ей, если хочется, можно в него заходить, а зайти очень хотелось. Пройтись по еще влажной от утреннего тумана траве, коснуться шершавой коры деревьев-великанов, забросить в рот ягоды с призывно шелестящих чуть вдали кустов. Что за ягоды? Санайя не знала, но то, что они съедобны, была уверена. Заодно и травок на чай насобирает. Как когда-то в детстве.

Пожалуй, по такой траве и в такую погоду ходить в ботинках будет кощунством, можно их снять и немного пройтись босиком. По обуви, оставленной у кромки Леса, Дениз догадается, куда ушла подруга.

Как интересно. Все знают, что такое солнечный луч. А многие ли его видели? В городе солнце нещадно и равномерно освещает все вокруг, и только в лесу сквозь ажурные ветви пробиваются его отдельные лучи. Кажется, что их можно потрогать, как радугу, манящую юных исследователей.

Если бы сейчас было темно, можно было бы ожидать, что из-за деревьев появится Он. И тогда... Ух, тогда Санайя найдет, что ему сказать! Она не растает от его взглядов и прикосновений, и не заплачет от его обидных слов! Она сама его обидит, да! Глупые мечты. Откуда здесь взяться Кордесу эд'Пинкрону? Он сейчас далеко, в столице. Вот и пусть там остается! Ей и без него хорошо. Уже хорошо. Даже листва на деревьях от прикосновений не желтеет. Почти. И вообще, не затем она сюда приехала, чтобы вспоминать досадный инцидент и нервного мага, который ненавидит всех ведуний разом. Хоть она еще толком и не ведунья.

Чтобы прогнать обидные мысли, пришлось притопнуть ногой. Не иначе как в отместку Лес подбросил под пятку острый камушек. Санайя охнула, затем присела и нежно погладила траву. Глупо? Возможно. Но кого здесь стыдиться, никто же не видит, а стыдиться себя еще глупее. Извинившись подобным образом за свой экспрессивный поступок, она поднялась и пошла дальше. Куда? Вперед. Как и в прошлый раз, ноги сами знали дорогу. Вот же напасть, опять вспомнила! Ну, фиер Кордес, только попадитесь! Попытка составить обличительную речь отвлекла от дороги. Странно, но

возможность заблудиться в незнакомом Лесу совсем не пугала. Предчувствие? Возможно.

Приближающийся шум падающей воды уверил в правильности выбранного пути. Вскоре открылся и источник этого шума. Совсем небольшой, не шире длины одной ее руки водопад срывался с покрытой мелким кривым кустарником скалы, чтобы упасть в небольшой водоем у подножия и юрким ручейком убежать прочь. Ласковое солнце игриво переливалось радужными бликами в его струях и нагревало прибрежные камни.

Саная присела и опустила ладонь в воду. Холодная. А чего еще можно ожидать от горной воды? Бр-рр. Никогда раньше не любила холодную воду! А сейчас? Сейчас начала новую жизнь, ведь так? Значит, прошлые привычки и страхи остались в прошлой жизни.

Огляделась. Никого. Не считать же за зрителей пару белок, то и дело мелькавших в ветвях деревьев. Смочить ноги? Но вода в ручейке едва достигает щиколотки. Так хочется постоять под волшебными струями. Почему волшебными? А какие еще могут быть в Священном Лесу. Послушной папиной дочке иерине дин Тиаграсса, оставшейся где-то в прошлом, был показан язык в лучших традициях Дениз, после этого решительного жеста Саная сбросила с себя всю одежду, включая белье, и шагнула под тугой освежающий поток.

Холодной вода показалась только первые мгновения. Потом она была какой угодно: ласковой, волшебной, целебной и питающей, но только не злой и замораживающей. Смех, вырвавшийся из груди, показался знакомым. Когда она так смеялась? Кажется, в Ту Самую Ночь. Такая же эйфория охватила все тело. Так же казалось, что она на пороге счастья.

— Ну хватит, девонька, хватит, выбирайся, — ворчливый старческий голос прервал волшебство момента. — Обморозишься еще.

— А мне тепло! — счастливо отозвалась Саная, совсем не удивившись наличию собеседницы в этой глуши.

— Выбирайся, я тебе сказала, а то и прутом пониже спины протяну! — у кромки ручейка стояла та самая гоблинша, которая собирала ее в Лес в замке иера Пинешту.

— Тетушка ведьма, это вы?

— А ты опять его ждала? — послышался ехидный ответ.

Ведьма, она ведьма и есть. Все волшебство момента испортила. Даже солнышко спрятала за облако! Точно она. Придется выбираться. Вода и правда, холодная.

— На, разотрись! — откуда-то из недр заплечной ведьминской сумы была вытащена грубая чистая холстина. Как раз то, что нужно для замерзшего тела.

— С-спасибо! — дрожь зубов удержать не удалось.

Санайя тщательно вытерлась и быстро оделась.

— Тетушка ведьма, а как мне вас называть? А то неудобно как-то, вы меня знаете, а я вас нет. Ведь вы же меня помните, да? — решила уточнить Санайя. — Вы проводили обряд илиди. Кстати, давно забытый.

— Забытый, — ведьма усмехнулась, — чего ж тогда говоришь, что проводила, коли он забыт?

— Значит, не все забыли. Так как мне к вам обращаться?

После купания напомнил о себе проснувшийся голод. Из кармана была извлечена припрятанная краюха, разломлена пополам, и одна из половинок протянута странной собеседнице.

— Можешь называть меня тетка Лачи, — гоблинша опять порылась в своей суме, достала оттуда щепоть соли, щедро посолила свой кусок и, подождав, пока собеседница протянет свой, и его тоже.

— М-мм, как вкусно! Никогда не ела хлеб вкуснее!

— Тетка Лачи знает толк в приготовлении! — самодовольно заявила ведьма. Она аккуратно доела хлеб, тщательно собрала с подола упавшие крошки и тоже отправила в рот. — Нечего сорить в Лесу. Даже хлебом, — строго пояснила она.

Санайя поняла, это не угроза, это урок. Ее пришли учить.

— Значит, вернулась, — старая гоблинша устроилась на прибрежном валуне и подставила лицо ласковым солнечным лучам.

— Так получилось.

— От же ж дурна девка! «Получилось!» Кто ж так жизнь свою ведет? Пока не начнешь сама ей управлять, так и будешь жить, ожидаючи, что да когда получится!

Слова старой ведуньи почему-то обидели. Это Санайя-то не управляет жизнью? Да она... она! А действительно, что она? Догадалась попросить помощи Дениз? А если бы у нее не было такой

подруги? Справилась бы с проблемами сама? Какой неудобный вопрос.

— Тетушка Лачи, а как научиться самой управлять своей жизнью?

— Как, как. На этот вопрос каждый должен ответить сам. Скажу тебе лишь несколько слов. Они годятся не только для ведуний. Просыпаешься утром и говоришь сама себе: «Я смогу. Я сделаю!» И ставь цель. Пусть эта цель будет самой маленькой, вроде собранного пучка трав, но ты ее ставь перед собой и выполняй! А вместе с маленькой и большую ставь, тут уж самую заветную: хоть короля или принца какого в женихи заиметь, хоть научиться стены лбом прошибать. И хоть ма-аленький шажочек к этой цели, но делай.

— Зачем мне короля в женихи, тетушка Лачи? — заулыбалась Санайя.

— И то верно, есть у тебя уже суженый. Только вижу, не до конца обряд ваш прошел. И вина не только его! — гоблинша строго погрозила пальцем. — В Священном Лесу бал правит ведунья, а не ее пара. Даже если основная работа в том деле на мужике лежит. А ты должна была заставить его забыть обо всем и отдать тебе жизнь!

— Жизнь отдать? Да что вы такое говорите, тетушка Лачи? Это же за что так-то? Не-ет, будь он десять раз негодяем, а я — сто раз ведьма, и то жизнь у человека не способна забрать.

— Тьфу на тебя, как есть, дурная девка! — в сердцах выругалась старуха. — Я ж не про его жизнь говорю, я ж про его жизненные соки говорю. Не оставил он их в тебе, а значит, и полного единения не свершилось. Так, пометил только тебя. Вот и нет в тебе покоя. Не целостная ты сейчас! Сила проснулась, а ладу с ней у тебя нет. Вот и тянешься ты к деревьям, чтобы восстановить потоки. Лес он, конечно, поможет, не обидит, на то он и Лес. Но его самого обидели! — зло сверкнула глазами ведьма. — Крепко обидели. И он будет мстить. Если останешься тут со мной, я тебя учить буду, все, что знаю, передам. Сильной шаманкой станешь. Со временем и покой обретешь. И Лесу, опять же поможешь. Нехорошие дела стали здесь твориться. И не только здесь. Исправлять нужно, пока древнее зло в силу не вошло.

— Мне остаться здесь?

— А что? Или плохо тебе здесь, девка? Говорю же, Лес ведунью не обидит. А большого мира ты уже сама хлебнула. Как он тебе? Сколько мужиков тобой да твоей силой попользоваться хотели? А один

и попользовался. И как тебе? Кому ты там нужна? Отцу? Не нужны отцам девки. Тому толстому денежному мешку? Так Лес его отверг. Ах, суженый. И что тот суженый, где он?!

Много раз эти мысли посещали и саму Санайю. Все верно говорит ведьма. В Лесу хорошо. Еще и учить будут. Но не сама ли тетка Лачи сказала, что собственной жизнью нужно учиться управлять самой, а не плыть по течению и ждать, когда она преподнесет сюрприз. Как правило, жизненные сюрпризы редко бывают приятными.

— Нет!

— Что «нет», девонька? — старуха довольно шурилась под солнечными лучами.

— Науке вашей буду благодарна. Но остаться — не останусь. Не нужен мне такой покой, тетушка Лачи. Я смогу! И силу свою в порядок приведу, и командовать мной больше никто не будет. И... и того наглого мага на место поставлю! Придумал тоже, ведьм он ненавидит. А я не ведьма, я ведунья! А даже если и ведьма, тем хуже для него! Вот только вернусь, я ему! — Санайя крепко сжала кулачок и погрозила им в сторону, где, как она предполагала, находился Большой Иуренг, а в нем и Магическое Управление с одним дерзким магом.

— Так его, девочка, так! В следующий раз будет знать, как ведовские обряды иначе!

Хотелось возразить, что никакого следующего раза не будет, но зачем. «Я смогу. Я сделаю!» нужно говорить себе, а не окружающим. И цели нужно ставить перед собой. И решать их самой, а не окружающих загружать своими проблемами.

— Спасибо, тетушка Лачи. Вы мне так помогли. Теперь я точно знаю, я справлюсь!

— Вот и иди, иди отсюда! Небось, уж потеряли тебя алкоголики недоделанные.

Санайя улыбнулась. Как она сурово обозвала ее компаньонов. Девушка всего на мгновение отвлеклась на резкий птичий крик, а когда обернулась, желая узнать, как ведунья узнала про их вчерашние посиделки, старухи уже не было. А так о многом хотелось расспросить. К примеру, когда можно прийти еще, и можно ли привести к этому водопаду Дениз. И вообще, как найти дорогу, если в Лесу даже тропинок нет? И, самое главное. Про какое древнее зло она

говорила? Кто его разбудил? Просто пугала? Непохоже. Да и Лес все такой же приветливый и уютный.

Обратная дорога нашлась без проблем. Откуда Санайя ее знала? Откуда мы знаем, как дышать? Так и с дорогой в Лесу. Она сама ложится под ноги. Как и в тот, первый раз.

ГЛАВА 8

— Санни? — Дениз, позевывая, потягивалась у палатки. — Ты где была?

— Гуляла. Купалась. Вот, травок нам на чай собрала. Эти заварим сейчас, эти высушим. Ну что, приступаем к работе? Какие будут распоряжения, мастер Молот?

— Какая бодрая с утра. Одно слово, ведьма, — недовольно проворчал гоблин, вылезая из палатки. — Какие могут быть распоряжения? Завтракать! А потом уж и работу придумывать. Кто ж думает на пустой желудок.

Щедрых остатков вчерашнего пиршества хватило и на плотный завтрак. Если судить по осоловелому виду мастера Молота, полный желудок никак не поспособствовал повышению работоспособности. И кажется, Дениз была с ним солидарна. Скорбно лежащая на боку вчерашняя бутылка и тоскливые взгляды засидевшейся вчера у костра парочки, украдкой бросаемые на место отдохновения, недвусмысленно намекали на причины их вялого настроения.

Ну уж нет! Санайя только что начала новую жизнь, и какие-то два — как их назвала тетушка Лачи? — недоделанных алкоголика не смогут в этом помешать. Она сама убрала со стола и, не дав их гостеприимному хозяину скрыться в глубине дома, поинтересовалась:

— Так чем же мы будем заниматься, мастер Молот? Или вы не уполномочены принимать подобные решения? Кстати, где остальные работники базы?

Тяжелый вздох несколько не растрогал мучительницу.

— А нет сейчас никого остальных, — гоблин покорно сел на крылечке и, мученически подперев тяжелую голову рукой, уставился вдаль. — Здесь-то чего им делать. Кто по экспедициям, кто по другим каким делам, а я, значит, за главного тут. Совсем без хозяина объект нельзя оставлять.

— И кто же будет руководителем нашей практики? — в разговор вступила Дениз. Похоже, до этой темы они вчера в своих обсуждениях не добрались. — Кто нам задания даст? Уж коли прибыли в такое легендарное место, мы будем работать!

— Работу я вам найду, как не найти. Комнату — одну на двоих — себе приготовите. Опять же обед, а там и ужин недалеко, вот и займитесь делом. Порядок, он везде должен быть.

— Э, нет, милый, — не попалась на удочку ушлая магичка, — готовить будем по очереди. Мы про другую работу разговор ведем. По специальности!

— Ну-у, если по специальности хотите, то... карты составлять будете! И считать деревья в Лесу! — гоблин, довольный, что подыскал достойное задание, поднялся и сообщил: — А теперь пойдете, покажу, где будете обитать.

При свете дня удалось рассмотреть, что у дома имелась еще и мансарда. Вот туда и повел своих ретивых практиканток мастер Молот.

— Вот та, та и та комнаты свободны. Занимайте любую.

— Но ведь здесь никого больше нет! Чем же заняты остальные комнаты? — по обе стороны коридора, в котором они сейчас стояли, было не меньше десятка дверей.

— От же глупая девка! — кажется, Санайя слышала это совсем недавно. — Я же говорю, в экспедициях все! Тут меня одного хватает!

— Ладно, можем и вдвоем, — не стала спорить Дениз и заглянула во все предложенные комнаты. — Выбираем эту!

— Вот и хорошо. Вот и славно. Заселяйтесь. Дежурная на кухне сегодня ты, — гоблин указал на Санайю. Видимо как самую бодрую из всех троих. — Продукты в кладовой и на леднике, — после озвученного приказа он быстро исчез, видимо, опасаясь, чтобы не оспорили распоряжение.

Ну да ладно, Санайе не сложно. Готовить она не то, чтобы любила, но умела. Даже имея штат поваров, хорошая хозяйка должна уметь готовить, чтобы проследить и за самим процессом приготовления, и за расходом продуктов и сырья, иначе в крепком доме никак.

То, что облюбованная Дениз комната ничем не отличается от других, выяснили сразу. Две кровати с прикроватными тумбочками, узкий шкаф, комод и небольшое зеркало. Стол и два стула. Собственно, вот и вся обстановка. Как пояснила сама магичка, именно эту спальню она выбрала из-за ее расположения, вернее, открывающегося из нее вида. Из окна хорошо просматривался главный

вход и подъездная дорога. Справа шумел Лес. Слева уходили вдаль загадочные Тогринские горы.

Процесс заселения много времени не занял. Сначала подружки избавились от пыли, паутины и прочей грязи, после перетащили вещи. Вернее, Дениз переправляла их левитацией прямо в распахнутое окно, а Санайя ловила уже на месте.

Магичка с благодарностью восприняла отказ в помощи в приготовлении обеда и, найдя мирно прикорнувшего Молота в одной из комнат первого этажа, требовала с него шторы и постельное белье. Стенания несчастного гоблина ее ничуть не растрогали. В своей непосредственной манере Дениз пояснила, что тоже хочет вздремнуть, и делать это она желает в нормальной постели и желательно в темноте, а не под жизнерадостными солнечными лучами.

Когда уже Молот поймет, что спорить с Дениз это все равно, что спорить со стихиями: нерационально, затратно и, в принципе, бесполезно. В итоге настырная гостя получила все, что требовала и, довольная собой и добычей, удалилась «на отдых».

Санайя же отправилась на кухню. В помещении царили тоска и запустение. Нет, оборудована она была прекрасно. Современные магические тепlopечи, жарочные и пекарские шкафы. Порадовали кладовая и ледник. И не только своим обустройством, но и содержимым. И почему Молот жаловался, что живет на сухом пайке? Похоже, кое-кто не умел или не любил готовить. Ничего, у Дениз и научится, и полюбит. Уж если подруга решила кого-то взять на воспитание, а она, похоже, решила, то этот кто-то уже не выскользнет из-под ее опеки.

Готовить что-то изысканное Санайя не стала. Простой салат, наваристый овощной суп, в котором аппетитно купались мясные косточки, горка отбивных с овощным пюре на гарнир и чай из собранных в лесу травок, к нему самые простые кексы. Кому-то не понравится? Всегда можно отказаться и приготовить самому.

Похоже, отказников сегодня не будет. Почуввав одуряющий запах, на кухню подтянулись недостающие члены их небольшой команды. Переглянувшись, они помыли руки и дружно принялись накрывать на стол в столовой, находящейся здесь же, за одной из дверей. Столовая была рассчитана человек на двадцать. Стало даже немного жалко

беднягу гоблина. Каково это, находиться здесь одному. Да и не похоже, чтобы он питался здесь.

На правах хозяина Молот занял место во главе стола. Девушки не возражали. Ведь он сейчас и являлся хозяином.

Обед прошел в мирной и благостной обстановке. Дениз, как можно было понять по ее радостно зажегшимся глазам, пришла в себя.

— Иер Молот, — деловито начала она, расставляя по шкафам остатки вымытой посуды, — вы позволите нам с подругой первый день практики провести вместе?

Поначалу бедняга даже растерялся, похоже, раньше ему никогда не приходилось быть руководителем практики у магов и ведуний. Быстро взяв себя в руки, он важно надул впалые щеки, скрестил за спиной руки, прошелся из одного угла кухни в другой, задумчиво склонил голову и, поразмышляв некоторое время, благосклонно ответил:

— Пожалуй, это будет разумно.

На том и порешили. В кабинете, одновременно служившем и библиотекой, Дениз взяла писчие принадлежности и несколько листов плотной бумаги и, предупредив мастера Молота, что они отправляются «в том направлении», утянула подругу за собой.

— Денни, ты думаешь, карты, составленные на коленке на вот этих листах, могут быть кому-то полезными? — Саная совсем ничего не понимала в картографии, но то, что это делается не так просто, могла догадаться.

— Тю, да разве карты так составляются? — подтвердила подруга ее подозрения. — Тут должна работать целая бригада специалистов, и, думаю, это сделано уже давным-давно. Мы же с тобой сейчас просто гуляем и знакомимся с легендарным местом.

— Но зачем тогда все это? — магичке был предъявлены лист бумаги и карандаш.

— Начальник приказал, — Дениз пожала плечами. Что здесь может быть непонятного.

— Денни, а куда мы гуляем?

— В сторону гор, — последовал логичный ответ.

— А туда можно? А вдруг там, ну, эти, обитатели?

— Да спокойно здесь все! Я слежу за фоном. Прогуляемся, аппетит нагуляем, вернемся к ужину, поедим и — спать. Ты перестань

засыпать меня глупыми вопросами, а ответ-ка мне: где ты была утром?

Ну надо же, заметила, а Санайя считала, что подруженька крепко спит после вечерних посиделок.

— В Лесу. Мастер Молот сказал, что я могу туда ходить.

— В Лесу? И что там?

Рассказать? Но не сама ли Дениз говорила, что ведуньи не рассказывают, что там с ними происходит? А вдруг встреченная там гоблинша вовсе и не обычное живое существо, а дух? Дух Леса? А вдруг, Лес и его секреты и правда, не для каждого?

— Там покой. Умиротворение. Сила. Да, именно так, сила и уверенность.

— Это хорошо, — удовлетворилась сказанным подруга. — Покой и умиротворение тоже иногда нужны, но ты ими не злоупотребляй. Силы у тебя и так много, только ею нужно научиться пользоваться. А уверенность? Думаю, и она в тебе прибывает. Эх, Санька, все же хорошо, что мы сюда попали!

Прогулка получилась благотворной во всех смыслах. В городе такое спокойствие не придет даже ночью. Здесь же. Горы и Лес. Древние заповедные места. Правильно, что сюда не пускают всех подряд. Испоганят же все. Из лучших побуждений, но испоганят.

— Дениз, нам пора возвращаться. Нужно готовить ужин.

— Ужин? Да там от обеда осталось столько, что еще и на завтрак хватит! Или ту думаешь, Молот все подчистит, пока мы знакомимся с обстановкой?

— Согласись, мастера Молота стоит немного откормить, похоже, бедняга голодал.

— Да он по причине собственной лени голодал! — справедливо возмутилась магичка. — Кладовые заполнены продуктами, а он голодал!

— И все же, давай вернемся.

Дениз внимательно посмотрела на подругу и, кивнув ей или же своим мыслям, повернула назад.

Обратная дорога не заняла много времени, ведь девушки не останавливались, чтобы рассмотреть огромный валун — это Дениз, погладить приглянувшееся дерево или сорвать пучок травы — это уже Санайя, они быстро шли к базе, ориентируясь по оставленным ранее

магическим меткам. Странно, вот маги находят дорогу по меткам, а как с этим справляются ведуньи? В Лесу Санайя точно знала, куда нужно идти, вернее, даже не задумывалась над этим, просто шла. Неужели, для них это и правда, естественно, как дыхание? Нужно будет спросить тетушку Лачи при встрече. Надо же, даже не сомневается, что встреча обязательно будет, и не одна.

По возвращении на базу Дениз отправилась к их нерасторопному хозяину, чтобы упросить его — или заставить, тут уж как получится — растопить баньку, мирно приютившуюся за домом. Санайя же разложила в тени под навесом собранные травы, после чего отправилась на кухню и, помыв руки, принялась готовить.

— Ты зачем столько? Хочешь наготовить сразу на все время нашего пребывания здесь? — удивилась присоединившаяся к ней вскоре Дениз.

— Сколько? — Санайя оглядела все, что она притащила из кладовых. На троих явно многовато. Но ведь их будет не трое. Это она поняла отчетливо. — Знаешь, по-моему, сегодня к нам придут гости. Или хозяева. Это с какой стороны посмотреть.

— А, ну если так, — магичка не стала спорить, а встала рядом.

Совсем ненадолго повисло неловкое молчание, перемежаемое звяканьем посуды и стуком ножа по доске. Первая прервала его Санайя.

— Денни, считаешь меня ненормальной?

— Жалко морковку, — подруга с сомнением оглядела корнеплод, чисткой которого занималась, — а то бы так и бросила в тебя. — Это может просыпаться твой дар!

— А если нет? Если мне это все показалось? Ну, что к ночи здесь будут еще люди. И не люди. А, — Санайя махнула рукой, — что это я, к ночи и проверим!

— А ты учишься правильно мыслить, — Дениз задумчиво оглядела подругу с головы до ног, как будто с новым мышлением в той должны были проявиться и какие-нибудь новые части тела.

— Девочки, а чего это столько много всего? Нам же не съесть зараз? — стоило поплыть по дому аппетитным запахам, как на кухне материализовался третий член их небольшого коллектива.

— Не съесть, — согласно кивнула Дениз, — мы даже и пытаться не будем. Но вдруг, к нам присоединится кто-либо еще? Когда должны вернуться отряды?

— Дык, — Молот задумчиво почесал за ухом, — рановато вроде как. Они ж на месяц, а то и больше уходят. Разве что шеф, — здесь он печально вздохнул.

— А что это ты так тяжело вздыхаешь?

— Да, — гоблин замялся, — лютует шеф последнее время. Нелады у него какие-то. Поехал разбираться. Ребятам-то что, собрали пожитки, да разбежались по экспедициям, а отдуваться за всех мне!

— Не переживай раньше времени, — успокоила бедолагу Дениз. — Не умеешь ты с мужчинами обращаться. Он придет, а мы его — в баньку! А потом — ужин. Тут любой растает. А нелады все решаемые, это я тебе точно говорю!

В бане раньше Санайе ни мыться, ни, тем более, париться, не приходилось. Как-то не принято было в их среде такое низменное занятие. Но ведь Дениз убедит и умертвие. Пришлось идти с ней в баню. Как же приятно прилечь на пахучие деревянные доски после длительного дня, наполненного прогулками и новыми впечатлениями. И веник в руках подруги только поначалу показался жутким. Дальше оставалось только постанывать от удовольствия, и уже потом, словно открыв в себе второе дыхание, отплатить ей тем же.

— Дэнни, еще немного, и я заявлю, что счастлива.

— Заявишь, обязательно заявишь, куда ты денешься! — уверенно подтвердила подруга.

Ужинать расположились на уютной террасе, расположенной на закатной стороне дома и смотрящей на горы. По молчаливому согласию подвиг с опорожнением бутылки, подобной вчерашней, решили не повторять. Достаточно было и чая, подливаемого сомлевающим гостям суетливым хозяином из большого пузатого чайника.

Разговор велся неспешный. Разве можно вести серьезные разговоры за ужином, да еще после баньки? Молота похвалили за заваренный им чай, после чего гоблин смущенно признался, что травки те особые, их собирала его бабушка.

— Хорошая у вас бабушка, мастер Молот, — похвалила Санайя.

— Хорошая. Когда захочет, — печально добавил собеседник и, поежившись, потер место пониже спины. Похоже, бабушка воспитывала его не только травками, но и прутиками.

Сгустившиеся сумерки уже плотно накрыли Лес и горы. Как будто большой и сильный художник-великан спрятал их несколькими мощными мазками огромной кисти. Темноту вдали усиливал свет магических огоньков над столом. Самое время для очередной жуткой истории, которую начала Дениз.

— ... и тишина вокруг! Первокурсников загнали внутрь круга, боевиков — по периметру. Девчонок тоже хотели за спины спрятать! Как же, не на тех напали! И вдруг...

В доме что-то громко тренькнуло.

— Молот, что там такое? — поинтересовалась Дениз у замершего гоблина.

— Периметр, — пискнул что-то непонятное старший базы и метнулся в дом. Опомился, выглянул из-за двери и крикнул: — Девочки, что же вы сидите? Немедленно в дом! Это может быть нападение!

Санайю сдернули с такого удобного диванчика и вмиг протолкнули в дверь.

— Так, стоп, отложить панику! — Дениз взяла организацию обороны на себя. — Санни, не трясись, Молот, оставь таз в покое, рассказы про то, что медный звон отпугивает нечисть, всего лишь байки неграмотных обывателей. Тихо, говорю я вам! Я тоже пробросила охранку, и она никакой нечисти или нежити не засекала. Похоже, Санни, это обещанные тобой гости.

— Маляв! — раздался от основного входа трубный голос. — Неужели сегодня обойдешься без сирены и танцев с тазиком? Открывай, это мы.

— А мы и не закрывались, — Дениз вышла с террасы и, обойдя дом, приблизилась к группе, стоявшей у главного входа.

— Оп-па, — крупный орк вполне соответствовал мощному голосу, — какая у нас появилась цыпочка. С шефом приехала? Или свободная?

Одна из девушек, стоящих за спиной орка, укоряюще вздохнула:

— Валд, у тебя одно на уме!

— А что еще ожидать от орка? — Дениз улыбнулась всем сразу. — В баньку пойдете? Или сразу ужинать?

— Прелестная незнакомка! — названный Валдом отставил в сторону снятый со спины огромный вещмешок и бухнулся на колени. — Только за одни эти слова я готов на вас жениться прямо сейчас.

— А я не готова! — оборвала его романтический порыв магичка. — Вы уж не обижайтесь, но после дороги от вас дурно пахнет. Так что в баню!

— Девочки первые! — сообщила одна из трех пришедших с отрядом женщин и, вручив все тому же орку свой рюкзак, почти бегом поспешила к баньке. За ней последовали ее спутницы.

— Всегда так, — Валд поднялся с колен и, протянув руку Дениз, назвал: — Валдор Першт. Те, что убежали, бросив нас и свои вещи, — Риса, Маэла и Грэйс. Кавалеры потом представятся сами.

Пришедшие с ними кавалеры — три человека, два гнома и два гоблина — времени зря не теряли. Они разобрали брошенные девушками вещи и потянулись к открытому к тому времени Молотом главному входу.

— Иер Валдор, — приветствовал орка суетившийся здесь же Молот, — а что ж вы так рано-то? То не дожدهшься, а то раньше срока вернулись.

— Была у нас причина, Маляв. Но о ней не сейчас. Лучше скажи, чем у нас так пахнет? Неужели твоя гостья, гостьи, — тут же с легким поклоном в сторону Санайи, стоящей в холле у входа, поправился он, — прибыли, чтобы научить тебя, как нужно готовить и принимать уставших с дороги путников?

— Мы прибыли на практику! Дениз эдГриг и Санайя дин Тиаграсса, — решила вмешаться, а заодно и представиться Дениз. — А готовить будем все по очереди! И мужчины тоже! Сегодня ужин вас уже ждет.

— Ужин. Ждет, — Валд разулыбался и бухнул огромной лапищей по груди. — Какие прекрасные слова. Гораздо лучше всех признаний в любви. Фиерина Дениз, иерина Санайя, я ваш навеки!

— Мы запомним, — предупреждение Дениз прозвучало очень похоже на угрозу, зато подействовало. Орк сразу стал серьезнее и,

выразив надежду, что сегодня еще встретятся, ушел наверх, в свою комнату.

— Ну что, пойдем собирать ужин? — обратилась Дениз к так и не сказавшей ни слова подруге. — Эй, ты чего такая? Испугалась этого пустозвона? Это же орк, а то ты их не знаешь. Слов много, но чего лишнего позволить — ни-ни!

— Денни, они пришли! Понимаешь, они пришли!

— Ну да, что здесь удивительного. Когда-то же отряд должен был вернуться.

Не то, чтобы Санайя не верила словам подруги и метрессы Ликинны. Но вот так осознать, что она и правда, владеет даром предсказания, и что ее хотели использовать и Пинешту и — что уж теперь отрицать — Риченд, было не просто неприятно, а жутко.

— Так, восхищаться своей гениальностью и исключительностью будешь позже, а сейчас — на кухню! Нужно накормить истосковавшихся по нормальной пище бродяг, — умеет Дениз выводить из ступора.

Надолго в бане девушки не задержались. Они, ничуть не стесняясь мужской части населения базы, продефилировали из бани в дом и дальше по комнатам, прикрытые лишь простынками, сообщив парням, что баня свободна. Мужчины также не стали затягивать с омовением, и вскоре все приступили к ужину.

Санайе никогда не приходилось находиться за столом в столь разношерстной компании. Ожидала ли она шумных разговоров о прошедшем походе и веселой попойки? Сложно сказать, но ни того, ни другого не случилось. Сотрапезники с аппетитом расправлялись с выставленными блюдами, вежливо интересовались у практиканток, каким ветром их сюда занесло, и ни слова не промолвили о состоявшейся экспедиции, ее целях и полученных результатах, и были ли они получены, те результаты. А ведь Молот обмолвился, что прибыл отряд раньше обозначенного срока. Что-то случилось? Вполне возможно. И вводить в курс дела посторонних никто не собирается. А Санайя и Дениз были здесь именно посторонними.

Закончив с ужином, Валдор поднялся и, несмотря на позднее время, направился в комнату, служащую одновременно кабинетом и библиотекой.

— Маляв, пойдем поговорим, — распорядился он.

Молот послушно отправился следом.

— Маляв? — тогда, при первой встрече, Санайя решила, что ей показалось, но нет, мастера Молота опять назвали Малявом.

— В гоблинском произношении Молот и есть Маляв, — пояснили ей.

Так вот оно что. Теперь понятно его нежелание сохранять родное произношение. Тем более Маляв так соответствует его внешнему виду, отчего, наверняка, бедняге было еще обиднее.

— А можно, я его буду по-прежнему звать Молот?

— Думаю, он не обидится, — улыбнулась Риса — миловидная короткостриженная брюнетка с пересекающим левую щеку лечебным пластырем.

Случайная царапина? Или последствие опасной стычки? Об этом пришедшие не распространялись. Понять их можно. Ведь и Санайя, и Дениз тоже не торопились выкладывать всю свою подноготную. Сообщили, что прибыли по направлению от Училища и Магуправления, и достаточно. Почему отправили? Все вопросы к руководству Училища и, опять же, Магуправления.

Посиделки надолго не задержались, все же пришедшие и правда, устали. Посуду каждый помыл за собой сам, после чего все разбрелись по комнатам.

— Санни, что ты обо всем этом думаешь? — спросила Дениз, как только они оказались у себя.

— Что-то случилось, и нас не считают нужным вводить в курс дела.

— Это понятно, — магичка сбросила одежду на ближний стул и, нацепив легкомысленную коротенькую пижамку, забралась под одеяло, — я про твой дар. Чувствуешь что-нибудь?

— Я? А что я должна чувствовать?

— Ну-у, не знаю, как-то же ты поняла, что они появятся. А ведь и разговора про это не было. Как оно у тебя проявляется? Видения? Озарения? Голос свыше.

Санайя поежилась.

— Нет, до голосов свыше я еще не дожидка. И видений никаких не видела. Просто... ну не знаю я, как это действует! Денни, ты предполагаешь, нам здесь что-нибудь угрожает?

— Не думаю, иначе нас бы предупредили. И потом, если бы в доме было опасно, одного Малява здесь бы не оставляли.

— А чего же он тогда боится? Вспомни, как нас встретил.

— Разве такое забудешь, — по голосу Дениз можно было понять, что она улыбается. — Но похоже, наш мастер Молот может испугаться и собственной тени.

— Не надо о нем так, Молот хороший.

— А я разве сказала другое? Он хороший, просто осторожный. А именно такие, осторожные, как говорит наш мастер теории боя, и живут дольше. Ладно, сегодня уже ни до чего не докопаемся, а потому давай спать, — магичка поворочалась в кровати и затихла.

— Давай. Только я окно на всякий случай прикрою, — Саная прошлепала босыми ногами к окну и тщательно заперла распахнутые настежь створки.

В комнате сразу же повисла тишина. Можно тоже ложиться спать. Поздно уже. Завтра будет новый день. Их не смогут держать в полном неведении.

ГЛАВА 9

Утром Санайя и Дениз вышли готовить завтрак вместе. Пришедшим вчера нужно было дать возможность хорошенько отдохнуть, а поручить готовку на почти полтора десятка едоков Молоту было бы опрометчиво.

Магичка основательно порылась в кладовых и с радостным криком вытащила на белый свет стазис-бокс с хранящимся в нем молочными продуктами: творогом, сметаной и маслом.

— Да здесь же питание, как в лучшем санатории можно организовать! — возликовала она. — Сырники?

— Давай, — согласилась Санайя. — Только, думаю, мужчины и от мяса не откажутся. А потому тащи и тот кусок бекона. Пусть каждый выберет еду по душе.

К завтраку будить никого не пришлось. Заспанные члены команды потянулись к столовой с верхнего этажа. И только Валдор и Молот вышли из кабинета. Это что же, они ушли туда еще до того, как девушки занялись приготовлением? Подруги молча переглянулись. Похоже, проблема, заставившая отряд вернуться раньше времени, оказалась серьезной. И опять за едой не прозвучало даже намек на нее. Переглядывания, недомолвки. Вскользь упомянули, что не вовремя шеф уехал, и опять вернулись к пустому трепу. Хотя нет, не совсем пустому, вроде бы невинные разговоры о учебе и личной жизни ненавязчиво подталкивали неожиданных — в буквальном смысле — практиканток выложить о себе всю подноготную и ответить на интересующий всех вопрос: а чего это ради на закрытую базу прислали двух недоучек? Дениз вяло отшучивалась, Санайя молчала. Не привыкла она к таким шумным и бесцеремонным компаниям.

— Санни, что с тобой? — как ни странно, но Молот первым заметил ее задумчивое состояние, да не просто задумчивое, почти ступор.

— Что? — она с удивлением оглядела притихшую компанию. — Что-то случилось? Случится? Не пойму, хорошо или плохо? Плохо, но хорошо. И-извините, — окончательно смутилась и замолчала.

Сотрапезники недоуменно переглянулись. Не хватало еще, чтобы к ним прислали психически ненормальную.

— Прошу прощения, — Дениз поднялась и сделала знак подруге, чтобы та тоже выходила из-за стола. — Мы позавтракали. Никто не возражает, если пойдём и займёмся своими делами?

Все находящиеся в столовой прекрасно знали, что никаких дел у девушек нет, но возражать никто не стал.

— Что ты видела? — начала допрос Дениз, едва за ними закрылась дверь собственной комнаты.

— Я? Ничего не видела, — Санайя уже пришла в себя и сама с удивлением размышляла, что это на нее нашло. Лягнула непонятно что, только подозрения в и так настороженных стражах вызвала.

— Ты это сказала не просто так. Про плохо, но хорошо. На базу нападут, но мы справимся, да?

— Нет, не знаю. Я не видела ничего, правда. Просто, понимаешь, сердце щемит, как будто должно случиться что-то слишком неприятное, а как начну в себе разбираться глубже, оно вроде как и от предвкушения замирает.

— Так, с этим разобрались. А когда это будет?

— Вечером, — не раздумывая, ответила Санайя, а потом осеклась. — Ой, я сказала вечером? Не знаю. Денни, я ничего не знаю! Сказала просто так, и все. Не накручивай ни себя, ни меня. Ничего плохого не случится. Я... мне надо уйти!

— Это куда?

— В Лес! Молот сказал, что в Лес можно. Там так хорошо, Денни, — мечтательно прошептала Санайя. — А пойдём вместе, а?

— Вместе? В Священный Лес ведуний? Хотелось бы мне там побывать, — задумчиво произнесла магичка, а потом, старательно скрывая смущение, добавила: — А вдруг меня туда не пустят?

— Кто? Молот? Валдор?

— Вообще-то, мы, как практикантки, должны слушаться всех работающих здесь, но... А! — Дениз отчаянно махнула рукой. — Не пустят, значит, не пустят, но попробовать-то нужно. Идем!

Подруги спустились в общую гостиную, где собрались все члены их пополнившегося коллектива, включая Хрунича, вольготно развалившегося на коленях Валдора. С досадой было отмечено, что

разговор при их появлении опять смолк. Первой молчание прервала Дениз:

— Задание для нас на сегодня будет? Кроме приготовления обеда! — указующий перст остановился на встрепенувшемся Молоте. — Я имею в виду задание по специальности.

Вопросов, кто же практикантки по специальности, не возникло, значит, с их бумагами все заинтересованные лица уже ознакомились. Ознакомились и признали их подлинность.

— На сегодня пока нет, — похоже, Валдор, как руководитель отряда, сейчас был здесь за старшего. — Прибудет начальство, пусть оно и озаботится вашей занятостью.

— Значит, продолжим самостоятельное знакомство с местностью, — озвучила решение Дениз. — Возражения есть? — и она пытливо оглядела лица присутствующих. Если бы существовала какая-то опасность, их бы никто никуда не пустил.

— Откуда ж вы взялись, такие деятельные, — мученически вздохнул орк.

— Из Училища боевой и прикладной магии. Я окончила третий курс боевого факультета. Санни — будет учиться на ведовском, — невозмутимо ответила Дениз. — Проходили практику в Главном Магическом Управлении Правопорядка, каждая в своем отделе. Руководство решило, что дальнейшее прохождение будет лучше организовать здесь. Вы не ознакомились с нашими документами?

— Хотел бы я знать, кто это решил, — задумчиво признался Валдор, пропустив вопрос о документах, сочтя его риторическим.

— Думаю, вы всегда можете это уточнить, — милая невинная улыбка могла растопить сердце даже самого сурового преподавателя. — Ну так что, если заданий для нас нет, мы пойдем? Есть ограничения, куда нам ходить нельзя? Мы планируем пойти в Лес.

— В Лес? — повторил орк. — В Лес можно. Если он вас пустит, — в его голосе проскользнули ехидные нотки.

— Вернемся к обеду, — информировала сразу всех Дениз, и подруги вышли.

— Так, кое-что выяснили, — магичка довольно потерла руки.

— Что? Что Лес может нас не пустить?

— Не нас, а конкретно меня. Ты, как я помню, вчера там уже побывала. А выяснили мы то, что все же есть места, куда нам соваться не стоит.

— Денни, надеюсь, ты не собралась именно туда?

— Вот еще! — показательно возмутилась магичка. — Только не с тобой.

— И без меня не пойдешь. Обещай!

— Ладно, обещаю. Только в сопровождении взрослых.

Саная протяжно вздохнула. Потом еще раз. Никогда ей не удастся выйти победительницей из спора с Дениз. Та всегда все повернет по-своему.

— Так, и что опять у нас за страдания? А ну рассказывай! Не веришь моим словам?

— Я верю, правда, верю. Я... понимаешь, Денни, как бы это сказать. Я так хочу быть похожей на тебя. Смелой, бойкой, сообразительной. А сама. Иногда кажется, если бы не ты...

— А ну прекратить самобичевания! Ты — это ты. И я верю, наступит время, и вся Тиирра, и не только, еще услышит о тебе. Ты смелая, я знаю, просто для проявления твоей смелости не предоставлялось возможности. И сообразительная. Добрая, отзывчивая. А что не бойкая. Так это не я, это язык мой бойкий. Иногда и подумать не успею, а уже сказала. А можно было бы и помолчать. Ну все, хватит напрашиваться на комплименты, придумала еще чего, не бойкая она. Лучше возьми меня за руку! Все же Лес — это Лес. А ты — ведунья. Представь меня ему.

Разговаривая, подруги дошли до опушки Леса. Может, они не заметили Молота, тайком наблюдающего за ними из дома, а может, сделали вид, что не заметили, что тут странного, смотрит и смотрит, пусть его. Саная подошла к дереву, осторожно провела по нему пальцами, приложилась щекой. Не для какой-либо показухи, а просто потому, что так захотелось.

— Здравствуй, Лес, — шепнула она. — Я опять пришла. А это Дениз, моя лучшая подруга. Можно, она пройдет со мной?

Лес ответил мерным покачиванием ветвей.

— Думаю, он разрешил. Только давай снимем ботинки, ладно? Ты знаешь, Денни, в Лесу такая волшебная трава! И деревья. И вода. И даже воздух! Ты мне веришь?

— Конечно, верю, кому же еще верить, как не ведунье и лучшей подруге, — Дениз сняла ботинки и носочки и шагнула на траву. — Эх, Санька! Пусть я и не ведунья, но все равно хорошо!

Время в Лесу пробежало незаметно. Девушки шли вперед безо всякой цели. Срывали ягоды и ели их. Когда хотели пить, пили из пробегающих ручейков, валялись на траве и, глядя в небо, рассматривали пробегающие там облака. Была у Санайи мысль показать Дениз водопад, но где его искать? Вчера пришла к нему случайно, похоже, сегодня туда дороги нет. Место не для всех? Очень даже может быть. Но магичка была благодарна и тому, что ее, вообще, пустили в Лес.

— Даже не знаю, кого благодарить за эту прогулку. Тебя, что пригласила, или Лес, что пустил меня сюда, — Дениз раскинула руки и закружилась. — Спаси-ибо!

Окружающие деревья снисходительно закачали ветками. Стоящей на краю полянки Санайе на миг показалось, что еще немного, и из-за деревьев покажется Он. Подойдет к Дениз и... Чтобы сбросить наваждение, пришлось потрясти головой. Ведь прекрасно знала, что такое возможно только два раза в году, и только с ведуньями. Приревновала? Глупости какие. Это к Дениз-то, влюбленной в своего преподавателя? А хоть бы даже и вышло у них что, у Денни и Кордеса, только порадовалась бы за подругу. Оба маги. Аристократы. Тьфу! Ну и мысли в голове бродят! Привидится же такой бред! Все бред, и то, что Кордес может появиться здесь, и то, что у них с подругой что-либо может получиться.

— Эй, Санни, Санни, а ну-ка, отойди от того дерева! — Дениз перестала кружиться, подошла к подруге и, осторожно взяв ее за руку, отвела в сторону от дерева, обронившего несколько пожелтевших листьев. — Опять листопад создаешь? Я понимаю, Лес волшебный, он и сам не пропадет от присутствия одной недоделанной ведуньи, и тебя подлечит, но давай, ты прижмешься к другому дереву.

Наваждение спало. Ну и глупости же лезут в голову! Дениз и Кордес. Корд.

— Я смогу. Я сделаю!

— Это правильно. Этот настрой полностью одобряю, — поддержала магичка.

Легко ей сказать: «Одобряю». А что делать-то? Забыть своего первого мужчину? Который ее ненавидит. Который показал на мгновение, каким может быть счастье, и ушел, обозвав ее падшей женщиной. От которого остался странный браслет из веточек на запястье. Что делать, Санайя пока не знала и сама. Забыть было бы лучше всего. Может, со временем это и удастся. А пока. Пока рана была слишком свежей и постоянно давала о себе знать, отзываясь в сердце и где-то в затылке щемящей болью и не проходящей обидой. За что? Этот вопрос никак не давал покоя. Странно, но именно Священный Лес, где все и случилось, давал малую толику этого покоя.

На базу подруги вернулись много позже полудня. С удовольствием съели оставленный им обед и как раз размышляли, чем же заняться, когда Валдор сам решил привлечь неожиданно свалившихся на его голову практиканток к работе.

— Значит, боевой маг и начинающая ведунья, так? — не столько спросил, сколько уточнил он.

— Так, — в голос подтвердили девушки.

— А ведунья, помимо всего, еще и счетовод?

Санайя согласно кивнула. В бумагах это все было указано.

— Ну так для вас нашлись дела, девушки! — орк расплылся в широкой улыбке. Нужно сказать, весьма впечатляющей. Только посмей после такой отказать ему в просьбе.

Отказывать никто не собирался. Если, конечно, просьба сугубо деловая.

— Мы готовы приступить к работе, — заверила руководство Дениз.

— Готовы. Это хорошо, — похоже, Валдор больше их самих был рад, что придумал девушкам дело. — Дениз эд'Григ, поступаешь в подчинение Шорда и Грэйс, помогаешь им обновить охранный периметр. Мы заметили твою работу, неплохо для недоучки, — похоже, это он про установленные Дениз маячки и охранные заклинания. — Санайя дин Тиаграсса, сможешь разобраться со скопившейся документацией. Вопросы, возражения есть?

Таковых не последовало. Дениз досталась работа по специальности, пусть и обозвали недоучкой, но ведь пока это так и есть. А Санни. А что Санни? Тоже по специальности. Той, которой на данный момент она владела лучше всего.

Чеки, ведомости, накладные, требования с подтверждением и отказом. Списки поступивших и выданных продуктов, инвентаря, артефактов и оборудования. Все это было свалено в одну большую коробку. Да папиного старшего бухгалтера иера Фетти удар бы хватил от такого беспорядка! А уж сам иер Фетти, когда бы очнулся, хватил бы тем ударом всех виновных в столь вопиющем нарушении отчетности.

Все это требовалось разложить по темам и датам документа. Все за этот год. Интересно, отчетность за прошлый сдали таким же коробом? Иера Трунича на них нет. Ворчливый комендант Управления вспомнился с неожиданной теплотой. У него было чему поучиться. Санайя даже улыбнулась. Может, стоит посоветовать отправить того, кто здесь занимается отчетами, на стажировку к вьедливому гному?

Ну да ладно, это потом, а пока стоит заняться делом.

Санайя заняла бумагами все горизонтальные поверхности кабинета-библиотеки, который Валдор, оценив масштаб действия, отдал ей в полное распоряжение и тактически отступил. Вот и хорошо, нечего здесь мешать, а то почему-то складывалось впечатление, что он слишком часто останавливал заинтересованный взгляд на ее склоненной над документами фигуре. Орки, они и есть орки, им только намекни, их страсть до женского пола была известна всем и даже почти не осуждалась. Что поделать, у всех есть свои маленькие слабости.

Вот и хорошо, что ушел. Можно подоткнуть мешающую ползать между разложенными на полу бумагами юбку и полностью уйти в работу.

— «Ар-ты ус-я сл. 2 шт. Сп-ть по выр-ке рес-са». И что это может значить? — поинтересовалась она у самой себя и собралась отложить измятую бумагу к немалой куче таких же загадочных. С ними придется разбираться с кем-то, знающим подобную тайнопись.

— Артефакты усиления слуха. Два штуки. Списать по выработке ресурса. Что здесь можно не понять? — ответили из-за спины на ее вопрос.

Ну как из-за спины? Спина, конечно, тоже была повернута в сторону входа, но учитывая, что Санайя рассматривала бумаги, разложенные на полу, то первым в глаза бросалось совсем другое

место, то, что в нормальном положении было немного ниже спины. Еще и колени оголены. Как неудобно-то. И кого это принесло так не вовремя? Точно не Валдор. Голос не такой гулкий, да и разговор орк начал бы совсем с другого. Медленно развернулась. Первый порыв уползти за стол и там спрятаться удалось преодолеть. А потом. Что на нее нашло? Не иначе уроки Дениз подействовали. Или тетушки Лачи.

— Это опять вы! Да сколько можно? Прекратите меня преследовать! Или я за себя не отвечаю. Да знаете вы, с кем связались?! — несчастная шифровка с «Ар-ты ус-я слуха. 2 шт. Сп-ть по выр-ке рес-са» была безжалостно домята и брошена в фиера Кордеса эд'Пинкрона, изумленно замершего на пороге.

— Санни, солнышко, что случилось? — в поле зрения попал изумленный подобной встречей орк.

Он назвал ее солнышком? Сейчас тоже получит свою порцию ведьмовского гнева. Саная исступленно сдула с лица упавшую прядь и уже приготовилась высказать Валдору все, что думает о его орочьей любвеобильности. Некстати — или кстати? — вспомнились слова Дениз: «Иногда и подумать не успею, а уже сказала». А если подумать? Тогда, пожалуй, стоит разыграть другой вариант.

— Валд, дорогой, — ей даже удалось поджать губы капризным бантиком, — что у нас на базе делает этот авантюрист?

Мужчины дружно посмотрели друг на друга и замерли в недоумении. Похоже, ей все же удалось ввести в ступор сразу обоих. Огромный орк отвел глаза первым. И что он увидел во взгляде своего визави, что так стушевался?

— Э-эм, иерина дин Тиаграсса, — дипломатично начал он, — видите ли, фиер Кордес эд'Пинкрон является руководителем нашей базы. То есть, моим, а теперь и вашим непосредственным начальником. Ну, я пойду, да? А вы тут разбирайтесь, — и Валдор позорно сбежал. Оставил беззащитную девушку на растерзание.

Позвать Дениз? Похоже, кроме нее, никто на этой базе не придет на помощь. Но Дениз где-то укрепляет периметр. И вообще, сколько можно быть бесхребетной трусихой!

— Я смогу!

— Что вы сможете, иерина дин Тиаграсса? — мягко поинтересовался этот гад.

— Разобраться с этим ужасом, который творится в бумагах! — Санайя подняла голову и дерзко — по крайней мере, она надеялась, что дерзко — глянула в глаза собеседнику. Карие. Какие же они притягательные. Как бы не утонуть.

Тряхнул головой, первым прерывая контакт взглядов, осмотрелся, словно только что заметил эту попытку упорядочить хаос, резко развернулся и вышел, излишне громко закрыв дверь. Можно считать, что поле боя осталось за Санайей? Внешне да. А что творится внутри? Внутри все тряслось от страха и... пело от предвкушения чего-то волшебного.

До самого ужина ее никто не беспокоил. Разумная мысль, что начальнику, видимо, тоже нужно бы поработать в кабинете, и именно за этим он сюда и явился, не нашла подтверждения. Либо его дела были не столь срочными, либо же их можно было исполнять в любом другом месте.

Не пришел. Ну и ладно, не очень-то и ждали, ведь так? Точно так. Они еще обязательно встретятся. Почему? База небольшая. Зачем? По работе. Только по работе. Ну, и рассмотреть его хорошенько. Только для того, чтобы отыскать, наконец-то изъяны. Не может быть такой негодяй столь красивым и притягательным, каким показался при быстрых осмотрах. И наощупь.

Работа остановилась. Буквы и цифры в документах окончательно потеряли смысл. Кажется, Кордесу эд'Пинкрону удалось вывести ее из себя.

— Я смогу! Я забуду его! Я смогу, смогу, смогу!

— Конечно, сможешь, подруженька, — в комнату зашла Дениз. — У-уу, как ты тут развернулась. Справишься, я не сомневаюсь. А сейчас пойдем ужинать, уже все собрались. Маляв сказал, начальник базы приехал. Вроде как должен сделать заявление. Ух, Санни, неужели нам, вернее, мне, удастся поучаствовать в настоящей заварушке? Судя по тому, как мы укрепляли периметр, случилось что-то серьезное.

Идти на ужин, где будет он? Можно отговориться занятостью. И это была бы вполне приемлемая отговорка, документы и правда, находились в жутком беспорядке. И это только одна из причин. А еще можно сказать...

— Денни, это он.

Дениз поняла сразу. Уж что-что, а размышлять и делать выводы она умеет.

— Начальник базы — Кордес эд'Пинкрон?

— Да, Денни, — Санайя бессильно прислонилась к диванчику, возле которого сидела со стопкой накладных в руках. — Ну почему так получилось? Почему?!

— Сама не догадываешься?

— Ты думаешь?..

— Именно так.

— Ну метресса Ликинна, ну сводница! Вот же в-ведьма!

— Санни, Санни, — Дениз аккуратно вытащила из рук подруги пострадавшие бумаги и положила их прямо на пол, к куче еще таких же, — а не пора ли тебе вспомнить, что ты тоже ведунья?

— И то правда. Спасибо. Чуть не забыла, — абсолютно зеленые ведьмовские глаза мстительно сверкнули. — Идем ужинать! Мы им еще покажем! Мы им всем покажем, как обижать слабых беззащитных ведьм!

— И магов! — добавила Дениз, и подруги решительно направились в столовую.

Сесть на противоположном конце стола от властителя ее дум — а как еще его назвать, если это так и есть? — было не лучшей идеей. Да, далеко, как только возможно, но ведь напротив же! И смотреть на своего визави могла не только Санайя, фиер эд'Пинкрон тоже больше смотрел на нее, нежели в свою тарелку. Сколько трудов стоило отправлять в рот один безвкусный кусок за другим. И пусть кто-то не думает, что смог лишиться аппетита! Полила котлету смородиновым вареньем? Да, полила, и что? Мало ли у кого какие вкусы. Котлета с вареньем была героически съедена под пронзительным взглядом почти черных глаз. Странные эффекты выкидывает вечернее освещение, ведь Санайя абсолютно точно запомнила, что глаза у него карие. Да не все ли равно, какие глаза! Хоть красные, хоть белесые. Нет, пожалуй, белесые ему бы совсем не подошли, а красные — бр-рр, только не красные. Такие бывают у некоторых видов кровососущей нежити.

Тысяча лет мучений, и ужин закончился. Можно встать и уйти. Так захотелось прямо сейчас попасть в Лес. Крепко-крепко прижаться к дереву и постоять так хоть немного.

— Прошу внимания, — голос начальника базы прервал непринужденный треп, ведущийся за столом.

Все присутствующие без какого-либо удивления и любопытства воззрились на шефа. Похоже, то, что он хотел сказать, было известно уже всем. Кроме двух так некстати навязанных девчонок-практиканток.

— Итак. Кратко проясню ситуацию, — начал свою речь фиер эд'Пинкрон. — Три дня назад отряд Валдора Пешта — ваш отряд — столкнулся с необъяснимым явлением, сейчас не будем вдаваться в подробности этого явления, — что здесь не понять, не хотят вводить в курс дела тех, кого считают посторонними. — Сейчас можно сказать лишь одно: это может быть опасным. Нет, не так, оно опасно! А потому издаю приказ, пока устный, завтра утром каждый ознакомится с ним под роспись. Никаких самостоятельных прогулок за пределами периметра базы! — и посмотрел почему-то на Санайю, как будто именно она собиралась сбежать за периметр. Впрочем, на нее он смотрел все время. Как только глаза не устали. Меж тем мужчина продолжил: — Отряды Штоллера и Квинти уже получили приказы срочно возвращаться на базу. После их прибытия формируем исследовательскую группу из необходимых специалистов и боевиков и отправляемся на изучение феномена. Вопросы есть? — а сам продолжил смотреть на Санайю.

Именно от нее ждал вопросов? Вопросы были. Очень много вопросов. Но задать их она никогда не задаст. Ни при таком скоплении народа, ни наедине. Наедине? Вот еще, не собирается Санайя оставаться с этим негодяем наедине. И если он думает, что домашняя девочка, испугавшись, побежит домой, то очень ошибается. Никуда она не побежит. И не потому, что некуда бежать, а потому, что решила попортить ему жизнь. Да, именно так! А то ишь, какой важный и самодовольный. Говорят, ведьмы вредные? Нужно бы посмотреть книги на полках кабинета. Есть там что-нибудь про вредных ведьм? И, если есть, взять их методы на вооружение.

Пока Санайя копалась в себе, Дениз взялась выяснять интересующие ее вопросы.

— Фиер эд'Пинкрон, скажите, пожалуйста, по какому принципу будет формироваться штурмовой отряд?

— Исследовательский отряд, — тут же поправили ее.

— Я и говорю, исследовательский, — покладисто согласилась магичка.

— Дело может быть опасным, поэтому по принципу добровольности.

— Я доброволец! Я боевой маг! У меня по всем боевым дисциплинам только отличные оценки! — кто бы сомневался, Дениз никак не могла остаться в стороне от захватывающего, по ее мнению, приключения. Сами они ее находят, что ли?

— Будущий боевой маг, — язвительно поправил фиер Кордес.

— Вы не имеете права лишать меня возможности приобретения боевых навыков! — как же сейчас Дениз походила на возмущенного воробушка, собирающегося наброситься на дворового кота.

— А какие я имею права? — вкрадчиво спросил начальник базы. — Нести ответственность за жизнь и здоровье двух недоучек? Носы им вытирать? Да если бы не сложившаяся ситуация, катили бы вы уже отсюда в сторону Иуренга!

Удивительно, но в кои-то веки Дениз не нашлась, что ответить. Вот еще, не удастся какому-то гаду взять верх над ее подругой!

— И на это вы не имеете права, — если бы Санайя могла сейчас видеть свои глаза, то заметила бы, как они потемнели. — У вас есть приказ начальника Магического Управления, там четко обозначены сроки начала и окончания нашей практики. Так что будьте добры обеспечить нас этой практикой. В пределах указанных сроков и специализации!

От этой речи опешили все, включая фиера эд'Пинкрона и Дениз. Особенно Дениз. У магички хватило воли лишь на то, чтобы решительно кивнуть головой, соглашаясь со словами осмелевшей подружки.

Кордес поднялся. Он оглядел тяжелым взглядом притихшую компанию и сообщил:

— С приказом ознакомитесь завтра. Завтра же... практиканты получают соответствующее их знаниям и квалификации задание. А сейчас — все отдыхать! — сказав так, он быстрым шагом удалился из столовой.

Бессовестный Хрунич испортил всю торжественность ухода начальства. Кот, высоко задрав роскошный хвост и выставив всем на

обозрение более темное, нежели остальная шерсть, могучее хозяйство, гордо торчащее под хвостом, вышел следом.

— Чего это он? — тихонько поинтересовалась Риса.

— Уехал злой, вернулся — еще злее, — жалобно сообщил Молот. — А как узнал про практиканток, так совсем разъярился. Наорал на меня. Как будто это я девчонок прислал. А я же только принял и разместил согласно указаниям вышестоящего начальства.

— Пожалуй, и правда стоит отдохнуть, — первая решила покинуть компанию Дениз. — Идем? — обратилась она к подруге.

Санайя бы еще посидела. Послушала. Может, узнала еще что-нибудь про их злобного начальника. Уж не после их ночной встречи в Лесу так разозлился фьер Кордес? Очень на то похоже. Но лучше уж добраться до комнаты в сопровождении магички, а то вдруг он повстречается и... Что случится тогда, думать не то, чтобы не хотелось, но запрещалось. Не готова была Санайя к подобным встречам. Сначала нужно все обдумать. Посоветоваться. И взяться за осуществления плана. Ах, да, сначала придумав этот самый план.

— Нет, ну надо же, каков наглец! И как только в голову такое могло прийти? Меня, боевого мага, и пытаться отстранить от задания! Нет, ты только подумай! Ты только подумай! Меня — и отстранить! — Дениз беспокойно металась из угла в угол, активно делясь с подругой своим возмущением. — А ты, Санька, молодец! Как ты его! И правильно! Ибо нечего. А как смотрел, как смотрел. Точно удав. Саньк, он тебе совсем-совсем не нравится?

Кажется, разговор, вернее, монолог, свернул совсем не туда.

— Ты хочешь сказать, что он понравился тебе? — попытка уйти от прямого ответа вызвала неприятные ощущения под ложечкой и закономерный взрыв от подруги.

— Не переводи стрелки! — магичка подскочила к подруге и укоризненно поводила перед ее носом указательным пальцем. — Во-первых, мое сердце прочно, пусть и безнадежно занято, и тебе это прекрасно известно, а во-вторых, заглядываться на мужа ведуньи, к тому же, лучшей подруги? Пфф, я похожа на совсем безголовую? Даже если он красив, как бог. Санька, а ведь он и правда красив. И потом, он на тебя та-ак смотрел! Как будто съесть хотел.

— Съесть, говоришь? Если только с особой жестокостью, тогда поверю.

— А что? Некоторым нравится и немного горчинки в отношениях. Все, молчу, молчу, — поймав гневный взгляд, выставила вперед ладони Дениз. — Но рассказать, что ты чувствуешь, ты просто обязана.

— Знаешь, Денни. Взял как-то нас папа с собой в небольшое путешествие на одном из его кораблей. И вот там, в океане, нам удалось наблюдать смерч. Все кружится, поднимает кучу воды и рыбы. Очень страшно. Порой мне кажется, что у меня в голове творится то же самое. Я надеялась, что Лес вернет мне спокойствие. То ли с Лесом что-то не так, то ли со мной. Все, что я так тщательно лелеяла, во что верила, разбилось в одночасье и унеслось неизвестно куда. А то, что осталось... а осталось ли что-то, Денни? — Санайя с сомнением посмотрела на подругу.

— Так, стоп-стоп-стоп, — подруга выставила руки ладонями вперед. — Улетело у нее все. А что улетело? Твое увлечение эд'Рочестером? Тихая спокойная жизнь? Твоя детская наивность? Само детство? Ты потеряла что-нибудь, без чего никак нельзя жить? Ты силу приобрела! И мужа, да-да, как бы вы не трепыхались, но он тебе муж! И разбираться с ним ты будешь сама! И разберешься! Еще как разберешься. Поверь мудрой тете Денни, — мудрая тетя Денни ловко увернулась от ожидаемого тычка и продолжила: — И только попробуй сдать без боя. Пусть знает наших!

— Сдаться, — Санайя усмехнулась. Ну и оптимистка Дениз, — пока и сдаваться некому.

— Ну да, ну да, — по интонации можно было понять, магичка даже не пыталась сделать вид, что соглашается. — И смотрел он на тебя просто так. И, Санни, ну вспомни, что нам про него говорила метресса Ликинна. Думаешь, только ты одна мучаешься? У него ведь до встречи с тобой тоже была жизнь, и он тоже мог испытывать боль потерь и разочарований. И сейчас в таком же смятении, как и ты. Думаешь, богиня Веда стала бы соединять несоединимое?

— И что ты предлагаешь? Пожалеть и извиниться?

— Нет, ни в коем случае! — замотала головой Дениз. — Помучь его, а потом... потом решай сама. Но и изводить себя я тебе не позволю. И вообще, давай спать, завтра будет новый день.

— Давай. Только, Денни, мне бы в Лес сходить. Так муторно на душе. Я не пойду далеко! Постою возле крайних деревьев, и сразу обратно.

— Наше магическое ограждение Лес не затронуло. А выходить за периметр, сама знаешь, запрещено. Тебе плохо, да? Если так, то мы попросим, может, выпустят.

— Нет, ничего, это я так. Ты права, давай спать.

ГЛАВА 10

На следующее утро все ознакомились с обещанным приказом и поставили под ним свои подписи. Если и начали формировать исследовательский отряд, то практиканток даже не удосужились поставить в известность. Видимо, фиер эд'Пинкрон лично проверил вчерашнюю работу Дениз, потому что именно ей поручил проверку и обновление защитного периметра. После того, как раздал всем задания, в том числе, практикантке-магичке, и все разошлись, он обратился к Санайе:

— Иерина дин Тиаграсса, чтобы дать задание вам, сначала я должен ознакомиться с вашими навыками, умениями и возможностями. Училище боевой и прикладной магии, ведовской факультет? Первый курс. Как я понял, только предстоит. Так? — Санайя согласно кивнула. А что еще оставалось делать, ведь это все написано в бумагах, которые он сейчас держал в руках. — Надо же, какой взлет. Еще толком не начали учиться, а уже получили практику в самом желанном учреждении Тиирры. Мало того, в одной из самых закрытых точек. Если бы я хорошо не знал начальника Магического Управления, подпись которого заверяет эти документы, — он потряс направлением, — я бы решил, что его купили, заставили или охмурили. Но фиер эд'Бюрон неподкупен. Приказать ему может только король. Повлиять магическими или вашими, ведовскими методами? Отпадает. Он от этого прекрасно защищен. В отличие от некоторых, — это что же фиер Кордес сейчас на себя намекает? Ладно, пока стоит помолчать и послушать, куда же он клонит. — Итак, за какие такие заслуги и умения вас сюда прислали? Вы можете ставить ведовскую защиту? — Санайя отрицательно покачала головой. — Ваши заговоры, настойки и декокты излечивают раны и возвращают к жизни? — и этого ведунья не могла. — Умеете договариваться с природой? Растениями? Животными? С духами троп? Что вы можете, иерина дин Тиаграсса?

Как же щиплет глаза. Но плакать при нем? Да ни за что! Вот сейчас как что-нибудь придет в голову! Дениз бы уже давно придумала

ответ. Санайя высоко подняла подбородок и глянула прямо в глаза своему кошмару. Растерялся? Не ожидал? Сама не ожидала.

— Не ходите с отрядом.

— Что? Я не прошу у вас совета, что делать мне. Я спрашиваю, что делать с вами.

— Вы начальник, вам и решать, — Санайя безразлично пожала плечами. И что это ее дернуло сказать такое?

Как же ей нужно попасть в Лес. Прижаться к теплому живому дереву. Тогда бы слабость и шум в голове мгновенно ушли. Сейчас же все силы уходили на то, чтобы держать подбородок высоко поднятым.

— Значит, ведовских умений пока нет. Что ж, бесполезных гостей мы здесь не держим. А потому продолжайте пока разбирать документы. Валдор говорит, у вас это получается лучше всего. Сразу, как только ситуация стабилизируется, отправитесь обратно. Здесь, как вы могли заметить, не курорт и не пансион для благородных барышень.

Сил хватило ровно на то, чтобы кивнуть, развернуться и выйти из небольшой гостиной, временно, по причине захламленности кабинета бумагами, превращенной в штаб базы.

— Санни, все нормально? Он тебе ничего не сделал? Оскорблял? — милая верная Дениз поджидала прямо за дверью.

— Нет, не оскорблял. Говорил только правду. Ну какая из меня ведунья? Я же еще ничего не умею. Только обуза. Денни, и как только ты справляешься с этой взрослой жизнью?

— Когда как. Но ты не думай чего! У тебя тоже получается. Только свалилось все сразу. Ты справишься, уж мне ли не знать мою подружку. А ну-ка, выше нос! — магичка уверенно тащила ее к заднему крыльцу.

— Не поднимается.

— Поднимем обязательно! А пока давай посидим здесь, — Дениз подвела подружку к одиноко стоящему дереву и, потянув за руку, плюхнулась на землю.

Под деревом стало немного легче. Нет, сдавливающая грудь тоска никуда не делась, но онемение губ и кончиков пальцев, беспокоящие последние полчаса стали проходить. Санайя поднялась.

— Пойдем, а то дерево может погибнуть, — можно даже не оборачиваться, чтобы узнать, что его листва пожелтела. — Да и

работать пора. У тебя — периметр, у меня, — Санайя криво улыбнулась, — отчетность. Стоило ли ради этого сюда ехать.

— Ты же знаешь, что не к отчетности тебя сюда прислали, — задумчиво отозвалась Дениз.

— А к кому? — спорить с подругой не хотелось, но и признавать, что метресса Ликинна занялась банальным сводничеством, тоже как-то не получалось.

— К Лесу, — умеет же магичка вовремя напустить на себя невинный вид. — А ты что подумала?

— Да, к Лесу. Только меня туда не пускают! А мне очень нужно, Денни. Я, я как будто задыхаюсь без его подпитки. Как будто сам жизнь из меня уходит! Ты мне веришь?

— Верю, как не верить. Стоит только на дерево глянуть. Ты и сама знаешь, что это. Голод силы. И стабилизировать твое состояние может только одно. Метресса Ликинна и срок озвучила.

— Только попробуй ему скажи, что со мной что-то не так! Я... я дружить с тобой перестану! Я пешком отсюда убегу! И вообще, пойдем работать! У меня там бумаг немеряно! — Санайя припустила к дому. Дениз, конечно, ее лучшая подруга, но иногда так хочется побыть одной.

— А то он сам не видит, — тихо раздалось вслед.

День прошел без происшествий. Полностью зарывшись в документацию, Санайя даже не отвлеклась на шум приветствий. Похоже, прибыла одна из двух групп, которым было приказано срочно возвращаться. Точно, народу на базе прибавилось, даже на ужин расселись и в столовой, и на террасе.

Как удачно получилось занять единственное свободное место за столом на террасе. Теперь задержавшийся начальник точно не будет сверлить ее своим пронзительным взглядом. Пришедшие с интересом смотрели на новеньких, но ни о чем не спрашивали и сами не спешили делиться впечатлениями. Похоже, были уже в курсе. Ну и ладно. Это Дениз интересны детали наметившейся заварушки, Санайя же все равно ничем не сможет помочь. Разве что не мешать. А потому, закончив с едой, нужно встать из-за стола и, вежливо попрощавшись и убрав за собой, удалиться в их с Дениз комнату.

Хотелось бы погулять, хотя бы в пределах обозначенного периметра. Но какие мысли возникают при виде одиноко гуляющей девушки? Правильно, присоединиться и развлечь своим драгоценным вниманием. Ну уж нет, лучше в комнате. А выйти можно потом, когда стемнеет, и все улягутся.

В сумерках пришла довольная Дениз.

— Не спишь? А мы развлеклись немного. Там небольшой полигон есть, заклинаниями побросались. Я доказала, что сражаться могу ничуть не хуже многих! Они должны меня взять! Санни, ты чего так смотришь? — магичка взяла подругу за плечи и посмотрела ей в глаза. — Что ты задумала? Признавайся.

— Денни, мне нужно в Лес. Или ты откроешь для меня периметр, или я пойду сама. Мне там безопасно, я знаю! Денни, ну пожалуйста!

— Ладно, не паникуй раньше времени. Надо, значит надо. Когда это Дениз эд'Григ отказывалась от авантюры?

Вышли подруги, когда совсем стемнело, и в доме почти все затихло. Девушки оставили обувь в комнате, как заправские шпионки пробрались к заднему выходу из дома, и, придерживаясь в его тени, пробрались как можно дальше.

— Нет, ну эту ведунью можно понять, но я-то, я-то! — ворчала сама на себя Дениз, по-пластунски ползя к кромке Леса. — Серьезный маг, почти дипломированный специалист, и так нарушаю дисциплину!

— Не нравится, ползи обратно! — пыхтела в паре шагов от нее Санайя. Сейчас она жалела только об одном: нужно было надеть брюки, как и советовала подруга, в юбке ползти было очень неудобно.

— Ну да, скажешь тоже, обратно. И пропустить все веселье? Ну уж нет. Что нам сделают, если поймают? Отправят обратно? Не смогут, шеф уже признал это. Не возьмут с собой? Так итак не берут. Хоть развлечемся. Санни, — Дениз приподняла голову, — а вдруг нам удастся наткнуться на то, что... ну, за чем они собираются идти? И мы его...

— Даже и не думай! Мы просто постоим у кромки Леса, и вернемся обратно. Ты что-то чувствуешь? Я имею в виду опасное? Нет? Вот и славно, — сочтя, что отползла уже достаточно далеко, Санайя приподнялась и направилась к ближним деревьям.

— Ой, Санни, ты куда это?

— В Лес, куда же еще. В отличие от некоторых, меня на неизвестные подвиги не тянет, я четко знаю, что хочу.

— Санни, а ты это, — косноязычная речь была не в правилах Дениз, но сейчас она растерялась. — Ты же за периметр вышла! А я здесь. И я не могу через него пройти.

— Ну так и посиди там, — тут же сориентировалась ведунья. — Не нужно ничего распутывать. Так мы точно никого не потревожим. А я быстро, — она обняла ближайшее дерево и прижалась к нему всем телом. Постояв так немного, отошла к другому, потом еще и еще.

Переходить так можно было бы долго, но, кажется, пришла пора возвращаться.

Только Санайя подошла к подруге, как послышались шаги. Начальник собственной персоной. И чего ему не отдыхается. Опять решил поискать приключений?

— Фиерина эд'Григ, иерина дин Тиаграсса? Что вы здесь делаете?

— Гуляем. Дышим свежим воздухом перед сном. Этого тоже нельзя? — Дениз поднялась на ноги и демонстративно отряхнула руки от налипших сухих травинок.

— Не могли бы вы делать это не столь близко от ограничительного периметра?

— Если вы так настаиваете, — сладким голосом пропела магичка и покорно пошла к дому, при этом, не слишком принижая голос проворчала: — Днем, значит, даже нужно к периметру, а ночью нельзя. Этих мужчин не понять.

Санайя покорно пошла следом за ней. Фиер эд'Пинкрон остался. И что он там желает рассмотреть? Дениз уверяла, что нити заклинания нетронуты. Как? Да кто же его знает.

Едва на следующее утро Санайя взялась за не желающую уменьшаться кучу бумаг, как в открытое по случаю летней погоды окно стали слышны приветственные крики. Сначала радостные, а потом тревожные. Вернулась еще одна группа? Похоже на то. И, судя по крикам, у них не обошлось без неприятных происшествий.

Это конечно, возвращение отряда, в котором Санайя никого не знала, ее совершенно не касалось, но и сидеть, уткнувшись в бумаги, и не поинтересоваться, что же случилось, было бы неправильным. Она

поспешила к входу в дом, где уже собрались почти все члены их коллектива.

Наконец, в доме появились уставшие пропыленные исследователи. Первыми шли орк Валдор и фиер Кордес, они несли самодельные носилки с неподвижно лежащим на них телом.

— Штоллер, Маляв, идите за нами. Будем приводить в себя эд'Квинти. Остальные разошлись и не мешаем! — резко приказал начальник базы, удаляясь в одну из комнат на первом этаже.

Поначалу, во исполнение приказа, Санайя хотела вернуться в кабинет, но подруга ухватила ее за руку и потащила за всеми на террасу. И то правда, им ведь не приказали разойтись по рабочим местам, а значит, можно послушать, что же приключилось с членами этого отряда.

Вновь прибывших разместили за накрытым столом и, пока те насыщались, жадно смотрели им в рот, ожидая начала рассказа. Наши подруги забились в самый дальний уголок, нисколько не возмущаясь прикрывшими их могучими спинами. Это не беда, что ничего не видно, зато и сами не бросаются в глаза. Слышно-то отсюда прекрасно. Стоило членам третьего отряда утолить первый голод, как отовсюду посыпались нетерпеливые вопросы.

— Ну что, Мититц, что случилось с эд'Квинти? Не томите уже, рассказывайте!

— Получили приказ возвращаться, — степенно начал тот самый Мититц — плотный невысокий гном с когда-то рыжей, а сейчас по случаю запущенности сизо-пегой всклокоченной бородой. — А у нас же там все развернуто было. Пока собрали, пока законсервировали, опять же, эксперимент по дианукрации релидия нельзя было прерывать. Не довели до конца, конечно, но уж как получилось, что там, приказ есть приказ.

— Мититц, не тяни, — раздался нетерпеливый женский возглас. — Что с эд'Квинти случилось? Он... сильно пострадал?

— Так оно как пострадал. Пострадал, — согласно подтвердил гном. — Но я ж к тому и веду. Свернули мы, значит, лагерь, и выступили обратно, как приказано. Шли, как полагается. Те, кому положено, впереди и по флангам, а кто, чтобы не мешать, те в центре, все по уставу. И вдруг, как откуда бы голос чужой, женский: «Унаочи!» А это ж по-гоблински «Опасность». Пусть гоблинов в нашем отряде

нет, но слово распознали почти все. Насторожились. Мы-то, исследователи, что. Наше дело не мешать, а боевики артефакты приготовили, отдали нам вещи громоздкие, что помешать могли, и пошли мы дальше. А опасности-то и не видать! В горах или среди камней я бы что почувствовал, но не было от камней опасности, это точно. Был бы среди нас гоблин, или хоть ведунья какая, может, на своем, природном плане и рассмотрели бы чего, не зря же тот крик гоблинский был. Лес-то, он совсем близко, не иначе, его жрица дело, весточку передали, и на том спасибо.

— Мититц! — вопль из мученического перешел в угрожающий.

— А потом все и случилось, — резко покончил с философскими рассуждениями степенный рассказчик. — Боевики наши огнем да молниями как давай в пустое место палить. И вот ведь оно как. Летит тот огонек, значит, шипит, громко так шипит, а потом, бац, и замолкает! И как сдувается. Пока наши умники догадались, что место то магию тянет, а они-то его по незнанию напитокывали. А потом там в центре мерзость какая-то образовалась, какая — не у меня спрашивайте, я ж из-за боевиков особо и не видел. Ворочался там где-то тот чудик, значит, но пока не нападал. Привыкал, наверное.

— Инуорш*, — послышался чей-то поясняющий голос.

— Да ну, откуда в наших местах взяться этим тварям? Все крупные проходы давно запечатаны. Да, аномальные места, но не настолько же. До Неизведанного Материка нам далеко, — раздалась недоверчивые возгласы сразу с нескольких сторон.

— Так или нет, нам он не представился, и взялся откуда — не сообщил, а сразу напал. Да не так напал, что сам напал, а вроде как тоже магией, тянуть ее из магов наших стал! — дождавшись тишины, продолжил Мититц. — И как только самого сильного вычислил. Вот эд'Квинти стоял, распоряжения отдавал, а потом вдруг резко бледнеть начал, как барышня какая благородная. Но то ж эд'Квинти, сами его знаете, может, и благородный, но слабенькой барышней его точно никто не назовет. А он уж и на землю оседать стал. Успел только крикнуть: «Всем отступить! Атаки прекратить. Меня не трогать!» Как есть, умом повредился. Боевики его приказ послушали, огоньки да что там еще заготовили, спрятали. Но, это еще фиер Кордес с ними разбираться будет, уходить-то и не собирались! А сами ж, смотрю,

тоже вроде как сбледили. Я-то не на чудище смотрел, чего мне на него смотреть, вот и заметил, что нехорошо им.

— Мититц, это можешь пропустить, — попытались скрыть ненужные детали те самые боевики.

— Ну уж нет, и я молчать не буду, и сами потом все свои ощущения, вплоть до тех, что под коленками были, фиеру Кордесу расскажете. Отчет должен быть полным, — гном, он и есть гном. Похоже, именно из-за дотошности именно его попросили рассказать о приключениях отряда. Боевики могли расписать сам бой, но упустить что-то важное. Настоящий гном этого не сделает никогда. Пусть и утомит всех отступлениями и мелкими деталями. — Так вот, я и говорю, сил одолеть ту тварь нет, надо уходить. А эд'Квинти-то уже и глаза прикрыл. Чего удумал, бросить его и уходить! Ну, я его на плечо взвалил и пошагал прочь, так и выбрались, значит. Вещи многие, правда, оставить пришлось, но изыскания при нас, в отдельном планшете документики-то важные все лежали, а планшетик завсегда при мне. Отдохнем немного, подробный отчет составим. Да только говорю же, не закончили мы изыскания, какой отчет, так, наметки одни.

Не зря слава о гномьей силушке ходит, ох не зря. Как успела рассмотреть Саная, лежащий на носилках начальник третьего отряда эд'Квинти был далеко не хрупкого телосложения, а Мититц его вынес на собственных плечах.

Похоже, основной рассказ был закончен. Отдельные эпизоды походов будут обсуждаться не единожды, но основная мысль ясна: в заповедные места пришло что-то чужое. Чужое и страшное.

Зашумели все сразу. Кто-то стал тут же высказывать предположения. Возник неизбежный спор, с выяснением, с чем же пришлось столкнуться третьему отряду. Стали сравнивать с теми данными, которые были у первого и второго. Второй ничего на своем пути не заметил, а вот первый, который и поднял тревогу, повстречал миитов* — мелких демонических существ. Единичные их особи могли пробраться из потустороннего мира в прорехи мироздания. Чаще всего это случалось в таких нестабильных районах, как этот. Еще Неизведанный Материк кишел ими и им подобными. Но иногда встречались эти твари и в обжитых и давно изведанных и спокойных в магическом плане местах. Справиться с миитом магам не сложно.

Насторожило отряд Валдора то, что их было около двух десятков сразу. Такого припомнить никто не мог. Теперь еще и инуорш, пусть он и не напал на них в буквальном смысле, и утверждать, что быстрое, почти мгновенное магическое истощение магов — его заслуга, пока не стоит, но уже сам факт его появления был очень неестественным для этих мест.

Похоже, в округе творится что-то злое. Открылся проход в потусторонний мир? Санайя так мало знала об этом. Незачем купеческой дочери было интересоваться подобными полумифическими байками. И вот она оказалась совсем рядом с одним из мифов. Надо признать, довольно страшных.

А ведь тетушка Лачи говорила что-то подобное. Вспомнить бы, что. Лес обидели? Нехорошие дела творятся? Уж не про это ли она говорила? Еще и предупреждение на гоблинском, услышанное отрядом эд'Квинти. Нужно обязательно поделиться этим. Но с кем? С Мититцем? Валдором? А они все равно отправят к эд'Пинкрону. Как же тяжело с ним разговаривать. Но и утаивать эту информацию нельзя. Это может помочь. Придется идти к нему.

Трусливая мыслишка, что начальник базы сейчас плотно занят с бессознательным эд'Квинти, приятно успокоила. Не сейчас. Чуть позже наберется храбрости и обязательно поговорит. Санайя незаметно для всех вернулась в кабинет. Сейчас пора заняться делом. Тем делом, на которое способна — разбирать заброшенные отчеты.

Приходил ли начальник базы на ужин, или же нет, выяснить не удалось. До самой темноты Санайя крутилась подле террасы, желая переговорить с ним наедине. Но то ли фиер эд'Пинкрон был слишком занят, то ли искусно избегал встречи, что было весьма вероятно, но задумка не удалась. А ведь даже перешагнула через гордость, заглянула в комнату, где они с Валдором и Молотом продолжали колдовать над пострадавшим и, ужасно смущаясь, сообщила, что им нужно переговорить.

— Потом! — вот и весь разговор.

Да что он о себе думает! Уж не решил ли, что Санайя собралась выяснять отношения? Да нужен он ей! Мало ли что сказали, что муж. Да какой он муж! Да такого негодяя никто в здравом уме в мужья не захочет брать!

От вспыхнувшего справедливого негодования даже кровь быстрее побежала по венам. И стала горячее. Да, точно горячее. Еще не огонь, но определенный дискомфорт доставляет. Нужно срочно успокоиться. Ей нужно прижаться к дереву. К любому. А то уже и трясти начало. Такого раньше не было. Санайя представила, как от ее жадных прикосновений желтеют одно за другим деревья внутри магического ограждения. Только этих загадок не хватало их команде. Если личную проблему можно решить самой, значит, нужно решить ее самой. Позвать Дениз? Но зачем? Как выяснилось вчера, периметр, в отличие от Санайи, ее не пропускает. Ждать? Только привлекать внимание. Решено. Лучше отправиться одной. Тем более, подруга так удачно занята с коллегами на полигоне, не нужно ее отвлекать.

Привычное платье было заменено на темные брюки и блузку, обувь предусмотрительно спрятана под кроватью, можно уходить.

Удача явно была на стороне Санайи, она никого не встретила ни в доме, ни по дороге к Лесу. Периметр опять был преодолен без проблем. Если бы Дениз не уверяла, что лично принимала участие в его укреплении, можно было бы решить, что никакого ограничения нет. Впрочем, не жаловаться же теперь на эту особенность. Хотя, мелькнула запоздавшая здравая мысль, предупредить стоит. Вдруг, еще кто-либо, не столь дружелюбный сможет проделать то же самое.

Лес. Как же здесь хорошо. Как приятно холодит босые ноги трава. Нужно отойти немного вглубь, чтобы пожелтевшие деревья не привлекли ничьего внимания. Перед Лесом, конечно, совестно и неудобно, что забирает у его обитателей силу, но постарается не увлекаться. Ей это очень нужно.

Кажется, отошла достаточно далеко. Вот и огромное дерево. Можно прижиматься. Как же хочется замереть так навечно, слиться с его могучим стволом, стать одной из них. Получится? Кто его знает, а пока надо перейти к другому, снять рубашку и повторить еще раз. Все равно никто не видит. Да, так еще лучше. Главное, не увлекаться, и вовремя переходить от дерева к дереву.

Шум. Откуда. В голове? Но голова вроде бы пришла в норму. Вода. Тот самый водопад? Похоже. Отблески почти полной луны лениво отражались в падающих струях. Это что же, Санайя зашла так далеко? Или у Леса свои дороги?

— Ну, чего замерла? Раздевайся до конца и иди.

— Тетушка Лачи, это вы? — Санайя прижала к груди рубашку и медленно обернулась на голос.

— А ты кого другого хотела встретить?

Кого хотела встретить? Вот еще! И не думала она вовсе об эд'Пинкроне. Он сейчас занят, некогда ему по Лесу бродить. Да и сам же сказал, что без разрешения никаких хождений за периметр. Хотя, самому себе разрешение выдать несложно. Что-то мысли ушли, куда не следует. Оставалось надеяться, что ночная темнота скрыла предательский румянец.

— Никого, — почти уверенно ответила Санайя. — Я не ожидала, что заберусь так далеко.

— Заберется она, — проворчала гоблинша. — Не скоро еще ты научишься самостоятельно выбирать дороги. Коли ты здесь, значит, Лес тебя и привел.

— А вы, тетушка Лачи, как здесь оказались вы?

— От же любопытная девка! Ты сюда глупые вопросы задавать пришла или по делу? — ведьма даже ногой притопнула. По услышанному шлепку машинально отметилось, что она тоже босая. — Лезь под воду, пока приглашают! Да штаны сними! Я нового ничего не увижу, а тебе больше пользы будет, да и потом в сухом приятнее оказаться.

Спорить с начавшей сердиться ведьмой? Ну уж нет, тем более, и самой захотелось оказаться под волшебными струями.

Вода поначалу привычно обожгла холодом, потом ласково обволокла небывалой нежностью. Похоже, любовь к воде у Санайи от матери островитянки. Как же хорошо, даже неприятные ощущения в теле почти исчезли. Кровь приобрела свою обычную температуру, шум в голове постепенно превратился в дивную мелодию. Казалось, еще немного, и откроется Самая Главная Жизненная Истина.

— Выбирайся, выбирайся, хватит тебе!

Как же не вовремя напомнила о себе тетушка Лачи. Чарующая музыка природных сфер превратилась в шум падающей сверху воды и обычный птичий гомон. Волшебный эфир — в холодные водные струи. Ничего, главное, у Санайи были эти мгновения единения с чем-то невообразимо древним и мудрым.

Выбравшись на берег, она приняла холстину из рук тетушки Лачи, тщательно растерлась и быстро оделась. Нет, не то, чтобы замерзла

или стеснялась, просто жалко было терять время, а так о многом можно было расспросить эту умудренную опытом женщину.

Сегодня угощала хозяйка. Или она тоже гостя в Священном Лесу? Неважно. Важно, что она может что-то знать.

Санайя поблагодарила за предложенный черный хлеб с лежащим на нем куском мягкого сыра, старательно, стараясь не потерять ни крошки, съела свою долю и только потом задала первый вопрос.

— Тетушка Лачи, вы можете рассказать, что происходит? С Лесом и не только с ним. В предгорьях исследовательские отряды встретились с чем-то странным. Станным и страшным. Ребята предполагают, что с инуоршем. Но они говорят, что страшно даже не эти чужеродные гости, а то, что из магов в тех местах сила как будто уходит. А еще незадолго до встречи они слышали предупреждение. На гоблинском. «Унаочи!» Это были вы?

— Я или нет, разве это важно, — отмахнулась старая ведунья. — Важно, что, пока Веда отвлеклась, чужеродное зло получило доступ в наши заповедные места. И это зло надо изгнать! Дрянь-человек твой бывший жених. Не просто дрянь, а... тьфу! — гоблинша изобразила гневный плевок. — Лес, дурень, решил поджечь! И кто он после этого? Думает, если хватило ума заработать денег, то и жизнь прожить его хватит? Вот и аукнулась миру его дурость. Пусть получил — и еще получит! — по заслугам, но и дел наворотил немало. Тут в одиночку магам не расхлебать. Да дурные больно да гордые эти маги. А уж тот, который твой, и вовсе дальше собственного носа не видит. Уж кукожит всего, а все обиду на весь ведовской род лелеет. Веде перечить пытается! Сам-то ладно, поделом ему, но ведь и тебя мучит. Сколько можно тянуть с завершением ритуала. Мужики, они ж где-то умные, а где — дурнее свирхов*. Ты ведунья, тебе и жизнь вашу налаживать, не жди, пока совсем невоготу станет. Вот тебе мой сказ! Некогда обиду свою лелеять, не справятся маги без помощи детищ Веды. А ты, коли помощь понадобится, к внучку моему обратись, он же на вид только трусоватый, а коли дело чего важного коснется, справится. Ну все иди, иди, засиделась я тут с тобой! Да и тебя вон, — она махнула рукой куда-то в сторону, — ищут уже.

Пока Санайя испуганно выглядывала меж темных деревьев, кто же ее ищет, старая ведунья опять непостижимым образом исчезла.

Провела? Скорее всего. Кто бы ее стал искать в Священном Лесу. Но в одном тетушка Лачи была права, пора возвращаться.

Всю обратную дорогу Санайя размышляла над услышанным. Гоблинша говорила непонятно и сумбурно. Можно ли верить ее словам? Все же, возраст у иеры весьма почтенный, могла выдумать и наговорить то, чего и не было. Пинешту поджег Лес? Но на базе ничего про это не говорили. Или не сочли нужным сообщить навязанным практиканткам? Но так же тетушка Лачи сказала про пришедшее зло. Да и отряд эд'Квинти кто-то предупредил об опасности. Остается признать, что разумной могла оказаться только часть ее речи. И то, где говорилось про эд'Пинкрона и его душевные страдания явно относилось к досужим домыслам и лирическим отступлениям. Скажет тоже. Санайе их жизнь налаживать. Вот так подойти к нему и сказать: «Фиер эд'Пинкрон, давайте налаживать жизнь, а то что-то вас кукожит». А что значили ее слова, что магам в одиночку не справиться? Так они и не поодиночке собираются отправляться. Только самых сильных берут. Если сильнейшие не справятся, то кто? Детища Веды? А кто у нас детища Веды? Правильно, она, Санни. Внук? Где искать внука тетушки Лачи? И в чем он должен помочь?

Только еще больше запуталась, пытаюсь отыскать здоровое зерно в словах старой гоблинши. Даже голова разболелась. А ведь так хорошо было и телу, и душе после купания. Хорошо, насколько вообще возможно в ее ситуации.

За размышлениями не заметила, как вышла из Леса. Одно плохо, помимо всего прочего, Санайя не заметила и фиера эд'Пинкрона, скрывавшегося в тени одного из деревьев внутри периметра.

Вышел навстречу. Зажег светлячок. Увидел. Жаль. Незаметно скрыться в Лесу уже не получится. Успел рассмотреть. Впрочем, как и Санни его. В одних брюках и босого.

— Что вы здесь делаете? — вырвавшийся невольно вопрос и самой показался странным. Но увидеть начальника базы в таком месте, в такое время и в таком виде Санайя готова не была. — Я вас отвлекла от приятного времяпровождения? Простите, не хотела помешать. Уже ухожу.

Отступательный маневр не удался. Ее поймали за руку и притянули к себе. Близко-близко. Даже жар разгоряченного тела почувствовала. Чего это он так? Ее якобы муж и правда, здесь был не один? А Саная помешала свиданию. Непонятное и неприятное чувство гаденькой парализующей волной прокатилось от головы до самых пят. Ревность? Только не это. Просто злость. Да, злость. На то, что попалась.

— Что я здесь делаю?! Я нахожусь внутри защищенного периметра! А вы, иер-рина, — как он прорычал это слово. Лишний раз указывает на незамужний статус? Наверняка, — вы появились из-за него! И я хочу узнать, где вы были, с кем связывались?

— Почему вы такой горячий? Люди не должны быть такими горячими.

Несет чушь? Но лучше чушь, чем беспомощные оправдания.

— Горячий, я горячий.

И вдруг фиер эд'Пинкрон вместо того, чтобы продолжить отчитывать проштрафившуюся практикантку, прижал ее к груди. Захотел сразу сжечь, чтобы не раздражала? Нужно бы оттолкнуться, горячо же. И неприлично. Сейчас, только немного постоит в нежном кольце крепких рук. Совсем немного. И ничего он не горячий. Еще чуть-чуть. Ведь никто не видит. А вдруг подобного больше никогда не случится? Можно представить, что перед ней не мужчина, которого она, вроде бы, ненавидит, а дерево. Точно, именно от деревьев в Лесу шло такое же умиротворение и прохлада. Только сердце у дерева не билось так быстро и мощно. И деревья не прижимали ее в ответ. Жаль, что на ней надета рубаха, но хотя бы щекой ощутить терпкую чуть влажную кожу, вдохнуть умопомрачительный запах. Да умопомрачительный, а как иначе. Она опять, второй раз в присутствии этого мужчины лишилась разума. И кажется, опять нисколько не жалеет.

— Санни! — это Лес шепнул? Так нежно ее еще никто не называл.

Нужно рассказать что-то важное. Что там говорила тетушка Лачи? «Не жди, пока совсем невоготу станет»? Так уже невоготу. И вообще, что может быть важнее в этот момент? Поднять лицо. Только, чтобы убедиться, что позвали именно ее. Потеряться во тьме зовущих

глаз. И окунуться в поцелуй. Их первый поцелуй, ведь ТОЙ ночью он ее так ни разу и не поцеловал.

Оторвался на мгновение, давая отдышаться. Обхватил руками лицо. Прижался лбом ко лбу. И вдруг, что это? Саная не заметила на его руке браслета. Ни на той, ни на другой. Показалось в темноте? Нет, кожа запястий хорошо просматривалась при лунном свете. А ведь она точно знала, что ее браслет виден и при более слабом освещении. Значит, их привязка вышла однобокой? Только с ее стороны? И сейчас он решил продолжить развлекаться? А утром последует еще одна благодарность за приятно проведенную ночь?

Рука метнулась сама собой, оставив на мужской щеке хлесткую пощечину. Пока негодяй приходил в себя, Саная вырвалась из его объятий и убежала.

Мог бы догнать, но не стал. Даже не окликнул.

С террасы доносилось брэнчание цитира и пение, тихо переговаривались ребята. Как хорошо, что входа в дом два. Под прикрытием благословенной темноты Саная добралась до главного входа и, моля всех богов, чтобы Дениз находилась вместе со всеми, прошмыгнула в комнату. Не то, чтобы намеревалась держать подругу в неведении, все расскажет, обязательно расскажет. Но не сегодня. Сегодня хотелось спрятаться под одеялом и поплакать. А ведь обещала не плакать. Дениз, конечно, не осудит, и, как всегда пожалеет и утешит, но... не сегодня. Сегодня нужно побыть одной. Свыкнуться с мыслью, что, как бы Санни не пыталась себя убедить, Кордес эд'Пинкрон ей нужен. И не просто нужен, а необходим, как воздух. Только рядом с ним, в его объятиях она ощущает себя целой. Правильно говорили метресса Ликинна и тетушка Лачи, никакая сила деревьев не сравнится с силой, идущей от его тела. Она же... она же, как жизнь. Только вот незадача, на руке ее суженого, ее судьбы, ее жизни, браслет не появился. Привязка вышла односторонней. Почему так? Может, ведуньи знают, на то они и ведуньи, чтобы ведать все, но разве может знание как-то смягчить факты? А потому плачь, Саная, плачь.

ГЛАВА 11

Показалось ли Санни, что она всхлипывала даже когда спала, а вернувшаяся Дениз положила ей на лоб руку и читала заклинание, после которого вся боль прошедшего дня подернулась легкой дымкой и спряталась где-то в дальнем уголке истерзанной души? Надолго ли? На эту ночь точно.

Утро встретило покоем, тишиной и пустотой. С улицы не доносилось ни звука. Дениз закрыла окно. Зачем? И кстати, где она сама? Странно, вроде бы Санайя выспалась. Почему же так ломит тело? И на душе гадко, как будто кто-то умер. Умер? Она замерла с протянутой к створке окна рукой. Вчерашний вечер вспомнился в мельчайших подробностях. Как уютно было в объятиях Кордеса. Как хотелось превратить эти мгновения в вечность. Как почувствовала себя целой и успела поверить, что все у них будет хорошо. Как увидела, что его руки свободны от брачного браслета. Как умерла. Умерла сама или ее зарождающаяся любовь? Разве это важно. Теперь с этим придется жить. Ненависть одного мага ко всем ведьмам сразу преодолела силу самой богини Веды и судьбу.

Как тихо за окном. Где все? И солнце уже высоко. Неужели, так долго спала? Значит, сонное заклинание Дениз не показалось. Опять подруге пришлось с нею нянчиться.

— Выспалась? — вот и Дениз появилась.

— Почему так тихо? Куда все исчезли? Что-то случилось?

Если засыпать магичку вопросами, можно еще на немного отложить встречные вопросы.

— Они ушли, — Дениз постаралась ответить как можно безразличнее, но Санайе ли ее не знать. Обижена и возмущена, что не взяли. — А теперь рассказывай, что случилось у тебя.

Сколько было уже таких неудачных попыток провести подругу? И вот еще одна не увенчалась успехом. Но есть более важные вопросы.

— Ушли? Но как же так? Он тоже ушел?

Вчера вместо того, чтобы передать начальнику базы предупреждение тетушки Лачи, пусть не совсем понятное, но может быть, Кордес бы его понял, она предалась собственным переживаниям.

А сегодня уже поздно. Он ушел. Ушел туда, где поджидает смертельная опасность. Поджидает именно его!

— Фиер эд'Пинкрон повел отряд. Санни, что случилось?!

— Ушли. Ушел. Ему нельзя было уходить! Ты не понимаешь. Он не понимает. Все не понимают! — Санайя беспорядочно заметалась из угла в угол. — Денни, его нужно вернуть! Только не он!

— Так, остановись! — магичка поймала подругу за руку и уселась с ней на свою кровать. — Рассказывай четко, ясно и по существу.

— Он не должен быть там, Денни, — отчаянно повторила Санайя, глядя в окно, туда, куда по ее мнению ушел отряд. — Я должна была предупредить. И проспала. Зачем ты меня усыпила?

— Думаешь, легко слышать рыдания подруги? Спящей! Это было жутко, Сань. Ты что-то увидела, да? Потому и плакала? Саньк, он же маг. Очень сильный маг. И ушли с ним самые сильные. Еще и артефактами обвешались, как витрина побрякушками на ярмарке. Это их работа. Они справятся! Это я тебе, как специалист говорю!

— И что, на заданиях маги никогда не... гибли? Не пропадали?

— Саньк, сама подумай, разве твои предостережения услышали бы? Даже если бы ты была официально признанным Оракулом, дело должно быть выполнено, проход, или что там появилось, закрыт. Потусторонние твари уничтожены. А потери, — Дениз запнулась, но продолжила, — потери — это неизбежная часть нашей работы. Даже имея предупреждение, они бы все равно пошли. Пойдем завтракать?

Надо же, дотошная Дениз не вытасила из нее причину ночных рыданий. Забыла? Или сочла, что Санайя плакала из-за предчувствий? Это она выяснять не будет. Не готова пока рассказывать про то, что случилось вечером. И что ее сердце почти умерло. Пусть даже так, пусть привязка односторонняя, главное, чтобы никто в отправившемся в неизвестность отряде не пострадал. И пусть Кордес до конца жизни ненавидит всех ведуний, только бы он был жив.

В доме стояла непривычная тишина. Как быстро привыкли к тому, что здесь полно народа. Не слышно шуточек Валдора, не доносятся азартные крики с полигона, не бренчит кухонная посуда.

— Сколько нас здесь осталось? — поинтересовалась Санайя.

— Боевики ушли все. Кроме меня и эд'Квинти, — Дениз почти удалось скрыть обиду. — Нам велено поддерживать периметр. Мало

ли что. Исследователи — четырнадцать душ — тоже остались, они только мешать будут в походе. Ну, и вы с Молотом.

— Эд'Квинти как?

— Злится, как еще. Но понимает, что еще слаб, чтобы быть полноценной боевой единицей. Базу тоже нельзя совсем без охраны оставлять, так что мы с ним смирились с нашим назначением, — магичка криво улыбнулась.

Можно было уничижительно пройти по своей беспомощности, ведь охранять требуется именно таких вот неумех, но зачем? Вызывать лишнюю жалость? Все все понимают.

Завтрак утолил голод и настроил на позитивный лад. Окружающим нет никакого дела до страданий Санайи, а потому следует припрятать свои переживания подальше и не усугублять кислым видом и так нерадостное настроение тех, кто остался.

Договорившись, что они с Дениз готовят сегодня ужин, Санайя ушла в кабинет. Мало ли что случилось, ее ждет работа. Заодно и отвлечься получится.

Получилось ли? Руки и часть головы, определенно, занять удалось. Тоска же никуда не делась. Глухая и голодная. Она выгрызала душу, и убеждала, что все, в том числе и сама жизнь бессмысленны. Но стоило вспомнить вчерашний поцелуй, их безумные — а как же еще — объятия, и серая хмарь отступала. Не уходила, нет, но соглашалась принять главенство разума. Кордес жив. Возможно, по-своему счастлив. Это главное. А ей нужно работать! Хватит жалеть себя. Для большего воодушевления Санайя даже завернула рукава.

Взгляд упал на злополучный браслет. Что это? Рисунок размылся? Или на веточках набухли почки? Как такое может быть? Работа была забыта. Каждая точка и черточка рисунка были внимательно рассмотрены у окна. Нет, они ни в коем случае не размыты. Почки на голых до того веточках стали крупнее. Даже и сомневаться не нужно, это от вчерашнего поцелуя. Значит, даже одинокий браслет может развиваться? Наверное. При следующей встрече с тетушкой Лачи нужно будет узнать. Может, вопросы стоит записывать, а то даже не успевает Санни сообразить, как гоблинша опять исчезает.

— Молот, Молот! — осененная еще одной догадкой, Санайя выбежала из кабинета.

— Да здесь я, здесь, — встревоженный гоблин появился из-за поворота. — Санни, солнышко, что случилось?

— Молот, внук — это ты, да?

— Эм-м, кхм-м, — Молот растерянно почесал за ухом. — Чей внук?

— Тетушки Лачи.

— Бабули? Она здесь? — темные глазки беспокойно забегали по сторонам.

— Нет, тетушка Лачи в Лесу. И она сказала, что ты совсем не такой, каким пытаешься казаться. И что на тебя можно положиться. Ты справишься.

— Бабуля так сказала? — кажется, Молот удивился больше Санайи. — Нет, ну, если она так сказала, значит, так и есть. Я справлюсь. А какая нужна помощь?

— Пока не знаю. Но, если понадобится, я буду знать, к кому обратиться.

— Обращайся, — маленький гоблин даже стал выше ростом. Еще бы, в него тоже поверили. Как нам всем нужно, чтобы кто-то в нас верил.

Три последующих дня прошли в молчаливом ожидании. От ушедшего в неизвестность отряда приходила короткая весточка, что пока все в порядке, и на этом все. Оставшиеся обитатели базы расходились, чтобы занять себя делами в ожидании следующего сообщения.

К вечеру четвертого дня вестник так и не прибыл. Попали в аномальную зону и не смогли отправить? Вполне могло такое случиться. Бывало, раньше по неделе не было связи с отрядами. И тогда волновались и переживали, как без этого, но все обходилось. Обойдется и сейчас. В этом уверяли друг друга все, начиная с оставшегося за старшего эд'Квинти и заканчивая необычайно притихшим Молотом.

Как хотелось Санайе быть рядом с эд'Квинти, чтобы одной из первых присутствовать при прочтении вестника. Но столь же сильно ей не хотелось показывать своей тревоги. Вот бы, как в детстве, спрятаться под одеяло, где не достанут никакие страхи. Рядом с Кордом — как-то само собой получилось, что мысленно она стала его

называть именно так — тоже было бы не страшно, даже там, за периметром. Но за периметром был только Корд. Он и его отряд.

— Санни, ну ты и заработалась, — в кабинет, где Санайя старалась проводить все свое время, зарывшись в бумаги, зашла Дениз. — Пойдем ужинать. Вечер уже.

Про вестник ничего не сказала. Не пришел. Впрочем, это можно было понять и без слов. Ведь когда поступало сообщение, на базе на несколько часов все оживлялись. Слышались привычные шутки и смех. Сейчас же было тихо. Как же может давить тишина.

— Да, конечно, вечер. Ужинать, — Санайя отвела взгляд от окна, в которое она бесцельно смотрела уже долгое время, и поднялась.

— Санни, — магичка положила ладонь подруге на предплечье и заглянула в глаз, — ты что-то видела, да? Поэтому так переживаешь?

— Ничего. Какая из меня видящая, Денни. Если бы я могла! Я до боли в глазах и в голове всматриваюсь! И ничего.

— А ну отставить панику! Я не ведуныя, но не думаю, что дар включается по желанию. И потом, ты же еще совсем не обучена! Ну что ты можешь увидеть, — магичка противоречила сама себе, но зато так убежденно, что, не зная ее, можно было бы и поверить.

— Да, конечно, — Санайя кивнула и покорно вышла за подругой из кабинета, — я понимаю. С ним же все будет в порядке, да?

— Конечно! Фиер Кордес — один из сильнейших магов Управления, — с излишним энтузиазмом стала убеждать Дениз. — С миитами даже я легко могу справиться, а уж такой отряд. Ты не переживай. Вот вернется твой суженый, бросишься ты ему на шею...

— ...а он меня оттолкнет. Но я все равно брошусь!

— Вот и договорились, — согласно кивнула подруга, осматривая собравшихся в столовой, куда девушки только что зашли.

В столовой царила уже привычная тишина. Каждый был увлечен содержимым своей тарелки. Значит, за последние четверть часа ничего не изменилось. Подруги наложили себе тушеного мяса с овощами и принялись за ужин.

Вечером все разбрелись кто куда. Дениз и эд'Квинти — проверить периметр, исследователи — в лабораторию, Санайя — в кабинет, к уже привычным бумагам. За переживаниями дело продвигалось совсем медленно. Вернется фиер эд'Пинкрон и будет отчитывать, что ничего

не сделала. Пусть отчитывает, ругает, пусть даже прогонит, как ни к чему не годную. Только бы вернулся.

Сколько можно сидеть, уставившись в темное окно. В доме, итак не изобиловавшем в последнее время шумами, затихли последние шаги. Все разошлись по комнатам. Пора и Санни ложиться спать. Да, именно так, во сне время идет быстрее.

«Санни, прости!»

Сон слетел мгновенно. Ее позвали? Корд вернулся? Нет, в доме стояла тишина. Тихо посапывала Дениз. Из приоткрытого окна слышалось несмелое пение одинокой пичуги. Отчего же так тревожно? И тревога нехорошая. Как будто то нехорошее, чего ожидала, случилось. Кордес с ней простился! Но она не готова проститься с ним.

Санайя подскочила с кровати и стала лихорадочно одеваться. Пусть глупо и неразумно, но она не может оставаться здесь. Она должна быть с ним, ибо без него просто не сможет. Бежать, скорее бежать.

«Коли помощь понадобится, к внучку моему обратись», — вспомнилось или послышалось? Неважно. Одной отправляться в неизвестность неразумно. Нужно позвать с собой Молота. Он обещал помочь. Дениз. Обидится, если не позовут.

«Не справятся маги без помощи детищ Веды», — это тоже слова тетушки Лачи. Магов там и без Дениз много, и им сейчас требуется помощь. Помощь детищ Веды, а из таковых имеется только одна недоучка, один трусоватый гоблин и огромное желание спасти того, без существования которого жизнь потеряет всякий смысл.

Санайя, не надевая обуви, выскользнула из их с Дениз спальни и пробралась в комнату Молота. Только бы удалось его убедить. Если не удастся, придется отправляться одной. Трудно будет домашней девочке в совершенно незнакомых местах, но иного выхода нет. Отряду нужна помощь. Кордесу нужна помощь!

— Молот, Молот, вставай! Нам нужно идти!

— А? Что? — Молот присел в кровати и смешно завертел взлохмаченной головой. — Вернулись, да? Я сейчас, — он выскочил из-под одеяла и стал пытаться отыскать в темноте свои одежды.

Похоже, привычки складывать вещи в одно место у него не было. — Уже иду!

Поняв затруднения собеседника, Санайя отвернулась, позволив тому зажечь светильник и одеться.

— Они не пришли, Молот, — не желая терять времени, заговорила она. — Это мы уходим. Ты и я. Если ты не пойдешь, я уйду одна. И это не обсуждается. Им нужна наша помощь! Так как, ты идешь?

За спиной повисло молчание. Даже шорох одежды стих. Откажется?

— Нужно подготовиться.

— Так, и что это за сборы? — в комнату ворвалась возмущенная Дениз. — Если бы я не знала вас, иерина Санайя, то решила бы, что вы пришли ночью в спальню к мужчине!

Стоит признать, фактически это так и было. И уж лучше бы подруга и осталась в этом заблуждении. К сожалению, она сама только что призналась, что слишком хорошо знает Санайю.

Глубоко вздохнула. Выдохнула. Молот, сделав вид, что полностью увлечен сборами, предоставил право объяснения сообщнице.

— Денни, им нужна наша помощь.

— Хорошо. Когда выходим? Как я понимаю, в известность никого ставить не будем? Иначе нас никто не выпустит. Ну что за детство, собрались они вдвоем неизвестно куда. А подготовиться?

— Некогда готовиться, Денни. Они попали в беду! Он попал в беду!

— Значит, готовимся быстро. Молот, на тебе продовольствие, мы с Санни берем на себя палатку, одеяла и прочие котелки и ложки. Время на сборы — час. И оно пошло!

ГЛАВА 12

Трудно сказать, мешала или помогала Санайя собираться, но меньше, чем через час заполошенных сборов они втроем стояли в темноте террасы. У ног каждого был аккуратно собранный рюкзак. Санни даже достался небольшой кинжал. Не то, чтобы она умела им пользоваться, но, мало ли что. Лучше так, чем остаться один на один с неведомой опасностью и с голыми руками. Сколько оружия разместила на себе Дениз, оставалось только догадываться.

На столе в кабинете, оккупированном ранее Санайей, осталась записка с пояснениями, куда и зачем они отправляются и с просьбой не догонять.

— Так, вроде бы собрали все согласно списку номер четыре, — Дениз деловито поправляла лямки рюкзака подруги. — Спички, сигналка и необходимый набор продуктов есть у каждого. Об осторожности, думаю, предупреждать никого не стоит. Сейчас идем за мной, я открою периметр, дальше пойдем по проложенному отрядом маршруту. Пока план таков. Вопросы есть?

Вопросов не было. Санайя и Молот дружно опустили глаза. Пока магичка проверяла собранное и равномерно распределяла его по рюкзакам, заговорщики успели перекинуться несколькими словами. Для магов этот поход может быть опасен. Значит. Значит, Дениз придется остаться на базе. Как? Периметр пропускает Санайю, оставалось надеяться, что к Молоту, как сыну природы, это тоже относится. Пока Дениз возится с плетениями, нужно уйти как можно дальше.

Вот и оградительный рубеж.

— Санни, я сейчас открою брешь в периметре, и мы выйдем. Все. И да, чтобы вы с Молотом не потерялись, я к каждому прицепила маячок. Не думаю, что вам удастся их найти и снять, — сказав так, магичка присела на корточки и стала водить руками по земле.

Маячок? Это что же получается, Дениз поняла, что они хотят уйти без нее? Поняла, как же иначе, это ведь Дениз. Заговорщики растерянно переглянулись.

— Денни, понимаешь, я видела, там не место для магов. Им там опасно! Денни, ну пожалуйста!

— Опасно там для тихой домашней девочки, которая дальше городского парка никуда в своей жизни не выходила! — жестко отрезала Дениз. — А я маг. И я должна делать то, чему меня учили — защищать неподготовленных гражданских, — она поднялась, отряхнула руки и первая перешагнула невидимую заградительную черту. — Ну что, идем или будем ждать, пока нас здесь поймают?

И опять спор выиграла Дениз.

Собственно, и спора-то не получилось. Магичка дождалась, пока ее спутники молча шагнули за ней, несколькими взмахами залатала проделанную ранее брешь, поправила рюкзак и шагнула в предрассветную тьму.

Обижаться? Но ведь она права. Именно Санайя здесь самая слабая, именно она нуждается в защите, даже ее рюкзак выглядит меньше, чем у всех. И удобную походную одежду ей подобрала подруга. И обувь. Но и игнорировать слова тетушки Лачи нельзя, а если Санни поняла ее верно, то маги не в состоянии справиться с тем, что пришло из потустороннего мира. И не потому что слабы, а потому, что там требуются совсем другие силы, силы самой природы.

Дениз уверенно, не расплываясь на разговоры, шла вперед. Похоже, она прекрасно знала маршрут ушедшего отряда. Изучила заранее? Очень на нее похоже. Первый привал объявила, когда уже полностью рассвело.

Санайя огляделась. Небольшая уютная полянка манила растянуться на траве и вздремнуть хотя бы до обеда. Но это потом. Сейчас же нужно перекусить и попить.

— Как вы думаете, они здесь останавливались? — поинтересовалась Санайя, вяло жуя бутерброд с сыром.

— Санни, здоровые тренированные мужики способны идти без отдыха очень долго, — в словах Дениз не было укоризны, просто констатация факта.

И то правда, сравнила себя и мужчин. Но, если очень нужно, а ей очень нужно, она тоже сможет.

— Тогда почему же остановились мы?

— Чтобы к вечеру не свалиться вовсе без сил. Будем идти так, как сможем.

— Но им уже сейчас нужна помощь!

— Твое загнанное тельце никому помочь не сможет, а потому отдыхай, я приказываю! — как же просто получилось у Дениз взять на себя руководство их маленьким отрядом. — Отдыхай и рассказывай. Куда и для чего мы идем. Почему такой странный состав и, самое главное, что ты увидела. Это поможет нам выработать наилучшую стратегию.

— Странный состав! — Молот впервые подал голос. — Что может быть странного? Ведунья и гоблин. Мы — часть всего, что здесь есть! Потому и пропускает нас ваш «периметр». Как солнечные лучи. Как ветер. И мошек, носимых этим ветром. Из всех рас, обитающих на Игроте, именно гоблины ближе всего к природе. Пусть другие тоже ее часть, но мы, — он запнулся, подбирая слово, — не забыли. Шаманы, ведуньи, травники — не шарлатаны, а самые настоящие — таких среди нас полно. Природой одарен каждый, нужно только понять и развить свой дар. Гномы тоже не забыли своих корней, но у них другое, они больше по камню. Орки в обращении с живностью достигли высот. Еще эльфы... но о них мало что известно. Мы же хороши в поле и в лесу, там, где есть живая природа. Маги что, увлеклись своей магией, и ушли от истоков. Теперь вот еще «механизация», — как пренебрежительно было произнесено это слово. — Теряется связь с природой. А дар, он же сам по себе не заработает, его развивать надо. Так и теряются знания. Люди ушли в города. Да что люди, гоблины стали забывать истоки. В городе жить интереснее и проще. Уже мало кто помнит, что же значил для древних Священный Лес, да и вообще, эти места.

Гоблин, произнеся необычайно для него длинную и серьезную речь, замолчал.

— Молот, а ты тоже обладаешь даром, да? — тихо, словно боясь спугнуть разговорившегося товарища, поинтересовалась Санайя. — Ведь твоя бабушка не зря посоветовала обратиться за помощью к тебе. Ты шаман? Ведьмак? Или кто?

— У нас нет специализации дара, как таковой, — немного помолчав, все же решил ответить Молот. — В какую сторону будешь развивать свой дар, там и сможешь достичь успеха. Только до бабушки мне далеко. Она всегда говорила, что я лентяй и бездельник. Так, научила меня кое-чему, чем владеет сама.

— И чему же? Чем владеет тетушка Лачи?

— Она видит суть вещей, — просто ответил гоблин.

— Это как? — вступила в разговор Дениз.

— Как, как. Посмотришь на объект, и видишь его суть. Я тут у нас на базе не только за сторожа, но и вроде как кадры утверждаю. Фиер эд'Пинкрон только после моего подтверждения оставляет новичков.

— Уж так после твоего, — магичка, как всегда, все подвергала сомнению.

— Ну да, было пару раз, что вроде бы новичок и специалист классный, и маг сильный, а я-то его суть вижу, и вижу, что не подходит он для нашего дела, и его отправляли из Иур-дана по-хорошему, пока не натворил чего или сам не пропал.

— А... мы? — после небольшой заминки решила поинтересоваться Дениз.

— А что вы? — Молот усмехнулся. — Мало того, что остались на базе, так еще и я сам за вами подался невесть куда.

Слова казавшегося таким несуразным гоблина были на удивление приятными и подбодрили. Очень, просто до зуда, хотелось расспросить про Кордеса. Какова его суть? И что услышать в ответ? Тривиальное «работает же на базе»? А узнать хотелось совсем другое. Что он за человек?

— Молот, а как там они, ты не видишь? — этот вопрос Санайя удержать не могла.

— Я в предвидении не очень, сложная это наука, только через труд большой дается. Бабуля, она да, видит. Все, что я могу, это понять, что твоему чутью можно доверять, и следовать за тобой. Еще могу посоветовать, пока фиера эд'Пинкрона не нашли, — степенно добавил он, — от какого дерева силы больше получишь. Да ты и сама их уже почти научилась выбирать, — он кивнул на могучий ствол, на который почти неосознанно оперлась Санни.

— Пока не нашли фиера эд'Пинкрона? А что будет, когда его найдем? — вот же Дениз, так не вовремя влезла со своим вопросом.

— Как что будет? Их сила одна на другую запитана. Они же суженые. От суженого всяко лучше силу-то получать, она же как родная, не иссякающая, сколько ни черпай, а, все одно, прибывает, — как что-то давно общеизвестное объявил Молот.

— Так заметно? — все же решила поинтересоваться Санайя.

— Тем, кто видит, да. Ну так что, идем дальше?

Возражений не последовало. Нужно было спешить. Остальные вопросы Дениз оставили на потом.

До вечерней остановки Санайя дошагала только на упрямстве. Облегченного вздоха, вырвавшегося из груди, когда Дениз объявила привал, сдержать не смогла. С трудом стянула рюкзак и оперлась спиной на одно из деревьев скудной рощицы, в которой решили остановиться на ночлег. Можно было, конечно, посыпать голову пеплом и начать стенать, что она слабая, неприспособленная к дальним походам и именно из-за нее задерживается продвижение их группы. Но что бы это дало? Все всем понятно.

А Молот-то каков. На вид маленький и хлипкий, он спокойно выдержал переход и сейчас, выслушав распоряжение Дениз, взявшейся за сооружение оградительного барьера, готовил кострище — снимал дерн и собирал сухие ветки.

Стало стыдно. Санайя поднялась и, несмотря на заверения друзей, что они справятся сами, вытащила два котелка — один под чай, другой под кашу — и пошла за водой к расположенному рядом роднику, достала продукты, разложила их и, оглядев все, с удивлением поняла, что есть совсем не хочет, только попьет укрепляющего отвара и сразу отправится спать.

Весело забулькала в котелках вода, аппетитно потянуло запахом каши с копченым мясом и настаивающимся отваром. М-мм, пожалуй, пару ложек в нее все же войдет.

Вошла вся тарелка, протянутая заботливой Дениз. И несколько сухих галет. И целых две кружки отвара.

— Так, Молот, ты посидишь у костра, пока девочки уединятся в палатке, — магичка больше утверждала, чем спрашивала.

Гоблин согласно кивнул, правда, в нарушение распоряжения не сел, а лег, заложив руки за голову и засвистел, искусно вплетая свой свист в уже сложившийся птичий хор.

И зачем Дениз решила уединиться? Хочет поговорить? Но тонкие стенки палатки совсем не способствуют сохранению тайны разговоров.

— Раздевайся! Вся!

Сил не было даже на то, чтобы удивляться и спорить. Пришлось снимать с себя удобный жилет, изобилующий множеством карманов, и рубашку. Дальше последовали брюки.

— Ложись! — магичка указала на один из приготовленных спальных мешков.

Почему бы и не лечь. Здесь их желания полностью совпадали. Не успел смолкнуть блаженный стон, как Дениз вцепилась в уставшие ступни. Она их мяла, давила и выкручивала, затем перешла к икрам и выше. Протестовать? С такой Дениз много не попротестуешь. И потом, после ее жестокого массажа жуткая усталость и боль переходили в приятную истому. Кажется, Санайя все же переживет эту ночь. Измученные рюкзаком плечи были последней точкой вечерней процедуры. Вроде бы потом натерли какой-то мазью и заставили одеться. Но это уже помнилось смутно. Спать. Спать, чтобы завтра вновь отправиться в путь.

Утро встретило оглушительным птичьим гомоном и запахом каши и бодрящего отвара. Это что же, уснула вчера раньше всех, а сегодня позже всех проснулась? А ведь им надо спешить.

— Почему не разбудили? — Санайя выбралась из палатки и хмуро оглядела хлопотавших друзей.

— И тебе доброе утро! — весело отозвалась Дениз. И как ей удастся быть такой радостной с самого раннего утра? — Ты ничего не пропустила. Иди приводи себя в порядок, быстро завтракай, и отправимся дальше.

Тратить время на споры было себе дороже, стоило последовать дельному совету. Вскоре с походным завтраком и сборами было покончено, и маленький отряд отправился дальше.

День не принес ничего нового. Наши путешественники шли по проложенному Дениз маршруту, иногда Молот указывал на следы прошедшего ранее отряда, что доказывало правильность выбранного пути. К полудню добрались до места их ночевки. Что тут скажешь, скорость передвижения была разной, но лучше так, чем сорваться и упасть без сил. Санайя старается, как может. А еще у нее уходило много усилий, чтобы увидеть Кордеса. Смутные образы. Опасность. Действительность или игра воображения?

— Санни, не морщи так лоб и не заморачивайся, — сделала замечание Дениз на одной из кратких остановок. — Думаю, если

видение об их отряде и возникнет, то не от твоих мучительных потуг что-либо увидеть. То, что они попали в неприятную ситуацию, ты увидела ночью, так? — Санайя кивком подтвердила это предположение. — Значит, озарения приходят к тебе в расслабленном состоянии, самостоятельно. Вот и не забивай голову, позволь мыслям витать свободно.

Позволить мыслям витать свободно. И где им витать? Они и так рядом с Кордесом. Их ночь. То, как мужчина отреагировал при второй встрече. Накричал. А сам хотел ее, сейчас это ясно и без его слов. И тогда, в Лесу у периметра, прижимал не как случайную знакомую, а как самое-самое дорогое. А как рядом с ним было хорошо и спокойно. Как там Молот сказал? Их сила запитана одна на другую?

— Молот, скажи, что значит, что сила запитана одна на другую? — решила все же уточнить Санайя.

— А то и значит, что можете вы черпать силу друг у дружки. Да не просто черпать, а преумножать ее. Редко люди сейчас такие пары создают. Говорю же, забыли древние обычаи. Приспособились. Да и дано это далеко не каждому. Санни, не потеряйте то, что вам дала Богиня, — тихо ответил маленький гоблин.

— У него нет браслета, — грустно ответила Санайя.

Ее спутники переглянулись меж собой и дружно фыркнули.

— Санни, ты забыла, с кем имеешь дело? — поинтересовалась подруга.

— С кем?

— С магом! — Дениз вытянула вперед левую руку, провела по собственному запястью пальцами правой руки, и на ней огромными бриллиантами засиял массивный браслет. — Сильному магу сделать качественную иллюзию, как водички попить! Если друг наш Молот говорит, что фьер Кордес твой, значит, так и есть. А мы своих не бросаем, так? Так. Значит, идемте спасать нашего бедолагу дальше. Пока не спасся сам!

Умеет Дениз поднять настроение. И как могло прийти в голову отправиться без нее?

К вечеру Санайей овладело беспокойство. Даже навалившаяся усталость не могла его побороть.

— Время уходит! Мы должны спешить!

И плевать, что от изнеможения в глазах пляшут цветные круги, переходящие в галлюцинации. Не может прямо перед ней быть спина Кордеса. Кордес еще далеко, это Санайя знает точно. Почему он один? Куда уходит?

— Санни, Санни, приходим в себя, — Дениз держала подругу за плечи и с тревогой смотрела ей в глаза. — Ты что-то увидела, да? Что ты увидела, Санни?

— Он ушел. Один, — растерянно ответила Санайя.

— Как же, ушел. Никуда он от нас не уйдет! — излишне бодро заявила подруга. — Догоним и вернем! А сейчас — привал!

— Денни, я не устала, я еще могу пройти, правда.

Она найдет силы. Должна найти!

— Так, кого я назначила командиром нашей экспедиции? — Дениз уже сбросила рюкзак и рылась в нем в поисках артефактов, которыми обеспечивала охранный периметр. — Правильно, себя. И как командир приказываю отдыхать! Быстро ужинаем, спим, и, бодрые и отдохнувшие, еще до рассвета отправляемся дальше. Вопросов нет. Прекрасно. За дело!

Санайя думала, что ей не удастся уснуть, но после принятого выданного магичкой зелья, веки смежились сами собой. Если бы еще не одинокая спина Кордеса, исчезающая в размывающейся радужной дымке, ведунья прекрасно бы отдохнула, несмотря на раннюю побудку.

Лагерь был свернут в кратчайшие сроки. Не было бы предупреждения подруги, Санайя обогнала бы ее, идущую ровным размеренным шагом, и умчалась вперед.

— Эй-эй, Санни, ты куда? Отряд шел туда, — в очередной раз осадила ее магичка, указав направление, параллельное горному хребту, возвышающемуся по правую руку.

— Но нам нужно туда, — растерянно сообщила Санайя, смотря много южнее.

— Хм, — Дениз остановилась и стала разглядывать карту, по которой она сверялась все время пути. — Они здесь проходили, и шли именно туда, куда указывает маршрут и поисковик.

— А теперь они там! — упрямо настаивала на своем ведунья. — Кордес там. Я чувствую, — почти жалобно сказала она.

— Сделали крюк? — вступил в разговор Молот.

— Самый логичный вариант, — согласилась самопровозглашенная командир. — Но тогда нам предстоит идти, основываясь на твоих ощущениях, — она посмотрела на Санайю.

Вести друзей в неизвестность? А вдруг ей показалось? Вдруг она ошиблась? Но так могут выгадать время. Выгадать время и потерять уверенность в точности выбранного маршрута.

Кордес в видении споткнулся и упал.

— Идем туда!

Спутники послушно последовали за Санайей.

Идти первой было сложно. Как будто специально на пути возникали непроходимые заросли, петляющие ручейки и овраги. Потому устала Санайя быстрее, чем обычно. Первая прервала ее мученический подвиг Дениз:

— Так, останавливаемся, отдыхаем и вырабатываем новую тактику продвижения.

— Но ведь мы совсем мало прошли! — попыталась протестовать ведунья.

— Вот именно, — согласилась подруга. — Прошли совсем мало, а ты совсем выдохлась.

— Я смогу.

— Сможешь, — согласилась Дениз, — но сделаем мы по-моему! Теперь первой пойду я. Так сразу и нужно было сделать. Непростительная оплошность с моей стороны.

— Но ты не знаешь, куда идти.

— Покажешь. Итак, где, говоришь, находится группа?

— Группа? Не знаю, — Санайя неуверенно закрутила головой. — Но Кордес — там! — и она указала рукой направление.

— Там, значит, ага, — Дениз внимательно всмотрелась в указанную сторону, после чего уткнулась в раскрытую карту, что-то в ней прочертила карандашом, бормоча себе под нос умные слова, вроде «азимут» и «репер», перемежая их нелестными отзывами о себе, как о командире отряда.

После четверти часа работы с картой она воодушевленно оглядела свой отряд и предложила следовать дальше.

А ведь и правда, путь, проложенный Дениз, был гораздо легче, пусть и приходилось отклоняться от прямого маршрута.

Но зачем лезть в овраг или гору, если можно их обойти. В конце концов, общее направление совпадало с тем, где, по ощущениям Санайи, находился Кордес.

До вечера еще несколько раз выверяли курс и продолжали двигаться. Магичка что-то говорила про второе дыхание. Неизвестно, какое по счету дыхание открылось у Санайи, но она понимала, что, если не будет спешить изо всех сил, будет поздно.

— Привал и сон! — безапелляционно заявила Дениз задолго до того, как солнце коснулось своим краем верхушек нависающих справа гор.

— Я еще могу...

— А я не могу! — робкая попытка возражения командиру была пресечена на корню.

Поужинали сухим пайком, запив его горячим отваром и укрепляющим зельем, выданным Дениз. Сон сморил моментально. Но и он не принес покоя. Уходящий вдаль Кордес все чаще падал и все медленнее поднимался. Сколько пройдет времени до того момента, когда он не сможет подняться?

Первая, еще до рассвета, поднялась Санайя. Она осторожно, чтобы не разбудить друзей, выбралась из единственной палатки, где они ночевали все вместе, и осмотрелась. Небо на востоке едва-едва алело. Ошалелые птицы уже всю предвещали начало нового дня. Пока умывалась и приводила себя в порядок, далекие серые верхушки гор озарились ярким розовым светом. Как же это красиво! Разделительная полоса света и тени медленно ползла сверху вниз. Медленно? Им бы так передвигаться.

И вообще, нашла время любоваться красотой, нужно разжечь костер и вскипятить воды. Как хорошо, что под слоем побелевшей золы отыскались красные угольки, иначе с костром ничего бы не вышло. Как много Санайя не умеет. Стоит признаться, не умеет она ничего, применимого для выживания. Как оказывается, приобретенные ранее знания этому несколько не способствовали. Ничего, она обязательно научится.

— Ты чего в такую рань? — из палатки, сладко позевывая, выбралась Дениз. — О, завтрак!

— Да, вот, решила встать пораньше. Не спалось, — отчего-то Санайя застеснялась, как будто совершила что-то предосудительное.

— Как он?

Вопрос и без пояснений понятен. Дениз не нужно объяснять, что не спалось подруге из-за ее тревожных видений. Хотелось кричать, что все плохо, что они, все бросив, должны бежать и спасать. Но сдержалась.

— Держится. Но все так же... уходит.

— Будем догонять! Эй, соня, проспишь все самое вкусное! — окликнула она гоблина.

— Не имеете права, — из палатки показался третий член их команды. — Все самое вкусное нужно отдавать самым маленьким.

— Ты только ростом мал, а так старше нас! — Дениз будет не Дениз, если не ввяжется в шуточную перепалку.

— И все равно, нужно попробовать меня немного вырастить. Эх, далеко вам до бабушкиных угощений.

На прозвучавшее предложение подруги отозвались дружными смешками.

Тетушка Лачи. Как-то так получилось, что узнать про нее почти ничего не получилось. Сама она не говорила, а с Молотом и не до разговоров было.

— Молот, — обратилась к нему Саная после того, как они позавтракали и принялись споро разбирать свой временный лагерь, — твоя бабушка, она очень сильная, я имею в виду, как ведунья, да? Видящая, к тому же. Настоящая, не как некоторые недоучки. Вот и группу эд'Квинти смогла предупредить об опасности. Почему же она не пришла на помощь отряду Кордеса? Ведь сказала, что маги не справятся. Зачем, вообще, позволила им пойти?

— Бабуля, — задумчиво повторил гоблин, ловко пристегивая свернутую палатку к своему рюкзаку. — Знаешь, она ведь по-настоящему и не бабушка мне. Я даже не знаю, откуда я у нее. Знаю, что неродной, и все. Она, понимаете, не то, чтобы неживая. Живая, еще какая, но уже больше, как дух, ближе к мифическим дриадам. Очень давно живет. Уже и сама не знает, сколько. Ну, это она сама мне так говорила. И уйти из Леса далеко не может. Как и сделать некоторых вещей. Да, она видящая, но не всесильная. Если бы она могла, она бы сделала, даже ценой своего существования. Но, видимо, сейчас запрошена другая цена, — тихо закончил он короткий рассказ. — И чего приуныли? Идем!

Запрошена другая цена. Чья-то жизнь? Чья? И кто назначает эту цену?

Шаг. Вдох. Шаг. Выдох. Спотыкаться нельзя. Падать нельзя. Змея не страшна, пусть греется на своем камушке. И дивный цветок пусть растет, радуется насекомых. За спиной не тяжелый рюкзак, а крылья. Шаг. Вдох. Шаг. Выдох.

— Привал. Санни, я сказала, привал! — голос Дениз послышался словно из другой вселенной.

— Что? — Санайя недоуменно огляделась. Надо же, даже не помнит, как здесь оказалась, совсем не замечала местности. — Мы же недавно отдыхали?

— Недавно? Да мы идем без остановки почти четыре часа! Мы с Молотом не железные! Да и есть уже хочется!

Пообедали сухим пайком. Никакие уговоры не заставили Дениз отправиться в путь сразу после еды.

— Полчаса роли не сыграют, а отдых нужен всем! Таковы правила передвижения пеших отрядов, — авторитетно заявила она.

Что ж, можно потратить это время, чтобы лучше рассмотреть, куда же попал Кордес. Теперь даже не нужно было напрягаться, чтобы его увидеть. И почувствовать, как тают его силы. Держится на упрямстве и артефактах, и все равно стремится вперед. Что же там такое? Увидеть его цель никак не удавалось.

— Санни, Санни, подъем!

Подниматься после кратковременного отдыха всегда сложно. Выходить из видения — тоже. Но сейчас слабость не уместна. А потому, шаг — вдох, шаг — выдох. Мелькающий в паре шагов впереди рюкзак Дениз и этот полусон-полуявь, помогающий отрешиться от физических трудностей. Когда впереди Цель, они не имеют право препятствовать.

Тихая ругань подруги вернула в действительность.

— Денни, что случилось?

— Опасность. Пока не скажу, какая, но оно тянет силу. Магическую. Мне стало труднее поддерживать поисковики и кастовать путь. Вы что-то чувствуете?

— Живности почти нет, а та, что не смогла разбежаться, совсем вялая, — Молот указал на медленно ползущего красного муравья. —

День погожий, а он... как будто забыл, куда шел.

Санайя никогда не интересовалась поведением муравьев, но если гоблин говорит, что тот ведет себя неестественно, остается поверить.

— Что это может означать? — и это спросила всегда уверенная в себе магичка.

— Мы подходим, — это уже сказала Санайя. — Пока конкретной опасности нет? Значит, нам туда, — сообщила она, и первая зашагала в выбранном направлении. Благо, участок пути был достаточно прямой и открытый.

Сзади засуетились Дениз и Молот. Перераспределяют груз. Понятно. Дениз — самая боеспособная из них, и нужно как можно больше освободить ее. Не слушая возражений, Санайя отобрала и себе часть вещей. Каждый должен вносить тот вклад, который ему по силам.

ГЛАВА 13

Санайя, конечно, человек от сельской жизни и природных явлений довольно далекий, но и ей кажется странным туманное облако, прямиком к которому и лежал их путь. В такой жаркий день туман?

— Вы тоже видите это? — поинтересовалась она.

— Что? — тут же откликнулась Дениз, вытаскивая из ножен длинный тонкий кинжал.

— Туман. Там болото?

— Там не туман, — настороженно признал гоблин.

— Я ничего не вижу, — одновременно с ним ответила Дениз. — Где туман-нетуман?

— Впереди. Вернее, именно там, куда нам и нужно.

Магичка зло зашипела, затем полезла в свой рюкзак, порылась там, достала что-то среднее между громоздкими очками первых энтузиастов автомобильной езды и биноклем, нацепила на нос и всмотрелась в указанном направлении.

— Тумана не вижу, — некоторое время спустя сообщила она. — А вот подозрительную деятельность — да. Очень подозрительную. Вроде как мииты. Очень много миитов. Я столько и не видела никогда!

Дениз есть Дениз. Ничто ее не исправит. Воодушевилась, как иная модница безграничному кредиту у портнихи.

— Денни, а сколько ты их вообще видела? — решила уточнить Санайя.

— Сколько, сколько, — неужели магичка смутилась? — Думаешь, легко достать настоящую потустороннюю нечисть? Но одного я завалила без проблем. Там с ним возни-то, на раз-два. Амулеты от нечисти при вас. Оставайтесь там, где скажу. Вперед не лезть и не геройствовать. Дайте маме Дениз поразмять косточки.

Приуменьшала ли опасность Дениз? Наверняка. Справится ли одна? Вот здесь возникали сомнения. Но идти вперед нужно. Там находятся те, кому нужна помощь.

По мере приближения к области со странным туманом-нетуманом стали слышны пронзительные вопли и скрежет. Идти туда — чистейшее самоубийство. Они совсем не подготовлены для таких

встреч. Даже Дениз. Что уж говорить о домашней девочке Санайе. Рано или поздно придет настоящая подмога, где будут квалифицированные высококлассные специалисты, в том числе ведуньи. Да, это все будет, только вот для Кордеса и тех, кто ушел с ним, уже может быть поздно.

— Стараемся держаться как можно ближе ко мне, — отрывисто предупредила Дениз, отчаянно водя кончиком кинжала из стороны в сторону. — И да, — словно неохотно призналась она, — с магией здесь творится что-то странное. Она как волнами идет. То ее много, то совсем исчезает. Пользоваться такой опасно. Фон очень нестабильный. Поэтому буду биться по старинке.

Санайя, глядя на подругу, тоже вытащила свое оружие. И почему им не пришлось в голову дать ей хотя бы несколько уроков самообороны? Ладно, что уж теперь сожалеть, будет отмахиваться, как сможет. Главное, решительности не занимать, она должна добраться до Кордеса! Добраться, чтобы... Что будет, если, вернее, когда они встретятся, Санни еще не продумала. Опять поссорятся? Ну и ладно. Главное, чтобы было, с кем ссориться.

Визжащая мелкая тварь, напавшая на Дениз, испугала чуть ли не до мокрых штанов. И зачем вообще нападала? Так не терпелось расстаться с жизнью? Подруга расправилась с ней одним взмахом руки. И правда, ничего сложного. Пусть только попробуют! Санайя им тоже покажет, как нападать на тех, кто их не трогал и трогать не собирался, вот пусть только приблизятся!

— Санни, ты точно уверена, что мы движемся в верном направлении? — напряженно спросила магичка.

Нашла время интересоваться насущным вопросом. Теперь остается только надеяться, что это так. Отступать никто не собирается.

Так они и продвигались вперед: на острие атаки Дениз и, почти спинами друг к другу, Санайя и Молот, тоже держащий в руке хищный обоюдоострый кинжал.

Еще один мелкий, не выше колена, монстр, идентифицированный магичкой как миит, пронзительно завизжав на прощание, упал от ее удара. И чего лезут? Видно же, что объекты нападения гораздо крупнее и способны постоять за себя. Что не понять, потому и лезут, что их много. Из тумана появлялись все новые и новые твари. Правда, нападали также по одному и почему-то только на Дениз.

«Прочь! Прочь! Что б вас ваши же сородичи пожрали! Убью!» И откуда только взялась ярость? Сейчас Санайя была уверена, что справится. Точно справится. Голыми руками порвет этих мерзких созданий. Страх нет. Она даже стала понимать восторг Дениз, с упоением отдавшейся горячности боя.

А это уже хуже. Мииты изменили тактику, и напали на магичку вдвоем. И опять только на нее. Хорошо это или плохо? Некогда думать, нужно напасть первой. Какие же они быстрые. Трусы. Пусть бегут. Главное, не расходиться.

— Санни, не отходить! Прокладывай курс! — отвлеклась Дениз, за что и поплатилась. Одна из тварей повисла на ее руке, намертво вцепившись зубами.

Стоит признать, зрелище одинокой серой кровоточащей головы, болтающейся на руке подруги, должно вызывать вполне оправданный ужас. Приличные барышни должны падать от такой картины в обморок. Но видимо, приличных барышень здесь не было, так как в обморок никто не упал. Некогда было. Туман совсем близко.

Что там ждет? Еще куча миитов? Или кто покрупнее? Неважно, ведь Кордес именно там.

Дениз опустила на колени. Хотелось бы думать, что споткнулась, но голова миита по-прежнему болталась на левом предплечье.

Молот, отбросив мешающий рюкзак, подскочил к разгоряченной боем магичке и, не обращая внимания на ее совсем не благородную ругань, перехватил руку с посторонним украшением и принялся кинжалом разжимать сведенные посмертным усилием челюсти. Санайя, хищно направив нож ни кишащую рядом нечисть, встала над друзьями, давая гоблину время закончить. Вот точно всех порешит! И нисколько не боится! А что пронзительно визжит, так это для устрашения нападавших. Они сами визжат.

Наверное, грозное зрелище она представляла, ведь ни один монстр напасть не посмел. Наконец, отделенная голова нападавшего полетела в кучу беснующихся сотоварищей. Дениз поднялась, для наглядности повела наспех перетянутой ремнем пострадавшей рукой, и, повернувшись к противникам, призывно поманила их пальцем. Неисправима.

Со стороны тумана послышалась ругань. Милая человеческая ругань. Как же желанны в некоторых случаях могут быть бранные слова. Даже если они весьма нелестны и направлены непосредственно вам. К ним приближались несколько мужчин во главе с Валдором.

Мииты с визгом разбежались. Стремительно преодолев разделяющее их расстояние, маги-боевики оказались рядом с нашими горе-спасителями. Бросив оценивающий взгляд, орк разразился короткой серией очередных ругательств и, не слушая возражений, взвалил Дениз на плечо и быстро направился обратно в туман.

— Чего замерли? Вас тоже нужно нести? Бегом за Валдом! — прикрикнул Шорд — маг, с которым Дениз в бытность на базе обновляла периметр.

Если бы не его бешеный взгляд, Санайя попросила бы донести рюкзак Дениз, по-прежнему валявшийся в стороне, а так молча подняла тяжеленную кладь и, подивившись, как же его несла подруга и что, вообще, она туда наложила, поспешила в указанную сторону.

Рюкзак у нее, конечно же, отобрали. Мало того, ухватили за руку и потянули вперед, как будто не верили, что спешит Санни изо всех сил. Только вот сил после боя совсем не осталось. А ведь даже ни разу кинжалом никого не задела. Впрочем, как и ее саму.

Зачем ее взяли за руку, Санайя поняла, оказавшись за завесой тумана. Предусмотрительно. Передвигаться здесь можно было только наощупь и по наитию. И сейчас ее тянули совсем не туда, где ощущалось присутствие Кордеса.

— Куда вы меня ведете? Мне не туда, — она даже попыталась сопротивляться.

Шорд даже не удосужился ответить, лишь дернул за руку и еще ускорил шаг.

— Пустите, мне в другую сторону!

— Ах, она еще и сторону будет выбирать!

Санайю, как была, вместе с рюкзаком, забросили на плечо и понесли в прежнем направлении. Колотить кулаками по мужской спине, впрочем, как и по тому, что ниже, не имело смысла. Разозленный маг реагировал лишь очередной тирадой ругательств.

Пожалуй, сейчас разговора не выйдет. Остается надеяться, что все, находящиеся здесь, вполне адекватны и способны к разумному

диалогу.

— Отпустите, я пойду сама. Меня сейчас стошнит.

Поставил на ноги. Надо же, услышал. Впрочем, опять взял за руку и продолжил движение в прежнем направлении.

Странно, но в этом тумане пропадала видимость не только предметов и расстояния, но и времени, даже звуки в нем глохли, что для нормальных туманов совсем нехарактерно. Долго ли они шли? Десять минут? Полчаса? Сказать сложно. В конце концов впереди темной массой нависла скала, в которой в буквальном смысле исчезали их спутники. Полулегендарный телепорт? Нет, обычный вход в обычную пещеру. Или не обычную, Санни до этого не видела ни одной. В пещере чадили самодельные факелы и, что радовало, совсем не было подозрительной туманной дымки.

Дениз уже лежала на обустроенном у стены ложе, над ней склонились Валдор и Молот. Они разрезали рукав рубахи и занимались раной. Это отметилось в первую очередь.

Во вторую... Да, была, конечно, надежда, что встречать незваных гостей пришли не все. Но чтобы среди встречающих не было начальника отряда?

— Где фиер эд'Пинкрон? — спросила Санайя у мрачного Шорда.

Не лучший сейчас собеседник, но уж какой есть. В конце концов, маги имеют право злиться. Ведь они ничего не понимают. Ни того, что именно они здесь бессильны, ни того, что Санайя просто не может оставить Кордеса.

— Хочешь получить еще и от него? — зло ответил он.

— Да!

На отчаянный крик оглянулась даже Дениз. Неудобно? Некогда расточать реверансы и пустые словеса.

— Ушел, — выплюнул Шорд и, бесцеремонно осмотрев и ощупав собеседницу насчет ран и повреждений, велел ей затихнуть там, где сидела, и отошел по своим делам.

Совет был чудо как хорош. Хотелось не просто сесть и затихнуть, а лечь и уснуть. Но спать она могла бы и на базе. И дома. Но Санайя здесь, и у нее есть дело. Дело, которое, кроме нее, никто не сможет сделать. Даже здоровяк Валдор, даже злюка Шорд. Может, именно от своей беспомощности он такой злой? Имеет право злиться. Вот и подруга пострадала из-за нее.

Санайя поднялась и подошла к Валдору и Молоту, хлопотавшим над Дениз. Магичка, завидев ее, даже постаралась изобразить слабую улыбку.

— Как ты, Денни?

— Бывало и лучше, но все равно прекрасно.

Как будто от нее ожидала услышать что-то другое.

— Прости, это я виновата. Втянула тебя в передрагу.

— Да ты что?! — искренне возмутилась та. — Где бы я еще нашла такие приключения! Мне теперь все завидовать будут. Настоящий боевой шрам!

Оставалось только вздохнуть. Когда уж привыкнет, с кем имеет дело.

Валдор, до этого молча слушавший разговор, тяжело вздохнул и обратился к маленькому гоблину:

— Маляв, я еще могу понять этих восторженных городских девиц, романтики и приключений им захотелось, но ты-то, ты-то куда? Всегда разумный, осторожный. От тебя я этого не ожидал. Ты же уверял, что видишь суть!

— Потому и пошел с ними, что вижу суть, — тихо ответил Молот. — И мы с девочкой пойдем дальше!

— Дальше они пойдут, — если так скрипеть зубами, то и знаменитые орочьи клыки стешутся. — Куда вы собрались, горе-путешественники?

— За Кордесом, — вступила в разговор Санайя.

— Аха, — орк, закончив с обработкой ран пострадавшей, присел на плоский камень, что в данный момент исполнял роль стула, — значит, за Кордесом. Как трогательно. И что вы можете? Лихо расшвырять миитов? А может, считаете, что вашего грозного вида испугаются инуорши? Ах, да, совсем упустил из виду, вы можете так визжать, что даже мииты содрогнулись и вас не тронули.

Ждет ответа? У Санайи много есть, что сказать. Даже просто озвучить слова тетушки Лачи. Только вот злые слезы совсем близко подступили к глазам, и прольются, как только она произнесет хоть слово. Спасибо Молоту. Он положил свою теплую ладошку ей на предплечье, успокаивающе сжал пальцы, и заговорил:

— Да, не тронули. И не потому, что испугались, а потому что мы приказали. Тебе ли не знать, шаман может послать приказ его не

трогать. Как и сильная ведунья, пусть приказ и был неосознанным.

Надо же, это что получается, Санни приказала миитам ее не трогать? Как же она не догадалась приказать не трогать и Дениз. Хотя, подруга — это случай особый, у нее хватило бы безрассудства догнать неосмотрительных тварюшек и напасть самой.

— Интересная версия, — хотя бы спорить не стал, уже хорошо. — Но это все равно не оправдывает вашего неблагоразумного поведения. За каким миитом, — он даже не усмехнулся собственному каламбуру, — вы вообще сюда подались?

— Мы не сюда, мы дальше, — степенно ответил гоблин.

— Значит, мимо проходили? — глубокомысленно кивнул Валдор. — И куда же держите путь, позвольте узнать?

— Мы должны спасти фиера эд'Пинкрона, — вступила в разговор Санайя. — И мы пойдем!

За спиной упало что-то металлическое, по звону очень напоминающее котелок. Ругань Грэйс, готовящей в это время пищу, подтвердила догадку. Похоже, к их разговору прислушивались все присутствующие.

— Чушь! — слово было до невозможности обидным, но нисколько не могло изменить принятого решения.

— А я сказал, мы пойдем! — Молот даже привстал, чтобы казаться выше и значительнее. — Я и иерина дин Тиаграсса.

— За старшего сейчас здесь я, — решил надавить авторитетом орк. — И именно я отдаю приказы, кто чем займется и куда пойдет.

— А я вам не подчиняюсь, — гоблин развел руки. — Я не служащий базы. Я наблюдатель! Наблюдатели сами выбирают свои дороги!

— Что ж, все четыре стороны твои. Иди, коли уж так нужно, — Валдор широко повел рукой, обводя простор пещеры. — Девушки останутся. Обе. Приказ об их назначении я видел лично, и они-то уж точно должны подчиняться приказам. Отвечать за их светлые, — как презрительно он произнес это слово, — головы не тебе, а мне.

Санайя возмущенно засопела. Да как он смеет! Кажется, один неосмотрительный орк имеет возможность получить стихийное неконтролируемое проклятие. Она читала про такие. Очень нехорошая штука. Если ведунья не знает, что и как накладывала, то и как снимать, тоже не ведает.

Молот, по-прежнему удерживающий ее руку, осторожно задрал рукав. Коснулся рисунка на запястье.

— Видишь это? — тихо спросил он.

— Ну, — орк не понимал, как какой-то браслет-татушка может изменить его решение.

— У фиера эд'Пинкрона такой же. Их связал Лес в ночь солнцестояния. Навсегда. Иерина Санайя его суженая.

Весело булькало варево в котелке, где-то в глубине пещеры размеренно капала вода. Присутствующие замерли в изумлении и ожидании продолжения.

— В ночь солнцестояния, говоришь? Уж не после той ли ночи командир стал такой злющий? Орет на всех? В Большой Иуренг срочно уехал? И вот тогда-то все и началось... — Валдор нехорошо посмотрел на Санайю. Решил, что именно она виновата в случившемся?

А ведь косвенно это так и есть. Пинешту поджег Лес именно после той ночи, когда понял, что Оракул ускользнула из его рук.

Можно начать оправдываться и уверять, что все исправит. Но зачем? Только время терять. Санайя поднялась.

— Некогда нам с вами засиживаться. Мы пойдем. Фиер эд'Пинкрон в опасности, и у него совсем не осталось сил.

— Стоять! — ох, и громогласные же эти орки. И чего так кричать. Ведь уже понял, что они все равно пойдут. — И не смотри на меня так, как будто собралась порвать на мелкие лоскутки. Четко-ясно расскажи, куда собрались идти, и почему решила, что командир в опасности.

Кажется, им начали верить.

— Я его вижу! Вернее, его спину. Уходит в... радужную даль. Сначала просто шел. Потом начал падать. Сейчас поднимается все реже. Мы должны спешить! Тетушка Лачи сказала, что мы сможем! Молот и я. Только мы. Магам туда дороги нет. Корд пошел, — она и сама не заметила, как назвала Кордеса кратким именем, но никто не обратил на эту вольность внимания. — И вот...

— Значит, видишь, — Валдор постучал пальцами по согнутому колену, а потом чуть ли не жалобно поинтересовался: — Он еще держится?

— Пока да, — тихо ответила Санни.

— Так, два часа на обед и отдых — иначе я вас не отпущу — потом отправляетесь, — орк обреченно махнул рукой, принимая на себя груз непростого решения. А потом добавил странные слова: — Если сможете.

Считает, у тихой домашней девочки, переключившейся в кабинете бумажки, не хватит сил? Чуть раньше Санайя и сама бы так думала, но сейчас так даже думать нельзя. Поест, немного отдохнет и отправится. И ничто не сможет ее удержать.

Удалось немного вздремнуть. И даже проснуться самостоятельно. Хотя здесь не было заслуги Санайи. Кордес, опять присутствующий в ее видениях, уже почти не поднимался на ноги, но все так же упрямо полз вперед.

— Отдохнула? — Молот был бодр и деятелен, как будто бы не он проделал вместе с девушками весь путь. — Вот и прекрасно. Мы тут собрали кое-что, — он указал на их заметно опустевшие рюкзаки. — Ничего лишнего, только вода, еда и фонари, самые простые, не магические. Сейчас еще раз перекусим, и можно отправляться.

Да-да, нужно спешить. Санайя позволила Дениз поправить на себе одежду и амуницию, отказалась от ее щедро предложенного кинжала, резонно заметив, что все равно не умеет им пользоваться, и, оглядев всех собравшихся, кивнула им на прощание и пошла в ту сторону, где, как она думала, находился сейчас Кордес.

Молот шагал почти рядом. Это понятно. Но зачем с ними идет Валдор? Решил проводить? С рюкзаком? Если вспомнить слова тетушки Лачи, там, куда они направляются, он будет только мешать. Попробовать убедить его в этом? Стоит только глянуть на решительный вид орка, как возражения гасли сами собой. Вот же упертый. Похоже, это отличительная черта всех магов.

— Сюда? — он шагнул следом. — Ну-ну. От меня далеко не отходить. Со встреченными сущностями в бой не вступать, — с какими сущностями? Санайя в своих видениях не видела ни одной. — Почувствуете что-то странное, сразу... — что нужно будет сделать в этом случае, узнать так и не удалось, так как голос Валдора резко прервался.

Уже почувствовал что-то странное? Санайя оглянулась. Там, где они с Молотом только что прошли, была монолитная каменная стена.

— Валдор?

Ответом была тишина.

— Молот, куда он делся?

— Похоже, именно это имела в виду бабуля, когда говорила, что маги не справятся без помощи детищ Веды. Вот и находят ее слова объяснения. Не всеми путями могут пройти не благословенные Ведой, — подтвердил ее мысли гоблин. — Валд и сам это понимал, но все равно попытался. — Эти пути — для избранных. Идем, не нужно останавливаться.

И то правда, нужно спешить, и Валдора точно искать не стоит. Не для магов эта дорога.

— Молот, но фиер эд'Пинкрон, он же шел здесь? — начала Санайя и смолкла. Ведь у Кордеса есть благословение. Высшее благословение Веды. Одно на двоих.

— Вот тебе и доказательство, что повязан он с тобой навсегда. Иначе никакие амулеты не помогли бы ему здесь пройти.

Здесь? Санайя огляделась.

— Молот, а мы где? Странно тут.

Стоит признать, вопрос и правда, странный, ведь вела именно она. Но можно ли идти, и не знать куда? Как же не хватает знаний!

Ведунья попыталась понять, куда же они попали. Мрачные стены пещеры незаметно исчезли. Но и привычного вида местности не появилось. Ни гор, ни деревьев, ни травы. Туман? Вроде бы есть. Стоило приглядеться, и его нет. Ничего нет. А потому вниз лучше не смотреть. Есть, на что поставить ногу, уже хорошо. Больше всего это походило на то место, в котором брел Кордес. Вот и славно. Значит, они на правильном пути.

Санайя не сразу заметила, что легкая хромота Молота, на которую ни он сам, ни окружающие не обращали никакого внимания, заметно усилилась. Гоблин не жаловался, но его шаг становился заметно тяжелее, а дыхание участилось. Странно, она усталости не испытывала и монотонно, как заведенная, переставляла ноги, думая лишь о том, что каждый шаг приближает к Кордесу.

— Отдохнем? — первая предложила ведунья.

— Давай, — покладисто согласился Молот и опустился на пол прямо там, где остановился.

Пока шли, старались беречь силы, а потому лишних разговоров не вели и по сторонам зря не глазели. Сейчас же появилась возможность осмотреться. Странное место. Вроде бы и не пещера, но и привычного открытого пространства не было. Взгляду совершенно не за что было зацепиться.

— Молот, ты не знаешь, где мы?

— Точно не знаю. Не уверен. Может быть, на пути богов.

— На пути богов? Скажешь тоже. Это же из поговорок. «Пути богов неподвластны смертным». «Не хочешь беды, не вставай на пути бога», — процитировала Санни.

— Я же только предположение высказал. Но знаешь, если есть боги, то должны быть и их пути. Верно?

Возразить на это утверждение было нечего. Оставалось только надеяться, что властители этих путей не разгневаются и не сметут с них забредших букашек, возомнивших себя спасителями.

— Ну что, идем дальше?

— Идем, — согласился гоблин, поднимаясь. — А то что-то тревожно здесь становится. Похоже, долго на одном месте засиживаться не стоит.

— Да мы и сидели-то всего... — Санайя, сделавшая уже несколько шагов, замерла. — Молот, а правда, сколько мы сидели? Четверть часа? Час? Стыдно признаться, но я как будто совсем потеряла ощущение времени.

— Бабуля говорила, что есть такие места, где времени как бы и нет, — признался ее спутник.

Нехорошая догадка в очередной раз заставила замереть.

— Молот, но если здесь нет времени, то может так оказаться, что и расстояния нет?! Но где же тогда Кордес? Он же куда-то шел? И мы идем. Куда мы идем, Молот?

— А ну отставить панику! — прикрикнул гоблин. — Цель чувствуешь? — Санайя неуверенно кивнула. — Вот туда и идем. Давай, давай, переставляй ноги. Или ты отказываешься? — маленькие темные глаза вдруг обрели глубину, так напомнив глаза тетушки Лачи.

— Нет! — отчаянные отголоски крика запутались в мутном мареве окружающего пространства.

— Вот и иди, — уже знакомым чуть ворчливым голосом ответил Молот.

И правда, к чему тратить силы на лишние разговоры. Разве это сейчас важно?левой, правой. Главное, быть уверенной, что каждый шаг приближает к цели. К какой? Спасти Кордеса. Или к другой? К той, к которой стремился он сам? Шевельнулась запоздалая досада. И как не подумала спросить у Валдора, за чем же пошел сам Кордес? Что он должен сделать? Ведь не просто так он ступил на этот путь. Опять не сказали бы, как не заслуживающей быть посвященной в государственную тайну? Наверняка. Захотел бы, сам рассказал. Спросить Молота? То же самое. Скажет, если сочтет нужным. Тем более, он так тяжело дышит.

— Молот, ты устал? — Саная оглянулась на шедшего сзади спутника. — Молот, да та совсем плох!

По сероватому лицу гоблина катились капли пота, им не мешала даже плотная повязка на лбу.

— Ничего, — тяжело ответил он. — Я смогу еще пройти. Иди, не останавливайся.

— Молот, миленький, давай отдохнем! — взмолилась Саная и хотела выдвинуть аргумент, что устала сама, но, прислушавшись к себе, поняла, что это совсем не так. Излишней бодрости, конечно, не ощущалось, и на подвиги, как некоторых магичек, не тянуло, но и упасть без сил, закрыть глаза и хотя бы час-два-сутки не шевелиться, не было.

— Я сказал, иди, — почти зло выплюнул он.

Перечить такому Молоту не хотелось.

— Давай я хотя бы твой рюкзак понесу.

Гоблин лишь посмотрел, как на неразумное дитя. И то правда, что это она. А вдруг между ними возникнет стена, как в случае с Валдором? Тогда Молот останется без воды и пищи.

Времени нет. Расстояния нет. Есть только путь, который нужно преодолеть. В этом странном месте совсем не слышно шагов, и только тяжелое дыхание показывало, что спутник по-прежнему следует за ней.

— Санни, — тихий шепот-хрип заставил остановиться. — Кажется, я уже на нуле. Дальше ты сама.

— Молот, но как же?.. Я не могу тебя здесь бросить! Немного отдохнем, перекусим. Молот, пойми, я не могу вернуться. И остаться с

тобой не могу! — сколько можно обещать себе не плакать и опять вытирать слезы. Злые слезы бессилия. Бессилия помочь другу.

— А ты и не вернешься. И не останешься. Ты пойдешь дальше. Не плачь, глупая девчонка. Все идет, как должно. Иди, иди, — он прогоняюще замахал рукой. — Негоже иерине смотреть на слабость мужчины, даже такого никчемного, как я.

Можно было много возразить на эти слова, но зачем? Вышла бы только напрасная трата времени и сил.

— Знаешь, Молот, я горжусь, что у меня есть такой друг. И бабушка твоя тобой гордится, уж поверь начинающей ведунье, — Саная потянулась к щеке спутника, тот дернулся, но она все равно успела дотронуться. Мелькнувшая догадка перешла в уверенность, как только удалось перехватить виноватый взгляд спутника. — Молот, ты отдавал мне силы? Но зачем?!

— Вот же ведьма, почувствовала, — досадливо ругнулся он. — Затем, что тебе они нужнее! Нечего туда идти толпой! Уж лучше одна, но дойдешь. Дело не только в жизни твоего суженого, на кону стоит много большее. Обо мне не беспокойся. Ты иди, Санни. Иди, я в тебя верю.

Кто это сказал? Молот или тетушка Лачи? А может быть сама богиня Веда? Не все ли равно, ведь и правда, нужно спешить.

— Ты прав. Я пойду.

Хотелось пообещать, что совсем скоро вернется, и они вновь встретятся. Что все поймут, какой Молот на самом деле. Но зачем пустые слова. Все здесь все понимают. Все так и будет.

ГЛАВА 14

Стоило большого труда сделать первый шаг. Еще большего — не оглянуться. Ведь если она оглянется, то кинется назад. Да, Молот сильно ослаб, но Санайя была уверена, что он сможет восстановиться. А вот Кордес нет. И потом, если она сейчас вернется, все их усилия будут напрасны: и ранение отчаянной до безрассудности Дениз, и жертва всегда осторожного Молота, и... Впрочем, хватит думать о себе, как о спасительнице мира. Это не так. Далеко не так. Рано или поздно придут другие, более подготовленные. Случайно или нет, но получилось так, что она оказалась среди первых. Прочь, лишние мысли, прочь! Санни вовсе не героиня. Она просто делает то, что должна.

Сколько она прошла? Час? Сутки? Несколько сотен шагов, или полмира? Времени нет, расстояния нет. Есть мужчина впереди, который упал и уже не смог подняться. Да и у самой сил совсем не осталось. Как же тяжело даются последние шаги.

Явь или видение? Желаемое, выдаваемое за действительность?

— Корд? Кордес!

Санайя кинулась к безвольно лежащему телу.

— Фиер эд'Пинкрон, — зло прошипела она, — только не смейте говорить, что вы сдались! Я вам этого никогда не прощу!

Что же делать? Как помочь? Ругань точно не поможет. И пусть здесь нет времени и расстояния, но вес никуда не делся, и поднять бессильное, но по-прежнему мощное тело не стоит и пытаться. Как же не хватает знаний. Знаний не хватает, иерина дин Тиаграсса? Да у вас не хватает умения ими пользоваться!

Вспомнилось, сколько раз ей говорили, что они, как суженые, запитаны силой друг на друга. Как хорошо ей было в объятиях этого мужчины. Но ведь так может быть и с ним? Других идей все равно нет.

Санайя прилегла рядом с бессознательным Кордесом. Пожалуй, контакт тел нужен максимальный. Не слишком ли будет ему тяжело, если положить на грудь руку? И голову. И, чтобы удобнее, и для большего контакта конечно же, еще и ногу сверху закинуть. А будет ли приличным засунуть ладонь под рубашку? А, прилично, неприлично,

никто же не видит. Значит, можно засунуть. Как медленно бьется сердце. Как же отыскать в себе силу, которую нужно передать? Коснуться губами губ? Какие холодные. Чуть шевельнулись. Хватит экспериментов, а то, когда очнется, позора не оберешься. Как же она устала. Теперь можно и отдохнуть. Вырвавшийся из груди девушки вздох можно было даже принять за счастливый.

Проснулась Санайя бодрой и отдохнувшей. Как уютно лежать, крепко прижатой к мерно вздымающейся мужской груди. Слушать стук сердца. Знать, что оно стучит именно для нее. Стоп-стоп-стоп! Это уже досужие домыслы! Стучит, и слава Веде!

Какое горячее у него тело. А ведь еще недавно был совсем холодным. Согрелся? Уже хорошо. Значит, она все правильно сделала. Век бы так провела. Или нет? Кажется, лежать, не шевелясь, недостаточно. Хочется провести ладонью от груди вниз. И опять вверх. Осторожно коснуться соска. Какой твердый. И зачем мужчинам соски? Они же не вскармливают грудью? Чтобы их трогать?

Рванный мужской вздох прервал размышления и исследования. Попалась. Сейчас начнется.

Не началось. Ее только крепче прижали к груди. Надеяться, что Кордес по-прежнему без сознания, было как минимум наивно. Да и вообще, именно этого она и добивалась, чтобы он как можно скорее пришел в себя.

Санайя осторожно приподняла голову и поймала внимательный взгляд. Какие же у него глаза. Глубокие-глубокие. В ту, их первую ночь, этого видно не было, а потом. Потом они были злые и колючие.

— Ущипни меня, видение.

Не иначе, как миит ее попутал, Санайя сжала пальцы, до сих пор касавшиеся мужского соска. От собственной смелости и безрассудности стало немного стыдно. Смущенно попыталась убрать с груди руку. И чего так зашипел?

— Больно? Прости.

— Все равно не верю, что это ты.

— И не верь. Просто не гони. Нам... нам надо еще так побыть. Просто полежать! Ничего больше!

— Да я ни на что большее пока не способен, — усмехнулся он. Иронизирует? Значит, пришел в себя. — Расскажешь?

— Про что? — растерялась Санни.

— Вообще-то, я хочу узнать про все. Как я понимаю, именно ты вернула меня к жизни?

Кордес почти полностью затянул ее на себя и, словно боясь встретить сопротивление, осторожно забрался пальцами под рубашку на спине. Но ведь им нужен плотный контакт? Вполне достойный аргумент, чтобы позволить это. Не встретив отпора, ладони полностью разместились на спине. Кончики пальцев забрались под ремешок брюк. Ну и ладно, видимо, ему так удобнее.

— Скажешь тоже, к жизни. Просто мы получаем силы друг от друга. Ты их даешь мне, а я тебе. Это другие силы, совсем не магические! Природные. Я... я точнее не могу рассказать, сама еще толком не разобралась. Когда мне было плохо, я подпитывалась от деревьев. Но... нужно от тебя. Ты не думай, я не навязываюсь, нет! Может, есть, наверняка есть и другое решение, у тебя гораздо больше возможностей, я уверена, что ты его найдешь, мы найдем, но пока... пока только так. Ты прости, это все случайно вышло, — Санайя говорила сумбурно, боясь, что Кордес ее остановит и скажет, что она несет несусветную чушь, и что он в эти ведьминские штучки совсем не верит.

— Случайно? Ты хочешь сказать, что случайно встретила меня в этом месте?

— Нет, сюда я шла специально. Я про Лес. Извини. Ты попал под действие древнего ведовского обряда. Не знаю, случайность это или нет, но это произошло, и нам нужно как-то с этим жить.

— Случайность? — опять переспросил Кордес и заерзал, устраиваясь поудобнее.

В результате его телодвижений рубахи на обоих немного задрались, увеличив контакт обнаженных тел, а левая ладонь уютно расположилась под брюками Санайи. Пусть. Видимо, так восстановление идет еще быстрее. Да и ощущения от этой близости нельзя назвать неприятными.

— Да. Ведь ты, как я могу понять, не собирался проходить в ту ночь свадебный обряд? Или?.. — она смолкла, предлагая собеседнику продолжить.

— Нет, ни в ту ночь, ни в последующие. Мы в Священный Лес Веды вообще стараемся не заходить. Не любит Лес посторонних. А

тут, словно кто вел меня. Помню, поужинали. Молот еще сказал, что хочет поговорить. Мы с ним ушли в кабинет. Он сообщил, что сегодня какой-то особый день, предложил выпить. Но кто этих гоблинов поймет, ты его сама имела возможность изучить. Молот есть Молот, — мужская грудь поднялась, отображая особо глубокий вдох. — Выпили, Молот вскоре сказал, что куда-то спешит, и ушел. Я еще хотел поработать с бумагами. Потом, как что меня толкнуло, решил пойти проверить периметр базы. Обошел его весь, остановился совсем рядом с Лесом. Зачем я пошел тогда в Лес? Похоже, ответ на этот вопрос стал проясняться только сейчас. Тогда я был уверен, что действую верно и по собственной воле. До самого утра был уверен. Не удивлялся, что тропинка как будто сама ложится под ноги. Не удивлялся, что ноги босы. И когда тебя встретил, тоже не удивлялся. И то, что ты... была девушкой, тоже воспринял, как должное, — смолк. Напрягся. Все сказал? Нет, заговорил вновь. — Я пойму, если ты никогда не простишь меня за те злые слова. Все, что бы я ни сказал в оправдание, будет жалким. Но все равно. Прости.

Голова Санни опустилась Кордесу на грудь. Злые слова? Да. Обидные? Очень. Имел ли он право так говорить? Наверное. Имеет ли она право простить? А возможность не простить?

Мужская рука выбралась из брюк и бессильно упала на пол. И опять первым прервал молчание Кордес.

— Да, я понимаю, что оправдываться жалко и недостойно мужчины. Я и не оправдываюсь. Просто хочу рассказать, чтобы ты знала. Я ушел. Не помню, далеко или нет. Шел, совсем не разбирая дороги, почему-то нисколько не удивлялся, что обратный путь был завален буреломом и колючими плетями. Лес высказывал недовольство? Вполне возможно. Я даже без магии достаточно хорошо ориентируюсь на любой местности, в том числе и абсолютно незнакомой. Как случилось, что я вернулся на ту же поляну? Не знаю. Невозможно передать, какой я испытал ужас, когда вместо тебя увидел там старую гоблиншу. Подумал, что она — это ты. «Ты не ведунью обидел, ты судьбу свою обидел», — сказала мне она. Мне стыдно повторять то, что я тогда наговорил. Это недостойно мужчины. Скажи, — Кордес напрягся, — она и ты — одна и та же? Если так, прости и за те слова. Знаю, не ты. Пусть меня простит та мудрая женщина.

Санайя почувствовала, как ее волос коснулись мужские губы. Мелькнула досадная мысль, что, должно быть, от волос не очень хорошо пахнет, все же несколько дней в дороге, было не до мытья.

— Это была тетушка Лачи. Очень хорошая женщина. При нашей следующей встрече я обязательно передам ей твои извинения. Думаю, она поймет. А дальше? Что было дальше?

Рука, до этого безвольно лежащая на полу, опять вернулась на спину девушки, нежно прижала. Губы вновь коснулись волос. Кордес заговорил:

— Не ты? В душе я это понял. Но уточнить все же стоило, — он облегченно вздохнул, а потом продолжил: — Так уж получилось, что у меня сложились сложные отношения с ведуньями. Да что там сложные, я их ненавижу. Правильно это или нет, это уже другой вопрос. Зачастую, у ненависти, как и у любви, нет прямых и ясных объяснений. Чувство просто есть. Вот и у меня оно было. Ко всем ведуньям сразу. Иррациональное? Вполне возможно. Но от этого не менее глубокое. Что я должен был подумать? Первая, и самая простая мысль: со мной второй раз провели один и тот же трюк. Это уже немного позже я смог сказать себе: «Кордес, это не ведуньи коварные интриганки, это ты дурак. Попасть второй раз в ту же яму может только полный идиот». Тогда же я развернулся и ушел, хоть и хотелось упасть к твоим ногам. Просто прижаться и так замереть. И только отравленный ненавистью разум кричал, что сделал все правильно.

Мужчина смолк. Осторожно провел ладонью вверх и вниз по спине. Не встретив сопротивления, опять коснулся губами волос, словно невзначай, мазнув и по виску, устроил Санайю на себе поудобнее.

— Тогда, в тот, первый раз, на мне совершенно случайно при плановой проверке состояния обнаружили воздействие. Не приворот, а именно ведовское воздействие. То, что одновременно и проще, и сложнее любого приворота. Проще, потому что оно основано на естественных чувствах и влечениях, но от этого и сложнее, подобное ведь и обнаружить почти невозможно, только если искать целенаправленно особыми методами. Именно тогда меня бросила невеста. Повторяю, я не оправдываюсь, я рассказываю, как было. Я, уверенный, что воздействие как можно скорее нужно снять, опять ушел с той поляны. На этот раз колючек и бурелома не было. Было другое. Мне до боли хотелось вернуться. Я держался за голову и

повторял: «Это наваждение. Это опять наваждение. Ты должен как можно скорее от него избавиться». Несколько раз ловил себя на том, что иду обратно, но упрямо разворачивался и шел на базу. Знакомая опушка появилась, когда я уже решил, что никогда не выберусь. Если деревья умеют кричать, значит, это они крикнули мне вслед: «Упрямец!» Я даже не отдохнул как следует. Плохо помню, как собирался и что говорил Молоту. Вернее, не хочу вспоминать. Стыдно. Тогда я был не лучшим собеседником. Накричал на него, велел заниматься своими делами, как будто он этого сам не знал, и уехал в столицу. Каяться, что как последний дурак, опять попал в те же сети, и опять просить снять воздействие. Вполне обоснованно полагал, что надо мной посмеются, понизят в должности, а то и выгонят из Управления. Что было бы вполне заслуженным. В нашем деле подобные промахи недопустимы. Ты не устала слушать? — рука, последние несколько минут свободно бродившая по спине, подползла вверх, и большой палец нежно коснулся девичьей щеки.

— Нет-нет, что ты, рассказывай!

— А что рассказывать. Наорали на меня, конечно. Знатно наорали. Пообещали все, что я успел надумать и еще много чего сверху, вплоть до трибунала. Но воздействие пообещали снять. Вот тогда-то и выяснилось, что это не совсем воздействие. И на меня опять наорали. Теперь уже за то, что не понял этого сам. Ведунья, которая приходила провести проверку и, если нужно, ритуал снятия, тыкала мне в нос моим же запястьем, на котором сам собой появился браслет из веточек, и говорила, что я кретин, дурак, осел, и вообще, мозгов у меня меньше, чем у этой самой веточки. Говорила, что мы теперь связаны с тобой навсегда, и я должен завершить обряд. Как я тогда злился. Это я кому-то что-то должен? В общем, бурный вышел у нас тогда разговор с той ведуньей, хоть и знаю, что спорить с вашей сестрой себе дороже. После нагоняя я отправился в кабинет и стал паковать вещи. Готовился передавать дела. Удивился, когда меня не только не выгнали из Управления, но и оставили на прежнем месте. Тут еще пожар в Лесу случился, чего не было давным-давно. А потом и в предгорьях стали твориться странные вещи. Нужно было быстрее разбираться. Меня срочно отправили обратно. Скажу честно, после того разговора каждый остался при своем мнении. Ведьма, вернее, ведунья, считала, что я последний кретин. В принципе, я с ней был согласен, но только в

этом. Основу под мой кретинизм каждый подводил свою. Подчиняться их ведовским законам и правилам я не собирался. Вернулся на базу и увидел тебя. Что я должен был подумать? Что мной искусно манипулируют. Но это во вторую очередь, а в первую. В первую очередь я захотел прижать тебя к себе и никуда-никуда не отпускать. Злился? Конечно, злился. Но больше уже на себя. Избегал тебя, как мог, а ноги сами несли туда, где, как я точно знал, находилась ты. Несколько раз ловил себя ночью возле дверей комнаты, где ты спала. Руки до зуда в пальцах желали коснуться хотя бы краешка твоей одежды. И это все злило меня еще больше. Как я испугался, когда понял, что ты в тот вечер, вопреки приказу, ушла в Лес. Хотел кинуться следом. Искать ведунью в их Священном Лесу? Лучше поискать дурака в себе. Это проще и гораздо эффективнее, — пальцы Кордеса осторожно, словно боясь испугать, — касались лица Санайи. — Стыдно признаться, но даже обрадовался, что из-за возникших проблем можно было уйти с базы. Сбежать от тебя. Как оказалось, сбежать можно ото всех, только не от себя.

Кордес замолчал. Молчала и Санайя. Да, он все рассказал. Не сказал только главного. Ждала ли она тех самых слов? Тех, которые ждет каждая девушка. Которые так часто говорил ей обманщик Риченд.

Слова могут лгать, а потому и спрашивать не стоит. Готова ли Санни услышать, что он по-прежнему жалеет о том, что случилось той ночью? Трусиха. Никогда из нее не выйдет отважной и целеустремленной ведуньи. «Я смогу. Я сделаю»? Сказать легко. А если сделать маленький-маленький шагоч, как учила тетущка Лачи?

— Корд, — осторожно позвала она. Мужчина заметно вздрогнул. — Извини... те, фиер эд'Пинкрон. Тебе, вам не нравится, когда я вас так называю?

— Да. Нет. Это ты извини меня. Называй, как тебе удобно.

Большого ума не нужно, чтобы догадаться, почему это имя вызывает в нем такие эмоции.

— Тебя так называла та, с которой вы расстались, да? Твоя бывшая невеста? Извини, я не хотела беречь рану.

— Ничего, все уже давно прошло и отболело. Я отпустил прошлое. Та девушка — Лесса — нашла свою судьбу. И это не я.

Санайя и сама не поняла, откуда у нее взялась смелость спросить то, что она спросила, но вопрос просто раздирал внутренности и не давал покоя. Если уж у них случились мгновения откровений, то нужно пользоваться. И помнить про маленький шаг.

— Покажешь свой браслет? — шепнула она.

— Корд.

— Что?

— Думаю, в столь частных разговорах правильнее будет называть меня по имени. Корд. Мне нравится, как оно звучит в твоих устах. Буду рад, если позволишь называть тебя Санни.

Санайя кивнула. Пусть так ее называли почти все близкие люди, в устах Кордеса оно звучало по-особенному. Официальное же иерина дин Тиagrасса или Санайя казалось не совсем уместным. Сана, как звал ее эд'Рочестер, хотелось навсегда забыть.

— Корд, ну так что, покажешь браслет?

Кордес кивнул и сел. Тряхнул головой, разгоняя последние остатки слабости и головокружения и, устроив Санайю на своем левом колене, засучил рукав на правой руке. Постепенно на его запястье стал проступать уже знакомый рисунок. Или незнакомый? Он был чуть больше, чем ее собственный, и почки были достаточно крупными, между чешуйками некоторых даже просматривалась робкая зелень. Тут же захотелось сравнить.

Глупую улыбку, самопроизвольно растянувшую губы, прогнать удалось не сразу. Почки на собственном браслете тоже стали больше. И зелень на многих из них просматривалась вполне отчетливо.

— Странно, — Кордес свел брови, — кажется, когда я смотрел на него последний раз, он был немного другой.

Рассказать, каким в идеале должен быть ведовской брачный браслет? Ну уж нет, на такое Санайя не решится. Еще подумает, что она навязывается. И не навязывается вовсе. Но немного приоткрыть завесу этой маленькой тайны можно.

— Мы обменялись силами. Вот браслеты и отреагировали. Кстати, ты как, идти можешь?

Не хватало еще, чтобы Санайю стали допрашивать про браслеты дальше. Да она же умрет от стыда!

— Да, — Кордес поднялся и поставил на ноги девушку, — пожалуй, я пойду.

— Ты пойдешь?

Это что же, он собрался оставить ее здесь?! Дура. Дура, дура, дура! Думала, если полежали, прижавшись, поговорили и поделились силами, то стали ближе? Она по-прежнему ведунья, а он все так же их ненавидит.

— Санни, там, куда я иду, может быть опасно.

— А здесь вам, фиер эд'Пинкрон, было не опасно? — Санайя зло прищурила глаза. Ох, как же она сейчас была зла. — И совсем не ваше полудохлое тельце я совсем недавно вытаскивала с того света? Кретин, болван, тупица, чурбан от магии! Все верно про вас говорят! А ты — самый маг из всех магов!

Как же мало она запомнила эпитетов, которыми сыпала в минуты гнева Дениз. Как же жалко, что под руками нет подходящего сервиза, чашками и тарелками которого так хотелось покидать в этого негодяя. Да под ногами даже заваливающего камушка нет. Оставить он ее здесь решил! И через сколько времени его силы опять иссякнут? Ведь только на артефактах и держался. Пока они не разрядились.

— Вам придется меня связать, фиер эд'Пинкрон, иначе я здесь не останусь! И нечего на меня смотреть такими беспомощными глазами! Идемте! — она кивнула головой, и первая сделала шаг.

— Санни, ты знаешь, куда идти?

— На пути богов главное, не останавливаться. И так пока есть силы! — безапелляционно заявила она, продолжая идти.

— Ты и про это знаешь? — Кордес догнал и взял за руку.

Санайя согласно кивнула. Возмутиться? Но его рука такая сильная. Такая теплая. Уютная. Родная. И вообще, именно при живом контакте они восполняют силы. Да, именно для восполнения сил он ее и взял за руку. И стоит ли тратить эти самые силы на ругань?

Некоторое время они шли молча. Изредка Кордес набирал в грудь воздух, словно хотел что-то сказать, но, не решившись, замолкал. Иногда этот маг излишне говорлив, а иногда, когда Санни уже самой не терпелось выяснить, что же он хотел сказать или спросить, молчал, как какая-нибудь боязливая пансионерка.

— Санайя, я могу узнать?

Наконец-то решился, а то она уже сама была готова пытаться, что там у него варится в голове.

— Можешь, — благосклонно кивнула она.

— Кто был тот мужчина на крыльце Управления? Он ждал тебя, и вы вместе ушли.

Значит тогда, когда она встретила с Ричендом, взгляд из окна ей не показался.

— Это был Риченд. Риченд эд'Рочестер. Мой жених.

— Эд'Рочестер? Один из сыновей графа эд'Рочестера? Приличная семья, — Кордес и сам не заметил, как крепко сжал пальцы.

— Ты делаешь мне больно.

— Да? Извини, — хватка немного ослабла.

Можно было бы помучить Кордеса, вон как нахмурился от осознания того, что у нее может быть жених. Но он ей честно рассказал все. И про свою бывшую невесту, и про непростое отношение к ведуньям. И Санайя принялась рассказывать. Про Риченда. Про Пинешту и обряд. Про то, как они с Дениз вознамерились обойти планы навязанного жениха. Про обряд илиди, проведенный тетужкой Лачи, тоже рассказала. Остановилась на встрече на поляне.

— Дальше ты знаешь сам, — резко оборвала она тяжелое повествование.

Мужская рука опять непроизвольно сжалась.

— Тебе пришлось нелегко, да?

— Все уже прошло. Я в порядке. Благодаря Дениз и метрессе Ликинне. Риченд, как и Пинешту, остались в прошлом.

— Санни! — Кордес резко остановился, повернулся к ней лицом и, наклонившись, прижался лбом ко лбу.

Они просто стояли, даже не обняли друг друга. Отчего же тогда в голове Санайи возникли совсем неподобающие картинки? Как он терзает ее губы. Шепчет жаркие слова и осыпает поцелуями все тело. Потом делает с ней то, что уже делал в Лесу. Только происходит это совсем не на лесной поляне, и даже не здесь, в безвременье, а на постели с бесстыдно сброшенным одеялом и скомканными простынями.

Горячие сухие губы чиркнули по носу. Хорошо, что он так ничего и не сказал. Не готова Санни ни к его извинениям, ни к утешениям. Да, было. Да, тяжело. Но она все вынесла и оставила в прошлом. Сейчас перед ними стоит совсем другая задача, и совершенно неважно, как

они друг к другу относятся, и как сложится их жизнь в дальнейшем.
Мирозданию это совершенно неважно.

ГЛАВА 15

— Фиер эд'Пинкрон, а что мы должны сделать?

— Опять фиер эд'Пинкрон? И чем же я провинился на этот раз? — Кордес вопрошающе склонил голову к плечу.

— Ничем. Просто этот вопрос не личный, а по делу. В рабочей обстановке не стоит забывать про субординацию.

— Всегда бы про нее помнила, — проворчал он себе под нос и, положив руку на плечо спутницы, прижал ее к себе.

— Когда вернемся, можете написать на меня докладную вышестоящему начальству, а сейчас извольте ввести сотрудника в курс дела, — Санайя улыбнулась. Быть настойчивой и чуточку вредной оказалось приятно. Она ведунья или кто?

— Напишу. Уж так напишу. Всю свободную бумагу изведу! Вот только вернусь. Уж я...

— Фиер эд'Пинкрон, не уходите от темы. Вы хотели рассказать, что же мы должны сделать.

— Да? — вот же упрямый, знает, что рассказать придется, а все равно дразнит.

Мстит? Это он зря. Кажется, Санайя входит во вкус, и ей начинает нравиться быть вредной ведуньей.

— Да! Даже если вы этого пока не знаете!

— Н-ну, ладно, я подумаю, — коварно протянул несносный руководитель их мини-отряда. — За поцелуй?

— Что? — если бы Кордес не держал ее за плечи, Санни упала бы, споткнувшись на идеально ровной поверхности.

Вздыхнул. Да так печально.

— Понимаете, иерина дин Тиаграсса, — менторским голосом начал он, — похоже, недавний упадок сил нанес вред и моей памяти. Я совсем не запомнил упомянутого вами эпизода. Того, где я обещал поделиться секретной служебной информацией. А как мы уже выяснили, наш близкий контакт возвращает и преумножает наши силы. Надеюсь, с памятью будет то же самое.

Слова такие грустные, а глаза хитрые-хитрые. И ведь несколько не скрывает, что немного привирает. Нет, силы, конечно, прибывают, в

этом Санни уверилась сама, но, с другой стороны, она тоже немного искадила правду, когда сказала, что ей обещали раскрыть цель их путешествия. Не было того эпизода. Но, в конце концов, как учила тетушка Лачи? Просыпаешься утром и говоришь сама себе: «Я смогу. Я сделаю!» Это можно говорить и не утром. Если уж достался такой непослушный суженый, придется воспитывать этого.

Санайя улыбнулась собственным мыслям. Это что же получается? Она смирилась с тем, что Кордес — ее судьба? Что другого ей и не нужно? Осталось только убедить в этом самого суженого.

— Чему ты так улыбаешься? — поинтересовался он, остановившись и заглянув в лицо. — Заинтересовало мое предложение?

Девичья головка медленно опустилась то ли в смущении, то ли выражая согласие. Пусть понимает, как хочет, а Санайя, она и правда смущена!

Правильно понял. Нахал. Ее нахал.

Мысль, что поцелуи нужны для восстановления сил, исчезла вместе с другими неважными в этот момент думами. Да и зачем они, когда мужские губы такие мягкие и настойчивые, а руки — крепкие и горячие. Только бы не утонуть в море нахлынувших ощущений. Как же это может быть прекрасно, совсем не то, что целоваться с... а, Санни уже и не помнит того честолюбца, что хотел использовать ее и ее дар.

Отдышаться после затянувшегося поцелуя удалось не сразу. В теле гуляла приятная легкость, в голове стоял настойчивый звон мелких серебряных колокольчиков. Кажется, они увлеклись.

— А теперь рассказывайте!

— Что рассказывать? — то, что Кордесу тоже не удалось сразу сфокусировать взгляд, приятно согрело душу.

— Про цель нашего путешествия, — главное, не улыбнуться. Пусть мужчина и понимает, что над ним сейчас немного издеваются, но не прекращать же из-за этого захватывающую игру.

— О женщины, имя вам коварство! — простонал он. — Подобные попытки на допросах должны быть запрещены указом его величества!

— Сам выпросил, — Санайя, чтобы утвердиться в роли коварной дознавательницы, провела пальчиком по его скуле, осторожно царапая кожу коготком.

— Сам, — Кордес гулко сглотнул и поймал шаловливый пальчик губами.

Игру можно было бы продолжить. Очень хотелось продолжить. Но у них и правда, впереди очень важное дело, и Санни должна знать, куда они направляются, и что их ждет. Она сама ткнулась губами в уголок губ Кордеса и уже серьезно спросила:

— Так что мы должны сделать?

— Ладно, если уж не удалось отправить тебя обратно, расскажу, что может ожидать, — эд'Пинкрон тоже оставил шутливый тон и, взяв девушку за руку, направился дальше. — Пойдем, буду рассказывать по дороге. На Играте, как ты знаешь, есть несколько таких магически нестабильных мест. Некоторые совсем небольшие по площади и не доставляют особых хлопот, скачки магии и иных силовых воздействий там совсем небольшие. Есть целый материк, он так и называется — Неизведанный Материк. Что там происходит, наши маги и ученые только догадываются. Многих он манит своими тайнами, загадками и возможностями. Ну да не о нем сейчас речь. При определенном стечении обстоятельств — для кого-то удачном, для кого-то, как у нас сейчас, не очень — в этих местах истончается ткань мироздания, и наш мир соприкасается с другими мирами. Есть мнение, что именно так на Играту попали населяющие ее сейчас разумные расы — люди, орки, гномы, гоблины и эльфы, — Санайе почудилось, или он чуть скривился, выговаривая это слово? Наверное, потому что Кордес спокойно продолжил: — На сегодняшний день официальная наука полагает, что развитие разумных сразу в нескольких направлениях неестественно для эволюции. То же самое и с полумрачными, тем более, с нечистой, очень уж далеки некоторые виды от общего многообразия местной фауны. В общем, чтобы не затягивать лекцию об общеизвестном, скажу, что такие соприкосновения миров, иначе межмировые порталы, периодически случаются. И тем чаще, чем больше по размерам аномальная зона. Здесь, в окрестностях Иур-дана, давно уже такого не наблюдалось, ведь истончения пространства отслеживаются и своевременно ликвидируются. Для того мы здесь и находимся, — Кордес остановился, достал из своего рюкзака флягу с водой, предложил сначала спутнице, после ее отказа сделал несколько жадных глотков, и продолжил рассказ: — Этот портал открылся внезапно, чего никто не ожидал. Как подозревают, его возникновению

способствовал пожар в Священном Лесу и возникший из-за этого резкий дисбаланс сил. Из открывшейся аномальной зоны полезли разные твари, как правило, все они недружелюбные и очень опасные. Что плохо, с той стороны портал их притягивает, и дальше их количество будет только увеличиваться. Пока большей частью лезет только мелочь. Крупные создания, как правило, живут на больших расстояниях одно от другого, они подтянутся позже. А у нас здесь для них естественных врагов нет. Только они сами. Ну, и мы, разумные. Мы должны этот портал закрыть. Любой ценой.

— И ты знаешь, как это нужно сделать?

— Да, у меня есть стандартный набор артефактов для этого, — уверенно сообщил мужчина.

Излишне уверенно. Наверняка, все не так просто. Артефакты сами по себе такую сложную работу не сделают. Как же ей не хватает знаний! Вот если бы начала обучение раньше, то смогла бы оказать существенную помощь. Пока же остается идти рядом и, держась за руку, делиться силами. Не самый неприятный способ участия в столь опасном мероприятии. А еще нужно попытаться получить те знания, которые может дать Кордес. К тому же, за разговорами отступают неуверенность и страх. И — но это большой секрет — у этого мужчины такой приятный голос. Слушала бы его и слушала.

— Кордес, а мы сейчас где? То, что здесь нет времени и расстояния в нашем понимании, мы с Молотом догадались, но где такое может быть?

— Мы в том самом межмировом пространстве. Чтобы попасть сюда, я использовал очень редкий и сложный артефакт, рассчитанный только на одного. И, кстати, не понимаю, как сюда проникли вы с Молотом, — красноречивый взгляд показал, что этот вопрос по-прежнему занимает руководителя их экспедиции.

— Мы просто шли к тебе, — пожала плечами Санайя. — Мы с Молотом прошли, а Валдор — нет. Наверное, ругался, — предположила она.

— Интересно получается, вы прошли. А ведь раньше и ведуньи, и гоблины пробовали заходить сюда, без артефакта-пропуска не получалось ни у кого.

— Я же говорю, мы шли к тебе! Что здесь не понять. Вернее, я к тебе, а Молот со мной. Он, он силы мне свои передавал! —

пожаловалась на маленького гоблина Санайя. — А я даже не удивлялась, почему так долго не устаю. А потом Молот упал... Я его оставила, — и вдруг, словно осенило, она даже остановилась, дернув спутника за руку. — Корд, Кордес! Но если в портал лезут твари, значит, они могут встретиться нам? И Молоту? А он совсем ослаб!

— Нет, не думаю, — Кордес осторожно убрал с лица девушки выбившуюся прядку. — Именно здесь встретить кого-то маловероятно. Очень маловероятно. Насколько я знаю, наш случай единственный. Потеряться, заблудиться да, можно. Но повстречать...

— Понятно, — на всякий случай Санайя крепче сжала ладонь, утонувшую в руке спутника. Да, однажды она его уже нашла, но мало ли что. — А почему мы так долго идем? Или недолго? С этим безвременьем я запуталась.

— Наше внутреннее время, тикающее здесь, совсем не соответствует времени там. Мы можем вернуться в тот же самый момент, в который ушли, а можем... позже.

Небольшая заминка перед последним словом Санайе совсем не понравилась.

— Что ты не договариваешь, Корд? Позже, это когда?

— Я, как работающий с межмировыми порталами, тщательно изучал их историю. Чаще всего исследователи возвращались почти в тот же миг, что и вышли. Иногда, гораздо реже, они возвращались позже. Иногда... некоторых все еще ждут. Где они? Погибли? Остались в других мирах? Или все еще идут домой? На этот вопрос до сих пор нет ответа. Теперь-то ты понимаешь, куда ввязалась? — обреченно спросил он.

— Понимаю, но все равно, даже если бы знала заранее, поступила так же. Я смогу! Я сделаю!

— Это твой девиз? — Кордес перестал хмуриться и улыбнулся.

— Это факты, с которыми придется считаться. Не думали же вы, фиер эд'Пинкрон, что я могла бы оставить вас здесь одного и совсем без сил? И вы меня не оставите! — свободная рука решительно рубанула воздух.

— А это уже шантаж, — мужчина покачал головой.

— Понимайте, как хотите.

Санайю охватила безрассудная удаля. Им предстоит остаться здесь? Или в ином мире? И что? Главное, вместе. И тратить время на

ненужные реверансы и споры она не намерена. Вдруг, этого времени осталось совсем мало?

— Значит, как хочу, — Кордес вновь остановился и загородил ей дорогу. — А готовы вы, иерина Саная принять то, что я хочу?

Можно ли утонуть во взгляде? Взгляде, который глубже любого портала и всего межмирового пространства. Только не разжимать объятий, чтобы не потеряться. Не потерять себя. Или это уже не страшно? Ведь потерялась она давно, и только сейчас себя находит.

— Санни!

Жаркий поцелуй прогнал все высокопарные и прочие мысли. Раствориться. Отдать всю себя. Стать одним целым. Эфиром? Этим самым пространством? Всемогущим божеством? Все возможно. Кажется то, чем Кордес так крепко прижимается к ее животу, однозначно указывает, что силы к нему вернулись полностью.

— Санни. Что я творю. Ты меня простишь?

Вот же глупые эти мужчины! Так захотелось крикнуть: «Нет, никогда!» Как он мог остановиться? Как не понимает, что он давно, с той самой ночи, стал только ее, а она — его. И все попытки сопротивления обречены на провал. Жаль, что сейчас не время и не место заниматься воспитанием суженого. Ну да ничего, вот закроют портал, вернутся домой и тогда... Только бы решимость, поселившаяся в душе и в мыслях в стрессовой ситуации, не покинула.

— Я подумаю. Посмотрю, как будешь себя вести.

— А как я должен себя вести?

— Сделай так, чтобы наши силы не иссякли. Чтобы на этих браслетах распустились цветы! — Кордесу было продемонстрировано запястье с нанесенным на нем рисунком: ритуальными веточками с покрывшей их уверенной зеленой листвой.

Ну вот, она сказала это.

— Обещаю! — горячие губы нежно коснулись рисунка.

Невинная ласка? Скажите кому другому. Кажется, пора напомнить себе, зачем они здесь оказались.

— Кордес, пойдём дальше?

Как жалко прозвучали эти слова. Но ведь все верно сказала. Они должны спешить. Вот покончат с порталом, и тогда... Горящие щеки спрятать не удастся. Взгляд? Не будет Санни его прятать, пусть суженый знает, что ведунья настроена решительно.

— Пойдем!

По тяжелому вздоху можно было понять, что ее решительность была замечена и оценена положительно.

Сколько они так прошли? Трудно сказать, ведь времени-то здесь нет. Да, о многом поговорили, да, еще о большем хотелось бы поговорить. Можно ли измерять прошедшее время разговорами? Наверное. Но ведь время, проведенное с тем, кто тебе дорог, воспринимается иначе.

— Корд, давай отдохнем, — первая предложила Санайя.

— Устала, моя хорошая?

Моя хорошая. Он назвал ее «моя хорошая». Кажется, Санни на некоторое время выпала из реальности. Или это опять шутки пространства? Наверное. Только вот счастливую улыбку на них никак не списать. Ну и ладно, Кордес уже тревожится, ожидая ее ответа.

— Мы уже давно идем. Да, я понимаю, здесь все по-другому, и мы восполняем силы друг друга, но... нужно отдохнуть и поспать.

— Ты права! — согласно кивнул эд'Пинкрон. — Держись за меня на всякий случай, а я обустрою лагерь.

Держаться? Как держаться? Руки ему нужны. За полу куртки? Кордес сам решил этот вопрос, положив руки девушки себе на талию. Могли ли они потеряться? Да кто же знает. Если бы нужно было делать что-то неприятное, тогда бы и стоило об этом задумываться и подыскивать контраргументы. А так Санайю все устраивает. Кордеса, похоже, тоже. Иначе, зачем бы он снял куртку. Стало жарко? Или для того, чтобы спутнице было мягче сидеть? А может, для того, чтобы ее ладони лучше ощущали крепость его тела? Ой, что-то мысли пошли не туда, нужно немного поднять руки, чтобы случайно не задеть, чего не положено.

— Готово! — Корд гостеприимно указал на ту самую куртку, превращенную в данный момент в сиденье.

Думаете, неудобно принимать пищу, когда у вас свободна только одна рука? Ничего подобного. Очень даже удобно, ведь вторая так и осталась на мужской талии, а его рука столь же вольготно расположилась на плечах Санайи. И чего Молот жаловался, что сухой паек невкусен? Он просто неправильно его ел. Что может быть вкуснее каши с мясом, если ее есть из одной банки с мужчиной, в присутствии

которого даже межмировое пространство не кажется чем-то беспредельным и жутким? А сухое печенье с повидлом прямо из его рук?

— Корд, что ты делаешь? — засмушалась Санайя, когда он коснулся краешка ее губ губами, да еще и лизнул. Тут впору от полыхнувшего жара не только куртку снять, но и рубашку. Кыш, неприличные мысли, кыш!

— Капелька повидла. Такая сладкая, — он довольно зажмурился.

— Ты любишь сладкое?

— Очень!

Наверное, Санайя очень испорченная, иначе почему она подумала совсем не о повидле?

— Тогда возьми! — Кордесу была щедро предложена вторая, еще целая, упаковка сладкого.

И чего так обиженно смотрит? Лучше не думать. А то думы какие-то не такие голову посещают. Нужно тряхнуть головой, чтобы их прогнать. И не смотреть в эти хитрые глаза.

— Ну что, будем отдыхать? — Санайя попыталась чуть отодвинуться.

Как-то она не подумала, что договорились не разрывать контакт. А спать тогда как? Может, ничего страшного?

— И чего мы опять испугались? — эд'Пинкрон не дал отстраниться.

— Ничего, — придется сделать вид, что захотела съесть еще одно печенье, иначе как спрятать глаза.

И чего так смущаться? Ведь у них уже все было. По обоюдному желанию. Да, потом вышло недопонимание, но сейчас... А что сейчас? Кордес пытался ее соблазнить? Так многие мужчины пытаются соблазнить женщин. Это для них нормально. Нужно завершить ритуал?

Неизвестно куда ускакали бы ее своенравные мысли, если бы Кордес не прекратил их бег. Он нежно расправил пальцем хмурую складку на лбу, для закрепления эффекта коснулся этого места губами и шепнул:

— Уж не думаешь ли ты, что я буду соблазнять тебя прямо здесь?

Не признаваться же, что именно об этом она и думала!

— Не говорите глупости, фиер эд'Пинкрон! Лучше давайте быстрее отдохнем и отправимся дальше! — Санайя демонстративно убрала руку с его спины и принялась убирать со стола.

— А я стараюсь их не говорить, фиера эд'Пинкрон, — уже по интонации можно было почувствовать, как он довольно улыбается.

Что он сказал? Пустая баночка из-под паштета растерянно звякнула об пол.

— Что вы сказали? Глупость какая.

— Я уже большой мальчик, и жизнь меня не раз учила хорошо подумать, прежде чем что-то сказать, тем более глупость. И да, я уже говорил, ты можешь обращаться ко мне на ты.

— Все издеваетесь, фиер эд'Пинкрон, — Санайя внимательно смотрела на начатую пачку печенья и никак не могла понять, что же с ней нужно сделать.

— Нет, — Кордес аккуратно забрал из ее рук печенье, положил его в рюкзак, затем обхватил лицо девушки обеими руками и совершенно серьезно заговорил: — Лес нас связал. Тебя и меня. Связал по древнейшему обряду. Перед богами мы — муж и жена. Я это знаю, и ты это знаешь. Мы это не планировали? Но это случилось. Натворили, — здесь споткнулся и поправился, — я натворил много глупостей? Да, признаю. Считаешь, что меня нужно как-то наказать? Я приму наказание, что бы ты ни придумала. Но, Санни, я знаю, что обряд должен быть завершен. Да, знаю! Но не здесь. А потому давай спать! Просто спать, — он быстро и умело уложил остатки их трапезы в рюкзак, достал второй плед и, уложив и укрыв им девушку, улегся рядом, оставив в своей руке ее руку.

Пусть куртка не самая удобная из подушек, но Кордесу и ее не досталось. Санайя развернула ее так, чтобы хватило на двоих и, так и не сказав ни слова, легла, по-хозяйски положив голову и руку на мужскую грудь, удовлетворенно вздохнула и прикрыла глаза.

— Как вернемся, зарегистрируем наш брак в мэрии, фиера эд'Пинкрон. И не спорьте! — безапелляционно заявили ей.

Спорить совсем не хотелось. Наверное, потому что очень устала. Сил хватило только на счастливую улыбку. Ну, и еще для того, чтобы немного подвинуть руку и коснуться кожи в распахнутом воротах рубахи. Не стоит забывать, что близкий контакт способствует

скорейшему восстановлению. Пусть не физическому, но тоже очень важному. А чтобы восстановиться физически, нужно поспать.

ГЛАВА 16

Странно просыпаться в полной тишине. Как быстро можно привыкнуть к щебету птиц и прочим звукам живой природы. Здесь же только тихое дыхание спящего рядом мужчины показывало, что Санайя не одна.

Не одна. Губы растянулись в счастливой улыбке. Похоже, она теперь никогда не будет одна. Хотя, есть некоторые дела, которые нужно делать в одиночестве. Вчера естественные потребности тела не были столь настойчивы, сейчас же, пока Кордес не видит, нужно отойти немного в сторону и быстро все сделать.

Отошла. На всякий случай, еще и повернулась к мужчине спиной. Долго ли сделать утренние дела для молодой здоровой девушки? Если еще и поторопиться.

Когда Санайя развернулась, сначала разозлилась. Подглядывал? Да как он мог! Нет, наверное, ушел немного в сторону, чтобы тоже привести себя в порядок. Но зачем забрал свои вещи? Ведь там, где она ожидала увидеть спящего мужчину, одиноко лежал только ее рюкзак. Бросил? Он не мог так поступить.

— Корд, — осторожно позвала она. — Корд, ты где?

Испуганный голос жалко растаял в окружающем пространстве. И никакого отклика. Вообще ничего.

— Кордес! — и этот отчаянный крик остался без ответа.

Мелко затряслись губы. Это что, она собралась заплакать? Нет, только не сейчас. Жаль, некому отвесить пощечину, а самой себя бить неэффективно. Но ругать можно.

— А ну, прекратить панику! Выключить слезы! Включить мозг! Ты сможешь! И ты это сделаешь!

Санайя подобрала свой рюкзак, проверила его содержимое, убедилась, что еда и вода на месте и, обняв свое имущество обеими руками, огляделась. Как можно определить в абсолютно пустом пространстве, там же ты находишься, где совсем недавно спала, или нет? Ни крошки от вчерашнего ужина, ни пустой упаковки. И зачем только Кордес их все собрал? Хотя верно он все сделал, правила есть правила.

То, что маг мог сбежать, даже не рассматривалось. Его куда-то перенесло? Или не его, а саму Санни?

Ну да ладно, что теперь об этом, неважно, кто переместился, а кто остался на месте, теперь нужно как можно скорее найти мужчину. Может, он все еще спит? Хорошо бы вернуться до того, как он проснется. Пожурит ее за оплошность, снисходительно посмеется над стеснительностью, и они отправятся дальше.

Санайя вновь огляделась. Все та же удручающая серая пустота, тающая вдали неприветливой тьмой. И чего так испугалась? Одиночества и испугалась, чего здесь не понять. Но хватит жалеть и оправдывать себя, пора действовать.

Прикрыть глаза. Настроиться на Кордеса. Можно взять себя пальцами левой руки за правое запястье, погладить браслет. Увидела! Опять удаляющаяся спина. Только как понять, действительность ли это или воспоминания? Точно не воспоминания, так как куртка вывернута ярко-оранжевым подкладом наружу и повязана на поясе. Как предусмотрительно пошита одежда исследователей, если нужно быть незаметным — надеваешь темным верхом наружу, а если нужно привлечь внимание, то вот так. Еще и догадался опустить ее ниже рюкзака. Знает, что Санни будет его искать. Впрочем, хватит восторгаться догадливостью других, пора действовать самой. Нужно быстро перекусить и отправляться в путь.

На всякий случай Санни вывернула и свою куртку и сделала первый шаг. Идти и одновременно до боли в глазах всматриваться в удаляющуюся мужскую спину было тяжело, но иначе никак. Иногда Кордес останавливался, доставал что-нибудь из рюкзака — вот и пригодились аккуратно собранные салфетки и пустые банки из-под трапез — брал добычу в обе руки, медленно поворачивался так вокруг своей оси, словно желая показать, что он держит в руках, и оставлял вещь на полу. Нетрудно догадаться, что так он обозначал свой путь. Правда, пока ни одной из оставленных меток ведунье не повстречалось. Но кто это подпространство знает, какие в нем пути и законы?

На очередной остановке Кордес присел, достал из рюкзака припасы и стал есть. Странно, а Санайя совсем не проголодалась, и даже не очень устала. Сколько она идет? Час, больше? Разве это важно. Если может идти, нужно идти, так быстрее догонит его.

Поел. Опять собрал все, оставив лишь одну баночку, демонстративно покрутив ее перед этим в руках. Встал, огляделся, словно потерял направление, даже сверился с каким-то артефактом из своих запасов и, оглянувшись, направился дальше.

Еще бы чуть-чуть и они встретились глазами. Не почувствовал. Или пока не понял? Ведь глянул прямо на нее.

И вдруг...

— Нет, Корд, нет, Не ходи туда! Нет! Ко-орд!

Санайя, понимая, что нерационально тратит силы, побежала. Как и следовало ожидать, очень быстро выдохлась, пришлось останавливаться, чтобы отдохнуть и попить. Дальше отправилась, уже соразмеряя свои силы.

— Корд, Кордес, не уходи. Просто подожди! Ну пожалуйста!

Чем бы она смогла помочь сильному мужчине, даже не представляла, но допустить, чтобы он встретился с опасностью один на один, просто невозможно. С какой опасностью? Этого она пока не знала сама.

Словно ее услышав, мужчина опять остановился и опять принялся есть. Что ж так часто-то? Или это шутки времени? Вполне возможно. Лег. Настроил какой-то артефакт, положил его рядом. Затих. Спит или устал? Пока не похоже, чтобы совсем лишился сил. Пожалуй, стоит тоже быстро пообедать и опять продолжить путь. Как же нехорошо на душе. Опасность, она все ближе, и опасность именно для Корда.

Санайя отошла совсем немного от места, где останавливалась на обед и отдых, а эд'Пинкрон уже поднялся, опять поел — позавтракал? — и вновь отправился в путь.

Сухие губы непроизвольно шептали:

— Корд, миленький, не ходи туда, пожалуйста. Я тебя прошу! Потом я всю оставшуюся жизнь буду тебя слушать, а сейчас не ходи, услышь меня!

Послушался бы он, даже если бы услышал эти слова? Ведь Санайя отчетливо вспомнила, как еще на базе просила его не ходить с отрядом. Тогда он, вполне возможно, счел ее слова за каприз. А сейчас? Сейчас, как и тогда, он шел исполнить свой долг.

Странно, тьма на пути Кордеса стала как будто бы сереть. Светает? Как бы не так. Похоже, это опять туман-нетуман. Тот самый,

который маги не видят. Может, и хорошо, что не видят? Значит, видят сквозь него? Но тогда и опасности не чувствуют? Может ли быть такое, что Кордес не ожидает опасности в столь жутком месте? Это вряд ли. Но долгий спокойный путь расслабляет.

Санайя до боли сжала правое запястье, на котором располагался браслет, надеясь, что это поможет передать мысль, и зашептала:

— Кордес, миленький, будь внимательнее и осторожнее, а еще лучше, уходи оттуда! Корд!

На миг остановился. Услышал? Поправил кинжал на поясе, опять порылся в рюкзаке, переложил что-то из него в карман, попил воды и, оглянувшись, пошел дальше. Кто бы сомневался.

Что ж, Санни тоже не стоит впадать в ступор, только не сейчас. Вперед! Каждый шаг приближает ее к Кордесу. Должен приближать! Иначе она просто порвет это мутное пространство. Руки сами сжались в кулаки.

Послышался цокот. Страх нет, пусть ее все боятся! Или все же, есть? Не за себя, за того, на кого скоро нападут неведомые монстры. Гады, труссы, подождите хоть немного!

Когда-то давно Санни читала книжку про берсерков. Книга ей не понравилась. Тогда девушка посчитала, что писать нужно только про то, что хотя бы теоретически может случиться. Но чтобы существа, потеряв разумение, бросались на более сильных противников, да еще и побеждали их? Сейчас жалела, что не дочитала, очень захотелось узнать, чем же дело закончилось у тех безумцев. И так ли уж безумна она сама? Или идет спасать свое? То, без чего не сможет жить? Хватит тратить силы на праздные размышления.

Когда она перешла на бег? Неизвестно. Устала? Не до усталости сейчас.

Первый монстр уже вышел из темноты, пугая будущую жертву жутким криком, а наблюдающую за этим Санайю — своим видом. Еще бы, огромный чешуйчатый бочонок на лапах-тумбах и мерзкой башкой, покрытой рогообразными наростами, испугал бы и заставил кинуться прочь и менее впечатлительных. Кордес успел откинуть в сторону рюкзак и бросил в монстра пробный огненный шар. Шар зашипел, как вода в сковородке с маслом и, не причинив чудовищу заметного вреда, растекся по его телу. От острой голубой молнии, с

возмущением растворившейся на теле нападающего, тот только тоненько взвизгнул и, кажется, разозлился.

Кордес перехватил поудобнее кинжал. Собрался драться этим кинжалом? А ведь Санни только перестала сомневаться в его благоразумности.

Воистину, как любила повторять Дениз, побеждает не более сильный, а более хитрый и наглый. Первый же выпад человека нанес заметную рану на передней лапе чудовища. Санни охнула и на мгновение прикрыла глаза. Этот прием мог бы сработать, если бы она наблюдала за боем воочию, а так и с закрытыми глазами прекрасно увидела, как смазанным движением ее любимый ушел в сторону, а разбрызгивающие кровавую слизь лапы сошлись на пустом месте.

Спокойнее, сердце, спокойнее. Оттого, что ты выскочишь из груди, мы ничем ему не поможем. И Санайя продолжила бег. Чем она сможет помочь, оказавшись рядом? Пока не знает, но она должна быть рядом!

Кордес почти добил своего противника, когда из тревожной тьмы вновь раздался рев. Ему вторил еще один и еще. Рев сопровождался жутким грохотом. Чудовища решили уничтожить друг друга? Как было бы хорошо. Плохо, что видеть Санайя могла только Кордеса. Хорошо, что хотя бы его.

Совсем скоро в зону видимости вывалился ком дерущихся тел. Какие же они огромные и жуткие. Воспаленный разум какого бога может породить подобных?

К облегчению Санайи, у Кордеса хватило благоразумия отступить в сторону. Отступить, но не убраться подальше. И чего он ждет? Своей очереди, чтобы сразиться с победителем? А ведь мужчина ранен! Пока не видно, где, но несколько пятен крови на его одежде Санни рассмотрела прекрасно.

Кажется, один из монстров выбыл из борьбы. Растянулся на полу, не сумев вернуться от мощных лап своих собратьев, безжалостно потоптавшихся на его теле, недовольно рыкнул и затих. Сдох? Слишком хорошо, чтобы быть правдой, вон как злобно скребут по полу его когти. Поднялся. Ну, иди же к своим приятелям, им без тебя одиноко.

К сожалению, побежденный выбрал, по его мнению, более доступную цель. Раненный монстр на удивление бодро для

умирающего кинулся на Кордеса. Отскочить мужчина успел в самый последний момент. К сожалению, этого было недостаточно, распоротый от плеча и до самой низа рукав куртки быстро напитался кровью.

— Кордес!

Словно услышав этот крик, сражающаяся куча развалилась на трех окровавленных чудищ. Они замерли на несколько мгновений и стали обходить раненного человека по кругу.

— Не-еет! — казалось, отчаянный женский крик потряс все межпространство.

«И что ты стоишь? Помогай!»

Кто это сказал? Неважно. Саная протянула вперед руки, словно разводя ими густую высокую траву, и сделала шаг.

— Кордес, — прохрипела она сорванным голосом, увидев любимого совсем рядом.

Рядом. А вокруг четыре обозленных монстра. И где-то во тьме еще слышны рыки. Паники нет. Страха нет. Помнится, мииты не тронули их с Молотом, когда они втроем подходили к такому же странному туману-нетуману.

— Прочь! — хотелось бы, чтобы голос был громким и звонким, но хрипы тоже звучат устрашающе. — Прочь, я вам сказала!

Не иначе, как в священном безумии, Санни сделала шаг вперед. Монстры, подавшиеся, было, навстречу, замерли. Замерли, чтобы потом угрожающе заворчать. Сейчас или никогда.

— Прочь! — отчаянный визг прорвался даже сквозь сипение сорванного горла.

Что было потом, Санни запомнила плохо. Поднялся ли ветер? Или другие силы закружили вокруг нее и Кордеса? Монстры решили отступить. Хотели отступить. Но вращающаяся воронка уже втянула их в свой круговорот.

— Прочь. Прочь. Прочь, — шепот или грохот обвала? Неважно, главное, отправить чудовищ туда, откуда они не смогут вернуться. — Прочь.

Воронка постепенно стихала, не оставив после своего буйства даже пыли. Много непонятного в межпространстве. Ну да ладно, не до него сейчас.

Странно, почему так ослабли ноги? И в голове пусто-пусто, даже звон куда-то делся. Устала. Еще бы, так долго бежала. Еле успела.

— Санни, любимая, не покидай меня, Санни!

Какие же горячие у него губы. Или это Санайя совсем холодная?

— Холодно, — пожаловалась она.

— Сейчас, я сейчас! — Кордес начал лихорадочно стягивать свою окровавленную куртку. Критически осмотрел ее и попытался укутать девушку. Дернулся.

Точно, его же здорово зацепил один из монстров.

— Корд, ты ранен! — возмущаться пришлось шепотом, ибо горло саднило после всех душераздирающих криков.

— А, разве это сейчас важно, — он попытался отмахнуться здоровой рукой и повернуться так, чтобы раненую не было видно.

Тогда уж и побледневшее лицо бы прятал, конспиратор недоделанный.

— Именно это сейчас и важно, фиер, эд'Пинкрон! Я жива, а значит, уже не умру, чего не скажешь о вас. Немедленно покажите руку!

— Еще не стала женой, а уже командуешь?

Еще и пытается сопротивляться?

— Вашей женой я стала в Священном Лесу, фиер эд'Пинкрон! И теперь будьте добры меня слушать! Показывайте руку!

Одно дело велеть показать рану, и совсем другое воочию увидеть этот ужас. Может, если немного потереть виски, сознание поймет совесть, и не отправится в дальние дали?

— Санни, не нужно смотреть, я сам.

— Что сам? — кажется, кого-то сейчас накроет самая банальная женская истерика. Вот только на истерику нет ни времени, ни сил.

— Сам обработаю и зашью. Мне не впервой.

Спрашивать, что же ему не впервой: зашивать раны, или зашивать их на себе, не хотелось. Обидно не испугаться огромных монстров и бухнуться в обморок от вида окровавленной руки.

— Достань из моего рюкзака аптечку.

И правда, чего это она раскисла. Нужно помочь хотя бы тем, чем может. Она порылась в рюкзаке и достала требуемое.

— Отвернись.

И здесь не поспоришь, если Санни грохнется в обморок, Кордесу придется тратить время на нее.

Вдох-выдох. Вдох-выдох. Как же пронзительно пахнет кровь. Как жутко скрипит нитка, протягиваемая через плоть. Или Санайя это придумывает?

— Вот и все, готово! — а голос-то какой бодрый. И кого, интересно, хочет обмануть?

Даже перебинтовать сам себя смог. Ничего, Санни тоже этому научится. И не бояться крови тоже научится.

— Отдохнем и пойдем обратно? — с надеждой спросила она.

— Санни, мы совсем рядом с порталом. Его необходимо закрыть.

Можно заупрямиться. Сказать, что до жути испугалась и все же закатить истерику. Но зачем ставить перед самым дорогим человеком столь сложный выбор? Выбрав ее или долг, он предаст долг или ее.

— Идем, — она поднялась и посмотрела на валяющийся под ногами рюкзак Кордеса, вряд ли он сможет нести поклажу. — Корд, только не спорь. Давай переложим самое необходимое ко мне!

Совсем без спора не получилось, но в итоге часть вещей, включая лишнее одеяло и посуду, осталась на месте боя, часть перекочевала в поклажу к Санайе, часть продуктов была съедена. Артефакты, коих оказалось не так уж и мало, немного еды и вода остались в рюкзаке мага, который мужчина водрузил на здоровое плечо.

— Вот теперь идем, жена, — объявил Кордес и, надев специальные очки и крепче ухватив ее за руку, шагнул в гущу тумана.

Идти в белесом мареве было очень страшно. До дрожи в коленях, до прокушенной до крови губы. Еще и туман становился все гуще. Уже сложно было рассмотреть пальцы на вытянутой руке.

— Корд, а что видишь ты?

Звук голоса мог привлечь притаившихся монстров, но молчать было еще страшнее.

— Магический фон, — тут же ответил он и, немного подумав, добавил: — Очень странный магический фон. Одновременно как будто бы зашкаливающий, и тут же исчезающий на нет. Точнее я объяснить не могу.

— И никакого тумана?

— Нет.

— А он становится все гуще, — сочла нужным предупредить Санайя.

— Буду иметь в виду, — горячая мужская ладонь крепче сжала ее кисть.

Горячая? И правда.

— Корд, да ты же горишь! — Санни остановилась и, заставив мужчину пригнуться, прикоснулась губами к его лбу. Можно было бы и рукой, но захотелось именно так. — Нужно принять жаропонижающее.

— Ничего, я справлюсь, — Кордес собрался обойти девушку и отправиться дальше.

— Но почему? — она не дала это сделать, даже дернула за здоровую руку, которую теперь не отпускала ни на мгновение.

— Санни, все жаропонижающие снижают внимание и концентрацию.

— Вот же мужчины, — в сердцах выругалась она. — А жар, значит, не снижает твою концентрацию?! И если ты здесь свалишься в горячке, то это будет лучше? Пей, я сказала! Ну вот, из-за тебя опять горло засадило.

Послушался. Сел на пол, переложил руки Санайи себе на талию, улыбнулся и нежно коснулся щекой и кончиком носа ее волос, когда она ловко просунула ладони под рубашку, и, то ли лаская, то ли проверяя температуру, провела ими несколько раз вверх и вниз по торсу. Достал из рюкзака аптечку, нашел в ней пару пузырьков, один опорожнил сам, другой протянул спутнице:

— Вот, выпей, это смягчит твоё горло.

Санайя принялась. Ведунья должна, просто обязана разбираться в травах и настойках. Жаль, что она пока ведунья недоделанная. Ничего, совсем скоро все выучит. И травки, и заговоры, и, вообще, все-все-все. И вдруг... Как же это не пришло в голову раньше? Если они поженятся, то как же ее учеба в училище? Ничего не получится? Жить рядом с Лесом прекрасно, и тетюшка Лачи не откажет в покровительстве, и поделится тем, что знает сама, но будет ли это достаточно?

— Ты чего так напряглась? Не доверяешь?

Пришлось демонстративно пить предложенное лекарство. Пусть и не могла определить состав, но то, что оно не принесет вреда,

почувствовала хорошо.

— Санни, милая, посмотри на меня. Что случилось?

Она лишь покачала головой. Пусть думает, что сложно говорить. Тем более, это так и есть.

— Ладно, у нас впереди вся жизнь, наговоримся еще.

Оказывается, люди зачастую разговаривают только для того, чтобы не оставаться наедине со своими мыслями и страхами. Именно так: мыслями и страхами, ибо последние чаще всего порождаются первыми. Боялась ли Санни? Конечно, боялась! Боялась, что не справятся с порталом. Боялась, что опять потеряются. Что Кордесу станет хуже. Дальше мыслям она бежать не давала. Чтобы изгнать их, нужно думать о хорошем. О Лесе. О той волшебной ночи в Лесу. Никогда, ни на мгновение Санайя не пожалела, что та ночь у нее была.

— Ты ничего не чувствуешь? — вывел из грез голос любимого.

Нашла, где предаваться воспоминаниям. Санни прислушалась. Ничего. Присмотрелась. Все тот же сплошной туман. Сплошной? Впереди он как будто превращался в стену.

— Там как будто стена, да? — она указала на подозрительный участок.

— Значит, ты видишь это как стену, — сделал вывод Кордес. — Судя по взбесившемуся магическому фону, это и есть портал, который нужно закрыть.

— Давай закрывать, — покладисто согласилась Санайя. — Что я должна делать?

— Я все сделаю сам, — не дожидаясь праведного возмущения, он быстро продолжил: — Тебе предстоит следить за местностью, за туманом, как ты его называешь и, самое главное, делиться со мной силами.

Вроде бы и радоваться в их положении особо нечему, но счастливая улыбка сама растянула губы. Как же, признал, что помощь недоучки тоже может пригодиться. Делиться силой? Это пожалуйста. Это с большим удовольствием. Правильно ли она его поняла? Санайя медленно подняла лицо, подождала, пока Кордес снимет свои массивные очки и в ожидании приоткрыла губы. Можно, конечно, сказать, что поцелуй нужен для дела, но кому говорить? Санни, к примеру, точно знает, что ей этот поцелуй нужен для души, для самой жизни. Судя по тому, как ему страстно отдается Кордес, тот вообще

забыл обо всем на свете: и о раненой руке, и о портале. Можно, конечно, считать, что его рука оказалась под ее одеждой для большего контакта. А можно просто наслаждаться мгновениями единения.

— Не буду ждать, пока заключим брак в мэрии. Не смогу, — горячо зашептал Кордес. — Только выберемся отсюда, и я... я все наверстаю. Мы наверстаем. Да, любимая?

Санни смогла только кивнуть головой. Завершить обряд. Какие сухие слова для того огня, который сжигал их обоих. Сколько можно еще придумать слов, но отразят ли они суть? Впрочем, хватит предаваться мечтам. Чем быстрее сделают дело, тем быстрее вернуться.

— Начинаем или еще немного поцелуемся? — смущенно глянув из-под ресниц, спросила она.

— Что же ты со мной делаешь, моя ведунья! — еще один поцелуй отправил все мысли прочь.

— Ну все, все, пора и поработать, — пожурила разошедшегося мужчину Санайя.

— Да, пора. Что-то я отвлекся, — Кордес неохотно выпустил ее лицо из захвата и полез в рюкзак.

Вскоре оттуда один за другим были извлечены какие-то артефакты. Вот уже установлен небольшой столик с выемками, названный Кордесом станиной, в эти выемки один за другим стали устанавливаться различные артефакты.

Как же плохо, что Санни совсем ничего не понимает в этом действе, могла бы и помочь. Пусть Кордес и не показывает, что с раненой рукой очень сложно, но ведь это так и есть. Вот и испарина на лбу появилась. И лицо бледнеет. Ведь он не просто устанавливает детальки, а еще и магичит. Тогда понятен быстрый упадок сил.

Прохладная ладонь легла на мужскую шею. Как напряжен. Повел головой, стараясь коснуться ухом ее запястья, и продолжил. Правильно, нечего отвлекаться.

Что изменилось? То плотное белое пятно, по уверениям Кордеса являющееся порталом, стало еще плотнее?

— Корд, нужно спешить.

Мужчина сдвинул свои очки со лба на глаза, согласно кивнул, и его пальцы еще быстрее забегали по загадочной вязи артефактов. Какое тяжелое у него дыхание, как будто бежит в гору с огромной ношей на руках. Отвлекать нельзя. И самой нельзя отвлекаться.

— Оно пришло в движение! — предупредила Санайя. — Это ты его так?

— Пока нет, — мужские зубы отчетливо скрипнули. — Сейчас, еще немного.

Кордес последний раз пробежался пальцами по сотворенной конструкции, а затем, расстегнул ворот своей рубахи, достал оттуда амулет на шнурке и протянул его Санайе.

— Вот, надень. Когда придет время, повернешь вот этот камушек.

— Какое время? — подозрительно переспросила она.

— Сама поймешь. Это артефакт переноса.

Артефакт переноса. Очень редкая и дорогая вещь. Чтобы его сделать, нужно потратить много времени, ресурсов и сил. Такой артефакт невозможно купить. Можно и не спрашивать, такая вещица у Кордеса всего одна, и рассчитана она, скорее всего, на одного. Начать спорить? И что это даст? Только время уйдет. Санайя кивнула и переместила руки с шеи своего мужчины на талию.

— Так не помешаю? — спросила она.

— Готов провести так вечность.

— Не нужно вечность, ты мне обещал кое-что еще помимо этого, — и откуда только смелость взялась.

Ничего не ответил. Пальцы перестали мелькать по камушкам артефактов, ладони замерли на двух белых металлических пластинах на поверхности стола-станины.

Разве можно чувствовать, как из человека уходят силы? Оказывается, можно. Вот его живот напрягся, стал обжигающе-горячим, под кожей побежала мелкая дрожь. На периферии сознания что-то загудело, но Санни это не должно волновать, у нее есть более важное дело. Мало сил, мало контакта. Нужно задрать его рубаху, прижаться к спине лицом. Мало? Расстегнуть собственную рубаху. Да, так! Ближе, кожа к коже. От напряжения ломит руки. Обхватить бы и ногами, но жаль, не получится.

Откуда эта дрожь? Дрожит сама земля. Получается? Нельзя отвлекать Кордеса. Белое пятно-портал корчится в ужасных конвульсиях, иногда с той стороны его как будто бы растягивают жуткие рожи.

— Прочь! Прочь!

Помогли ли эти отчаянные крики или что другое, но белая рябь стала успокаиваться. Кордес достал кинжал и замер. Ждет, что иномирные гости все же прорвутся? Но он же совсем ослаб. Вряд ли даже смог бы сам сидеть. Старался не наваливаться на Санни, но не получалось. Дыхание больше похоже на хрипы, кожа под ладонями мокрая от пота.

Что может означать темная полоса, постепенно проявляющаяся на тумане-портале? Хорошо это или плохо?

— ... шесть, пять, четыре... — тихо зашептал себе под нос Кордес. С каждым его словом загорался один из камушков-артефактов. — Все! — и мужчина резко полоснул себя лезвием по ладони.

Отчаянно-алая кровь хлынула на замершее устройство. Артефакты вспыхнули в унисон, на миг ослепив и озарив своим светом все вокруг, яркие росчерки разноцветных лучей побежали по белизне портала, мазнули по жадно расширяющейся темной полосе. Древняя магия крови? Неужели она до сих пор не забыта?

Последние остатки белого исчезли с отвратительным скрежетом-звоном, поднявшим все волоски на теле. С полной темнотой пришла тишина. Только тяжелое дыхание Санайи прерывало ее пугающую торжественность.

— Корд? Корд, пожалуйста, ответь!

В аптечке обязательно должно быть что-нибудь на такой случай. Но как найти в этой тьме аптечку?

— Санни, спокойно, только не паникуй, — собственный голос звучал чуждо. — Придумала еще чего, паниковать. Тебе же все объяснили, как малому ребенку, вот и действуй по инструкции.

Одна рука осталась на талии мужчины, до боли в мышцах прижимая его к груди, только не разомкнуть контакт. Другая судорожно зашарила меж телами, разыскивая переданный ранее артефакт перемещения. Да где же он! Не мог потеряться. Прочь, паника, прочь! Кажется, нашла. Скользкие от крови пальцы захватили выступающий камушек и повернули его.

ГЛАВА 17

Если бы не колкие травинки, настойчиво беспокоящие спину и щеку, можно было бы предположить, что тело Санайи находится в воздухе. Так ему было легко и свободно. Было бы желание, можно было бы охватить руками весь мир. Охватить мир? Но это значит, что руки свободны?

Огромный мир мгновенно сжался до размеров собственного тела. Тела, которое одиноко лежало на траве.

— Корд? Ко-орд! — отчаянный крик разнесся меж деревьев, вспугнув возмущенную стайку каких-то птиц.

— Корд, — тихо всхлипнула Санайя, поднимаясь и осматривая место, где оказалась. — Лес? Я попала в Лес? Лачи, тетушка Лачи, верните меня обратно, там Корд. Пожалуйста!

— И чего раскричалась? — послышался такой знакомый ворчливый голос. — Приведи себя в порядок, и иди ко мне, поможешь.

— Тетушка Лачи, мне некогда, там Корд остался! И Молот! И все, — Санайя закрутилась, пытаясь определить, откуда слышится голос старой гоблинши.

— Когда уже ты научишься слушать сердцем, — в ворчании жрицы Леса не было недовольства, только снисходительность любящего учителя или родителя. — Прислушайся, ваша связь уже достаточно окрепла, чтобы ты могла определить, где твой суженый!

И правда, что это она сразу в панику кинулась, пора избавляться от этих недостойных настоящей ведуньи недостатков. Санайя подошла к ближайшему дереву, нежно погладила его теплую кору и прижалась к ней щекой. Это помогло успокоиться и привести мысли в относительный порядок. Теперь настроиться на Кордеса. Он где-то рядом? Точно не в том ужасном месте. В лесу. В Лесу? Да, именно так. Значит, артефакт перенес их обоих в Лес. Почему в разные места? Разве это важно, есть куда более насущные вопросы. О состоянии самого Кордеса. О портале. О судьбе группы и Молота. И, стоя растрепанной куклой на одной из многочисленных полян, Санни этого не выяснит. Она привычно погладила дерево, даже пробормотала слова извинения за то, что воспользовалась его силой, и вдруг заметила, что

ни один листочек на том дереве не пожелтел. Не получилось? Или ей больше не нужна подпитка от деревьев?

— Все равно спасибо! — улыбнулась Санайя и направилась туда, куда ее тянуло больше всего, к Кордесу, ее суженому.

По дороге попыталась привести себя в порядок. Застегнула распахнутую во время ритуала рубашку, мимоходом удивилась, как же удосужилась потерять куртку и даже не заметить этого, затем умылась в протекающем мимо ручейке и пальцами распутала спутавшиеся волосы, машинально отметив, что теперь-то понятна тяга магов к коротким стрижкам, в походах и заварушках они страдают больше всего.

Много ли она прошла? Был ли сложен путь? Казалось, что тропинка сама ложилась под ноги, покорно возникая по желанию ведуньи, идущей к своей цели. Озеро. И недалеко от него двое: неподвижное мужское тело и склонившаяся над ним старая гоблинша.

— А, пришла. И чего так долго?

— Он... жив? — слово едва протолкнулось через вмиг онемевшие губы.

— А то бы я тут пурхалась над покойником, — фыркнула старая ведунья.

— Тетушка Лачи, я вас так люблю! — Санни осторожно обняла сухенькую старушку.

— Еще чего удумала, — довольно проворчала та. — Или не на кого любовь свою растратить?

— Есть, тетушка Лачи. Но я и вас люблю! И Молота люблю. И... кажется, весь свет люблю.

— Ох уж эта молодость, — старая Лачи покачала головой, — всех-то они любят, все-то они могут. Завидую я вам. Тоже люблю всех, но все равно завидую, потому как жизнь научила сортировать все, даже любовь. Как это хорошо: любить, сомневаться, бороться со всем миром и с собой. Не потеряй этого, молодая ведунья.

— Ни за что, тетушка Лачи! — Санни, не сводя тревожного взгляда с бессознательного тела Кордеса, замотала головой. — Только давайте приведем Корда в чувство, а?

— И то правда, заболталась я что-то. Дальше ты и сама справишься. А мне пора.

Сейчас опять исчезнет, как всегда.

— Тетушка Лачи, стойте! — Санайя даже ухватила неуловимую ведунью за руку. — Что мне делать?

— А что хочешь, то и делай! — показалось или старушка подмигнула, исчезая меж деревьев?

Делай, что хочешь. Вот так совет. А что Санни хочет? Лечь рядом, прижаться. Провести рукой по груди и ниже. Коснуться губ губами.

— Корд. Мой Корд. Как я раньше жила без тебя? Или не жила? А если бы мы не встретились? А если бы ты женился на той девушке? Наверное, был бы счастлив. А я? Что бы было со мной? Не хочу будущего, в котором нет тебя со мной. Не хочу и не вижу!

От нежных прикосновений настойчивых губ веки любимого дрогнули. Значит, она делает все правильно. Мешает рубаха? Да, мешает, нужно как можно скорее ее снять. Как чувствительна кожа, как притягателен запах любимого. Именно такой, настоящий, без примеси постороннего парфюма. Как жадны и желанны его руки. Как естественны движения в вечном танце слияния двух тел. Нет ничего в мире. Только он, она и Лес, объединяющий навсегда.

— Санни?

— Да?

— Где мы?

— В Лесу.

— У нас получилось?

Вряд ли он спрашивает про завершение обряда. А ведь, если посмотреть на распустившиеся на браслетах цветы, то и ответа не требуется. Ответ требуется совсем на другой вопрос.

— Я не знаю. Последнее, что я помню из того ужасного места, это то, что белая стена исчезла.

— Нужно возвращаться! — Кордес осторожно взял девушку за плечи, немного отодвинув ее, и сел.

— Да, конечно, — Санайя стала торопливо одеваться.

Как она могла забыть про тех, кто остался. Про Молота и Дениз, про всю группу. У них еще будет время насладиться друг другом, пока же нужно спешить. Санайя поднялась, хотела помочь подняться мужчине, но он сделал вид, что не заметил протянутую руку. Не желает принимать помощь, или здесь что-то другое? Сейчас не время выяснять отношения.

Одевались в напряженном молчании. Говорить отчего-то было тяжело. Да и о чем говорить? О своих личных переживаниях и чаяниях? У Кордеса есть долг, и долг этот выше личных переживаний и, похоже, желаний. Направление, где находится база, определилось без проблем.

Как же сложно с этими мужчинами и их неумной гордостью. Ведь из последних сил идет, а все туда же, отказывается даже немного опереться на Санайю. Только и позволил, что за руку взяться, но и это уже больше по необходимости. Так и не потеряются, и силами поделятся, хотя, после произошедшего лично Санни сила так и переполняет, но судя по состоянию Кордеса, физические раны их единение не вылечило, да и с магическими силами не все понятно.

К базе вышли уже в темноте. Как ни всматривалась Санайя сквозь гущу деревьев, а все равно, столь долгожданные огни открылись неожиданно.

— Стой, куда ты, — остановил ее Кордес.

— Что? — Санни и правда не поняла предостережения, вот же он, дом и помощь для ее мужчины, совсем близко.

— Ах, ну да, ты же не видишь периметр, — больше для себя заявил он.

Пожалуй, сейчас не самый удачный момент, чтобы напомнить, что не только не видит, но и может свободно через него пройти. Эд'Пинкрон меж тем зажег на ладони небольшой огненный шарик и запустил его в сторону базы. Магическое ограждение ожидаемо отреагировало возмущенным шипением. Совсем скоро из дома показались несколько его обитателей во главе с полностью пришедшим в себя эд'Квинти. Рассмотрев возмутителей спокойствия, народ всем скопом кинулся к ним.

— Эд'Пинкрон, это и правда ты? — еще на бегу поинтересовался начальник третьего отряда.

— Я, я, открой периметр.

— Раньше фиер эд'Пинкрон мог сделать это свободно, — поддержал подозрительного эд'Квинти только что подбежавший коротконогий Мититц.

— А ну немедленно распутывай периметр! Разве вы не видите, фиер эд'Пинкрон ранен и ослаблен! — Санайя сжала кулаки и сделала

несколько шагов вперед. — Чего замерли? Или хотите, чтобы я вас всех превратила в жаб?

В жабу она не сумела бы превратить даже и лягушку, но зачем об этом всем знать? Как еще заставить этих олухов действовать.

Наверное, Санни сейчас, как никогда ранее, была похожа на ведьму, так как нелепая угроза подействовала, эд'Квинти лично взялся за распутывание периметра.

— От Валдора есть вести? — тут же поинтересовался начальник базы, как только оказался внутри ограждения.

— Как пропала связь с вами неделю назад, так больше и ничего. Еще и эта троица сбежала, — эд'Квинти бросил обвиняющий взгляд на Санайю, как будто именно она была виновата не только в побеге, но и в пропаже связи. — Где отыскал-то беглянку? И что со всеми остальными? Вам удалось?

— Даже не знаю, — неохотно выдавил из себя фиер Кордес. — Я... не все помню. Все потом! Дай немного прийти в себя.

Что здесь не понять, опять не хотят обсуждать дела при Санайе. Думала, что-нибудь изменилось? Даже ее руку выпустил, как только вышли из Леса.

Сразу, как зашли в дом, Кордеса увели куда-то осматривать и обрабатывать его раны. Жаль, Санни не догадалась сказать, что тоже пострадала, так бы оказалась вместе с ним. Хотя, ее ведь тоже просканировали и, сочтя достаточно здоровой, отправили мыться и ужинать. Похоже, далеко не все были допущены до начальника, так как большая часть обитателей базы собралась на кухне, где беглянке и был предложен поздний ужин. Рассчитывают на подробный рассказ? Все вопросы к начальству. Мало ли какая тут у вас секретность, девушкам тоже много чего не рассказывали в свое время.

Кое-как справившись с едой под пронизывающими взглядами ожидающих товарищей, Санайя поднялась и, сообщив, что устала, направилась к себе.

— Санни, хотя бы скажи, все живы-здоровы? — полетело ей вслед.

— Когда мы расстались, да, все были живы, — ответила она и быстро удалилась к себе. Не то, что разговаривать, даже видеть никого не хотелось.

Хотелось побыть одной. Нет, не так, хотелось быть с Кордесом, но ее к нему не пустили. Мог бы позвать? Мог, но не позвал.

Маленькая уютная комната, которую они делили с Дениз, без подруги показалась чужой и огромной. Как там сейчас Дениз? А вдруг на них напали? Вдруг, портал не закрылся? Значит, нужно начинать все сначала?

Связи с отрядом до сих пор нет. Значит, Кордес вновь пойдет туда. А его рука еще не зажила. Отговорить? Даже не стоит и пытаться. Долг для него всегда будет на первом месте. Имеет ли она право противопоставлять себя и долг? Пожалуй, пора вспомнить, что совсем недавно была согласна навсегда потерять его, только бы он был жив. Пора вспомнить свои обещания. В конце концов, у нее были эти две волшебные ночи в Лесу. Браслет распустился, обряд завершен, цель достигнута, голод силы должен отступить. У Кордеса есть его работа, а ей самой вскоре предстоит приступить к учебе. Вот выучится, тогда и вернется сюда, тогда они смогут быть вместе.

Усталость взяла свое, и Санайя заснула тревожным сном. В какой момент стало необычайно тепло и уютно? Разве ж во сне это определишь.

Проснулась Санни с улыбкой на губах.

— Ты что делаешь в моей постели?

— Сплю.

Исчерпывающий ответ.

— А если кто-нибудь увидит?

— И что? Мы оба взрослые люди. Близкие отношения на базе не запрещены.

Все верно говорит. Все, как и обещал. «Не буду ждать, пока заключим брак в мэрии». Не ждал. Теряет ли что-то она, Санни от близости с этим мужчиной? Репутацию? У ведуний своя репутация. А что приобретает? Приобретает все. Силу. Любовь. Пусть и такую, немного странную, где долг может быть превыше всего.

Сегодня Кордес был внимателен и нежен. Ласково касался губами кожи Санайи и каждому участку тела шептал милые глупости, от которых алели щеки и быстрее билось сердце. Или тому виной были его прикосновения? Разве это важно? Важно, чтобы он не останавливался.

— Корд!

— Санни. Моя Санни.

— Отдохнули? — улыбнулась Риса, когда наша парочка вышла к завтраку.

— Да! — Кордес собственнически положил руку на плечо Санайи.

— Ото ж дело, ото ж правильно, — со всей серьезностью кивнул Мититц. — Порядок, он же везде надобен, особенно в личных делах. Оно ж как получается, как в личном непорядок, так и дело страдает, и народ кругом, особенно, когда тот страдалец — начальник.

— Ну ладно тебе, Мититц, — благодушно попытался отмахнуться фиер эд'Пинкрон, — так уж и страдали вы.

Дружное фырканье за столом подтвердило слова гнома.

— Ладно, ладно, хватит поминать старое, — не стал спорить начальник. — Исправлюсь. Уже исправляюсь, — он чмокнул Санайю в макушку.

Приятно? Очень. Только немного стеснительно.

— Ешь, родная, не отвлекайся.

Как тут не отвлекаться, когда от его близости ложка в руках еле держится. И вообще, все забывается, когда он перехватывает руку сжатой в ней булочкой, подносит ко рту и осторожно откусывает, а потом нежно целует пальчики. Благодушные улыбки сидящих рядом сотрапезников только усиливают смущение.

Расслабленное состояние суженого закончилось вместе с завтраком. Стоило только эд'Квинти отодвинуть в сторону посуду и открыть рот, как Кордес жестко заявил:

— Нет!

— Но ты ранен. Санни, — здесь эд'Квинти споткнулся и исправился, — иерина Санайя, скажите хоть вы, куда ему отправляться. А я уже пришел в себя.

— Руководитель данного подразделения — я. И решать, кто отправится в поход, как и отвечать за все произошедшее с каждым, тоже буду я! — фиер эд'Пинкрон оглядел притихших подчиненных, как будто ожидая возражений. Так как возражений не последовало, он продолжил: — В поход отправимся я, Мититц и Риса. Вы, фиер эд'Квинти, остаетесь на базе за старшего и несете ответственность за

каждого оставшегося здесь! — особо сурового взгляда удостоилась именно Санайя. Кто бы сомневался. — И это не обсуждается!

Теперь он смотрел только на Санни, а ведь была у нее мысль отправиться вместе с ним. Присмотреть. Помочь. Просто побыть рядом. Но ведь уже все решила для себя. Кордес такой, какой есть, и с этим ничего не поделать.

— Да, конечно, — она поднялась из-за стола и собрала свою и его посуду. Пора вспоминать, какой должна быть идеальная жена. Любящей, послушной и незаметной. Пусть пока официально отношения еще не скреплены.

Как тяжело провожать своего мужчину. Отца, как когда-то давно, или любимого, неважно, ведь уходит он не просто на службу, он уходит туда, где может быть опасно, а ты вынуждена ждать его здесь. Скорее бы уж выучиться, тогда можно быть с ним на равных.

Санни до рези в глазах всматривалась туда, где скрылись спины ушедших эд'Пинкрона, Мититца и Рисы. Что их ждет? И, если она ничего не видит из будущего, значит, ничего плохого и не случится?

— Иерина дин Тиаграсса, — обратился эд'Квинти к замершей у периметра Санайе, — они не вернуться так скоро, пойдете в дом.

Как официально. Что бы это значило? Обозначает дистанцию. Злитесь? Но на нее-то за что? Хотя, если вспомнить тот побег. Наверняка эд'Квинти получил за него. И пусть все прошло удачно, его вину это не умаляет.

— Я понимаю, что вернуться не скоро, вы идите, не стоит меня ждать.

На это заявление эд'Квинти сложил руки на груди и демонстративно усмехнулся. Не доверяет? Считает, что может сбежать? А что здесь скажешь, у него есть почва для сомнений.

— Вы, Маляв и фиера эд'Григ нарушили прямой приказ руководства не покидать периметр базы. Те двое будут наказаны по возвращении, вы же, иерина дин Тиаграсса, в наказание получаете наряд на кухню. До возвращения начальства, — припечатал боевик.

Пора привыкать к полувоенизированному существованию отряда, если командир сказал, в наряд, значит, в наряд. Только после ужина Санайя поняла его замысел. Прокрутившись весь день на кухне, ей

некогда было предаваться страхам и унынию. К тому же, она так устала, что уснула почти сразу.

Завтрак порадовал вынужденных заключенных приятным разнообразием. Эд'Квинти лишь усмехнулся, когда одна из девушек поинтересовалась, когда же Санни встала, чтобы приготовить все это. Еще больше все удивились, когда она отказалась от помощи. Это хорошо, что занята, безделье ее доконало бы, и даже уже привычная работа с бумагами не помогла бы, только физический труд. Нужно бы еще и бегать по утрам начать, а то в походе выяснилось, что она никудышный путешественник, а ведь скорость отряда зависит от самого медленного его члена.

На четвертый день напряженного ожидания эд'Квинти лично зашел на кухню и сказал всего два слова:

— Они возвращаются.

Оглушительный звон упавшей на каменный пол крышки от кастрюли привлек внимание всех находящихся поблизости обитателей базы.

— Совсем загонял девчонку, — выразила общее недовольство Маэла — плотная магиня, специализирующаяся на заклинаниях воздуха и воды, — скоро бедняжка и сама начнет падать от усталости. Вот вернется начальник, обязательно накажет тебя за издевательства над эм-мм... практиканткой.

Хотела сказать «Над его женщиной»? Возможно. Но не это сейчас главное.

— Они возвращаются, — счастливая улыбка сама растянула губы.

Дружное ура испугало бедолагу Хрунича, решившего, что, коли все собрались на кухне, значит, обед сегодня будет раньше обычного.

Эд'Квинти тут же засыпали вопросами, но тот лишь повторил слова вестника, что все целы и прибудут на базу к вечеру завтрашнего дня.

После того, как у Санайи из рук выпала из рук миска с мукой, а потом и лоток яиц, ее решительно отстранили от кухни. Что тут скажешь, ни к каким разумным действиям она не была сейчас способна. И только угроза оставшегося за руководителя эд'Квинти приковать ее к столбику на веранде сдержала от того, чтобы бежать навстречу группе.

Каким же коварным может быть время. То оно бежит, оставляя далеко позади и окунувшихся в блаженные мгновения счастливых, и опоздавших неудачников, то, наоборот, останавливается и словно насмехается над теми, кто ждет.

— Фиер эд'Квинти, миленький, а вдруг им нужна наша помощь? — уже не первый раз начинала Санайя. — Ведь уже все позади! Встретим, поможем. Ведь самому хочется оказаться как можно скорее рядом с ними!

— Хочется, — не стал спорить этот непробиваемый, — но у меня четкий приказ: сидеть здесь и следить, чтобы одна неугомонная ведунья не сделала и шагу за периметр базы. Иерина дин Тиаграсса, поймите, меня в случае невыполнения приказа накажут гораздо жестче.

Стало ли Санайе стыдно? Стало. И что? Легче-то не стало.

Еще два долгих дня все обитатели базы провели в тревожном ожидании. И пусть вестники с сообщениями, что у отряда все хорошо, приходили дважды в день, все равно волновались все. Бессовестный эд'Квинти демонстративно нацепил на Санни яркую следилку, из тех, которые надевают на малых детей, чтобы всегда быть в курсе, где же они находятся. Попытка ведуньи удалиться хотя бы в Лес была тут же обнаружена и с позором пресечена. Оправдания никто слушать не стал. Эд'Квинти злился, все остальные усмехались, наблюдая за их противостоянием.

К моменту возвращения отряда все уже извелись, включая Хрунича. Кот, чутко улавливая общую тревогу, беспокойно ходил от одного к другому и на своем кошачьем интересовался, почему все так напряжены, ведь перебоев с продуктами нет, и завтрак-обед-ужин подаются вовремя. Он же, не подчиняясь приказам никакого начальства, нагло пересек периметр и умчался в ту сторону, откуда ожидалось прибытие отряда.

Показались из-за поворота.

— Идут, идут! Фиер эд'Квинти, ну теперь-то можно? — Санайя от нетерпения готова была подпрыгивать, как когда-то в детстве, когда ожидала швартовки папиного корабля.

— Санька-аа! — улыбающаяся от уха до уха Дениз раскинула руки.

Рядом с ней шел довольный Молот. Еще одна тяжесть свалилась с души. Жив, герой.

До чего же вредный этот эд'Квинти, не иначе, как специально так долго распутывает защитное плетение периметра.

— Денни, вы вернулись!

У пришедших быстро разобрали поклажу, и все дружно пошли к дому.

— Ну что, справились?

— Да, основной проход закрыт, — кивнул фиер Кордес. — Немного отдохнем и сформируем отряды для обнаружения остаточных мелких порталов и отлова оставшихся здесь тварей. Справимся.

Так хотелось подойти и прижаться к любимому. Не потому что испытывала голод силы, нет, прежние неприятные ощущения исчезли, но желание быть ближе никуда не делось. Да и исчезнет ли оно когда-нибудь? Как назло, Кордес был нужен сразу всем. Его расспрашивали, ему что-то рассказывали, бесовестный эд'Квинти утащил его в кабинет, нагло заявляя, что баня пока все равно занята девушками, а ужин полагается после бани.

В бане девушки, памятуя, что их ожидают страждущие помыться мужчины, надолго не задержались.

— Денни, ну как вы, рассказывай!

— А что мы? Ну, побесновался иер Валдор, — она усмехнулась, видимо, вспоминая особо изысканные перлы воспитательного процесса, — а чего ругаться-то, ему же все объяснили. Потом и Молот вернулся. Тут наш начальник еще поругался. Потом как поперла всякая гадость! Ух, Санька, там и мне досталось! Я имею в виду, подраться, а так ни-ни, это, — она указала на раненную ранее руку, — случайность. А потом опять ждали. Ну, не то, чтобы ждали, понемногу ходили по округе, искали кого постороннего, пока Молот не сказал, что все закончено, и можно выдвигаться обратно. Но у нас же приказ: ждать две недели. До сих пор не пойму, как Валд собирался две недели отсчитывать, время-то там, сама знаешь, бешенное. Ну да и ладно. Фиер эд'Пинкрон пришел, откуда его совсем не ждали, и тоже сказал, что все закончилось. Сказал, что ты на базе, и все. Санька, что там дальше-то было, а? Рассказывай, не томи!

Легко сказать: рассказывай. А что рассказывать? Как нашла обессиленного Кордеса? Как он боролся с чудищами? Как закрывали

портал? Или как завершали ритуал? Столько всего случилось.

— А что рассказывать? Думаю, по делу фиер Кордес и сам все рассказал, что счел нужным.

— А не по делу? — прищурилась Дениз. Вот же дотошная.

— И не по делу все нормально, — как можно спокойнее ответила Санайя и показала запястье, на котором ярко цвел брачный браслет.

— И почему ты тогда такая грустная?

— Я не грустная, у нас и правда, все нормально.

Прозвучавший гонг позвал к ужину и прервал тягостный разговор. Да и о чем дальше разговаривать, ведь у них все нормально. Подумаешь, не раскрыл при встрече объятия, как Дениз. Так люди и не должны быть все похожи. Кто-то ярко выражает свои чувства, кто-то не выставляет это напоказ. Чему удивляться.

После ужина все дружно перебрались на террасу. Теплый летний дождь меланхолично стучал по крыше, внушая умиротворение и спокойствие. Вняв праведному возмущению тех, кто оставался на базе, фиер эд'Пинкрон принялся за рассказ. Как же ладно да спокойно все происходило, если судить по его словам. Без происшествий дошли до места возмущения, определили точку раскрытия портала, попытались закрыть его, согласно инструкции. Согласно инструкции портал закрываться не пожелал. Мало того, при очередной попытке его закрыть, словно бы исчез. К огромному сожалению бойцов отряда, исчез он только из поля их видимости. Артефакты обнаружения показывали, что никуда он не исчез, а словно бы рассеялся, продолжая в то же время пропускать в их мир всякую гадость вроде тех же миитов. Вот тогда и начались проблемы с расстоянием и временем. По-хорошему, стоило бы вернуться и дождаться прибытия более подготовленных специалистов. Останавливало только одно: у них не было того самого времени и, что еще более удручающе, тех самых специалистов. Выяснили, что путь к порталу вытягивает из магов силу. Тогда мы решили, ну ладно, я решил, исправился эд'Пинкрон, поймав укоризненный взгляд орка, собрать все накопительные артефакты и отправиться к порталу в одиночку. Смысл в этом действии был: одному магу артефактов подзарядки хватило бы на большой промежуток времени. О том, как он потерял силы, как нашла его Санайя, как боролся с инуоршами и закрывал портал, Кордес рассказал

несколькими скупыми словами. Как все легко вышло, если верить его словам.

Невольно вспомнился обстоятельный рассказ Мититца. Санни даже улыбнулась, если бы на месте фиера эд'Пинкрона оказался гном, то эпопея тех же самых походов могла бы занять несколько томов.

— Чему улыбаешься? — обратился к ней Кордес, тоже улыбаясь. — Я где-то ошибся? Исправь.

— Нет-нет, все так и было.

— И все же, шеф, — прогудел Валдор, — мы так и не поняли, ты же сказал, что артефакты силы разрядились все в ноль, где ж ты те силы взял, чтобы бороться с тварями, да еще и портал потом закрыть?

— А вы разве не догадались? — Кордес вытянул вперед правую руку и обнажил запястье, на котором цвел роскошный брачный браслет. — Я их получил от своей суженой, — он подошел к Саннае, вытащил ее из кресла, в котором она смущенно сжалась под общими взглядами, уселся в это кресло сам, удобно устроив девушку на коленях, и крепко ее поцеловал под одобрительные возгласы товарищей.

Словно сама по себе на столе появилась большая плетеная бутылка. Дружно грянула первая здравица. Посыпались поздравления и шутки, смысл большинства которых сводился к тому, что: «Счастливый начальник — добрый начальник».

— К сожалению, и здесь я буду вынужден вас разочаровать, — усмехнулся счастливый и добрый начальник. — Осенью моя жена начинает обучение в столичном магическом училище, и я подам рапорт-прошение о переводе. Не смогу без моей ведьмочки, — теплые губы мягко коснулись виска.

Кто-то что-то говорил, кто-то поздравлял стихами и целыми балладами, Санни же лишь улыбалась и млела в объятиях любимого. Думала ли она когда-нибудь, что найдет свое счастье в волшебном Лесу, и что для счастья нужно совсем немного, но как же много нужно сделать, чтобы его добиться.

ЭПИЛОГ

Две девушки — ведунья и магичка — неспешно шли по осеннему яркому парку, разгребая ногами опавшее великолепие. Одна из них изредка наклонялась и подбирала особо понравившиеся листья.

— Знаешь, больше года уже прошло, а у меня до сих пор где-то в душе прячется чувство вины за все это, — она обвела рукой теряющие свой наряд деревья. — Умом я понимаю, что таков естественный жизненный цикл, но как вспомню...

— Вспомнит она, — добродушно проворчала спутница. — А то тебе вспоминать нечего! Вспоминай в таких случаях своих друзей, наши приключения, меня, в конце концов. Да хоть мужа своего!

— Своего мужа я ни на миг не забываю, — теплая улыбка коснулась губ Санайи. — А тебя... Денни, пожалуйста, хотя бы раз прислушайся ко мне! Я совсем не вижу, что ждет тебя впереди! А тетушка Лачи и метресса Ликинна не хотят помочь! «Смотри сама», говорят. Как будто я не пытаюсь. Всего каких-то два года, и я буду настоящей дипломированной ведуньей! Корд организует отряд, и мы отправимся на Неизведанный Материк вместе! Ты же не будешь отрицать, что наша помощь будет востребованной. Денни, всего два года!

— Там мои родители, — тихо ответила магичка, подбирая яркий кленовый лист и передавая его подруге.

— А вдруг, у них нет тех двух лет? Я так долго стремилась к этой цели. Правдами и не правдами пыталась попасть в эту экспедицию. Я должна! К тому же, теперь в состав подобных экспедиций обязательно входит хотя бы одна ведунья. Отряд хорошо подготовлен.

— Я слышала, что начальник там самодур.

— Я и не жду, что будет легко. Главное, меня взяли.

— Денни, но ведь зима на носу!

— Меня ничто не остановит.

— Я знаю, Денни, я знаю, — ведунья раскрыла ладони.

Яркие листочки закружились в медленном танце, не спеша смешаться с ковром своих собратьев.

— Знаешь, — продолжила Санайя, — я не вижу твоего будущего, но верю, что все у тебя будет хорошо! Вот верю, и все!

— А я верю тебе. А потому: вперед, за приключениями?

— Ярких тебе красок и впечатлений, подруга.

КОНЕЦ

— Ат-Уаки* — богиня ведовства и плодородия у островитян;

— Веда* — верховное божество ведуний;

— Играта* — мир, в котором живут наши герои;

— илидИ* — обряд подготовки невесты к браку в Священном Лесу;

— инуорш* — демоническая сущность из потустороннего мира;

— Ирден* — повелитель морских вод;

— мииты* — мелкие демонические сущности из потустороннего мира;

— свирхи* — мелкая лесная полу-разумная нечисть;

— Тиирра* — королевство, где происходят основные события;

— Тогритт* — бог смерти;

— уурду* — ведьма, ворожея и предсказательница островитян;

.